

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2026

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 6 номеров печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

- Филипп О. Трунов*
Эволюция присутствия бундесвера в передовой части
зоны ответственности НАТО 12
- Демокрит М. Заманатулов*
Будущее американской стратегии сдерживания
в условиях формирования полицентричного мироустройства 35
- Марсель М. Гумеров*
Современная турецкая историография об интеллектуальном
наследии лидеров политического тюркизма 53
- Артеми Д. Джафаров*
Вклад представителей ирландской диаспоры
в формирование американской политической философии 72

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Елена М. Крюкова, Виктор М. Заернюк*
Туристский потенциал стран Ближнего Востока и его влияние
на развитие экономики стран региона 89
- Алина П. Николаева*
«Долгий 68-й» в США в репрезентациях кубинской
общественности 110
- Рамазан Элимхаджиев*
Стратегии КНР и США в отношении Тайваня в XXI в. 123
- Никита К. Панько*
Эволюция внешнеполитического курса Тайваня:
отношения с США и Японией 140

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Павел Г. Кошкин*
Проблема дезинформации в консервативном дискурсе
во время электоральной кампании–2024 и второго
президентского срока Д. Трампа 150

Иван А. Возмитель

Роль дезинформации в электоральных кампаниях:
анализ президентских выборов в США в 2016 и 2024 гг. 168

Елена В. Бурдина

Американское внешнеполитическое кредо как концепция
и историческое явление: истоки и роль в XXI в. 188

Книжная полка

Виктория И. Журавлева

Православный аспект культурного диалога между
Российской империей и США. Рецензия на книгу:
Печатнов В.О., Печатнов Вал.В. Русская православная
церковь в Америке: Очерки истории, 1867–1917.
М.: Аспект Пресс, 2025. 448 с. 204

Даниил Д. Сушков

История итальянского (нео)фашизма: к вопросу
об исторической преемственности. Рецензия на книгу:
Славина Я. Итальянский фашизм: 100 лет постоянства и перемен.
М.: Кучково поле, 2025. 461 с. 213

Публикация источников

Сергей Л. Медведко

«Этим интернациональным долгом в Афганистане
мы раскололи родину...» (по воспоминаниям советских
военных и востоковедов о спорном решении) 222

CONTENTS

International Relations: History, Historiography and Methodology

Philipp O. Trunov

The evolution of the Bundeswehr's presence
in the forward part of NATO's area of responsibility 12

Demokrit M. Zamanapulov

The future of the American deterrence strategy in the context
of the formation of a polycentric world order 35

Marsel M. Gumerov

Contemporary Turkish historiography on the intellectual heritage
of the leaders of political Turkism 53

Artemiy D. Dzhafarov

The contribution of the Irish diaspora members
to the formation of American political philosophy 72

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Elena M. Kryukova, Victor M. Zaernyuk

The tourism potential of the countries of the Middle East and its impact
on the economic development of the countries of the region 89

Alina P. Nikolaeva

"The USA's Long 1968" in the Cuban public discourse 110

Ramazan Elimkhajiyev

China and the United States' strategies toward Taiwan
in the 21st century 123

Nikita K. Panko

Evolution of the foreign policy course of Taiwan:
relations with the United States and Japan 140

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Pavel G. Koshkin

The problem of disinformation in the conservative discourse
during the 2024 electoral campaign and Donald Trump's
second presidential term 150

<i>Ivan A. Vozmitel</i>	
The role of disinformation in electoral campaigns: analysis of the US presidential elections in 2016 and 2024	168
<i>Elena V. Burdina</i>	
American Foreign Policy Creed as a concept and a historical phenomenon: origins and role in the 21 st century	188

Bookshelf

<i>Victoria I. Zhuravleva</i>	
The Orthodox dimension of the cultural dialogue between the Russian Empire and the United States. Book review: <i>Pechatnov V.O., Pechatnov Val.V. The Russian Orthodox Church in America: Essays on history, 1867–1917. Moscow: Aspekt Press, 2025. 448 p.</i>	204
<i>Daniil D. Sushkov</i>	
History of Italian Neo-Fascism: Addressing historical continuity. Review of: <i>Slavina Ya. Ital'yanskii fashizm: 100 let postoyanstva i peremen</i> [Italian fascism: A century of continuity and change]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2025. 461 p.	213

Primary Sources

<i>Sergei L. Medvedko</i>	
“In consequence of this internationalist duty in Afghanistan, we divided our homeland...” (based on the memoirs of the Soviet military personnel and orientalists about the controversial decision)	222

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-12-34

Эволюция присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО

Филипп О. Трунов

*Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, 1trunov@mail.ru*

Аннотация. Во время смены миропорядка заметно возрастает фактор военной силы. Статья исследует эту тенденцию на примере того, как ФРГ в контексте «сдерживания» с РФ наращивает длительное (от полугодового до постоянного) присутствие бундесвера в восточной части зоны ответственности НАТО. Методологически использованы положения теорий строительства вооруженных сил и неореализма (структурного реализма). Германия во многом старается компенсировать вынужденный стратегический уход из геополитически ключевых стран происхождения конфликта на Глобальном Юге (прежде всего Афганистана и Мали). Создавая группировки вблизи границ РФ, ФРГ стремилась представить свои усилия как часть многосторонних (совместных с партнерами по блоку), наращивала их плавно и последовательно. Показана эволюция использования бундесвера в Центрально-Восточной и Северной Европе, особое внимание уделено созданию постоянно дислоцированной в Литве германской бригады. Готовность или, напротив, ее отсутствие у конкретной страны стать реципиентом континентов ФРГ рассматривается значимым индикатором фактического отношения к лидерским устремлениям Берлина. В выводах дается прогноз развития системы присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО.

Ключевые слова: Германия, бундесвер, «сдерживание», Россия, НАТО, передовое развертывание, Литва, Польша, Словакия, Румыния, Норвегия

Для цитирования: Трунов Ф.О. Эволюция присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 12–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-12-34

© Трунов Ф.О., 2026

The evolution of the Bundeswehr's presence in the forward part of NATO's area of responsibility

Philipp O. Trunov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, 1trunov@mail.ru*

Abstract. When the world order is changing, we can face the significant increase of the military force factor. The article explores the trend using the example of Germany. The FRG has been “detering” the Russian Federation and increasing the long-term (from six months to permanent) Bundeswehr's presence in the eastern part of NATO's area of responsibility. The author used the theories of the armed forces' building and neorealism (structural realism). Germany has been largely trying to compensate for its strategic withdrawal from the geopolitically key countries of origin of the conflict in the Global South (primarily Afghanistan and Mali). By creating the Bundeswehr's groupings near the borders of Russia, Germany has sought to present its efforts as part of the multilateral ones, joint with the NATO partners. The FRG has improving those efforts smoothly and consistently. The article shows the evolution of the way the Bundeswehr was employed in Central-Eastern and Northern Europe, pays special attention to the formation of the German brigade permanently located in Lithuania. The willingness or, conversely, the lack of it by particular country to become the recipient of the German military contingents is regarded as a significant indicator of the contemporary attitude towards the FRG's leadership aspirations. The conclusions provide a forecast of the development of the long-term Bundeswehr's employment in the advanced ranks of NATO's area of responsibility.

Keywords: Germany, Bundeswehr, “deterrence”, Russia, NATO, advance deployment, Lithuania, Poland, Slovakia, Romania, Norway

For citation: Trunov, Ph.O. (2026), “The evolution of the Bundeswehr's presence in the forward part of NATO's area of responsibility”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 12–34, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-12-34

В середине 2020-х гг. смена миропорядка постепенно вступает в решающие фазы. В истории международных отношений данный процесс традиционно включал возрастание фактора силы. Премонстрировать ее часто стремятся государства, чьи роль и позиции рискуют заметно сократиться. В нынешних условиях эта опасность существует для европейских стран-участниц НАТО во главе с либеральным истеблишментом [Братерский 2025, с. 12–15]. Они настойчивы в попытках «сдерживать» и «отбрасывать» наиболее

активных незападных государств – в первую очередь, Россию. В рамках данной стратегии одна из наиболее провокационных по отношению к оппоненту тактик – размещать вблизи его границ свое военное присутствие, особенно наземное. Это должно заставить государство-объект для воздействия втягиваться в затратную в разных отношениях «гонку вооружений», тем самым становиться «хрупким» изнутри.

«Либеральные демократии» подавляющее большинство мер по «сдерживанию» заявляют в качестве многосторонних, тем самым стремятся подчеркнуть свою приверженность мультилатерализму. Многонациональными являются большинство формирований наземных сил передового развертывания (*Forward Land Forces, FLF*) НАТО на территории 9 стран-участниц в передовой, обращенной на восток, части зоны ответственности блока¹. Вместе с тем вклад конкретных государств-членов заметно различается. Показателем пример ФРГ, которая стремится быть крупнейшим европейским государством-вкладчиком в деятельность НАТО в целом и ряда конкретных группировок блока [Трунов 2024b].

Под реализацию данных замыслов официальный Берлин пытается подвести необходимую объемную ресурсную базу. В середине 2020-х гг. Германия стремительно приближалась к уровню военных расходов в 100 млрд долл.², а к концу десятилетия может их довести до более чем 160 млрд долл.³ Медленнее продвигается увеличение численности бундесвера. К 2026 г. он насчитывал 185 тысяч военнослужащих⁴. Однако и здесь амбициозны установленные целевые показатели на начало 2030-х гг.: не менее 260 тысяч солдат и офицеров на действительной службе, 200 тысяч резервистов⁵.

¹ Strengthening NATO's eastern flank // NATO. 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (дата обращения: 19.12.2025).

² Defence expenditures of NATO countries (2014–2025). Brussels: NATO, 2025. P. 8.

³ The Hague Summit Declaration // NATO. 25.06.2025. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2025/06/25/the-hague-summit-declaration> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴ Personalzahlen der Bundeswehr // Bundeswehr. 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/zahlen-daten-fakten/personalzahlen-bundeswehr> (дата обращения: 19.12.2025).

⁵ Eckpunkte für neuen Wehrdienst: Sechs Monate Dienstzeit, 260.000 Aktive // Augengeradeaus. 4.07.2025. URL: <https://augengeradeaus.net/2025/07/eckpunkte-fuer-neuen-wehrdienst-sechs-monate-dienstzeit-260-000-aktive/> (дата обращения: 19.12.2025).

Одновременно ФРГ снижает свой до того достаточно высокий порог (набор условий для) применения силы. В последнем случае иллюстративны объемы и содержание поставок вооружений для Украины, включающие очень широкую номенклатуру вплоть до танков⁶, проработку вопроса о предоставлении систем *Taurus* – фактически ракет меньшей дальности.

Следуя по пути милитаризации, германский истеблишмент особый акцент делает на использовании бундесвера в нынешней передовой части зоны ответственности НАТО. Так, первая из вновь созданных в бундесвере бригад – 45-я танковая – была учреждена в апреле 2025 г. с базированием в Литве как часть *FLF*⁷.

Задача статьи – исследовать динамику и перспективы длительного (от полугодового до постоянного) использования бундесвера в восточной части зоны ответственности НАТО в Европе. Следует оговорить, что в работе задействование бундесвера в военных учениях в перечисленных регионах рассматривается лишь по касательной, так как это кратковременное (от нескольких дней до 2–3 недель) направление контингентов ФРГ.

Зарубежные и отечественные специалисты создали обширный корпус работ по различным вопросам развития и использования бундесвера, в том числе в Центрально-Восточной (ЦВЕ) и Северной Европе. Вместе с тем обычно в последнем случае изучаются именно конкретные по времени или географии сюжеты [Трунов 2024a; Трунов 2025b; Lang 2023; Major, Swistek 2022], а попытки создать общую картину достаточно редки.

Увеличивается количество публикаций по различным аспектам деятельности НАТО как института, включая функционирование его группировок. Однако в таких исследованиях вклад ФРГ обычно рассматривается как один из частных сюжетов [Biscop 2022; Deni 2024]. При проведении исследований по международным отношениям растет востребованность в междисциплинарной методологии [Павленко 2025]. Данная работа не исключение. Заметную роль в ее подготовке сыграла опора на теорию строительства вооруженных сил (ВС). Согласно ей изменения организационно-штатной структуры ВС (ОШС; создание, упразднение,

⁶ Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // Bundeskanzleramt. 17.04.2025. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/waffenlieferung-ukraine-2054514> (дата обращения: 19.12.2025).

⁷ Die Bundeswehr hat eine neue Brigade // Bundeswehr. 1.04.2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/deutsche-panzerbrigade-45-litauen-indienststellung-5927738> (дата обращения: 19.12.2025).

реорганизация войсковых единиц), развертывание их формирований вне границ государства есть значимые индикаторы перемен в приоритетах внешней политики в целом. Востребованным оказалось и обращение к теории неореализма (структурного реализма), которая указывает, что внешняя политика государства может быть успешна только, если она соответствует ожиданиям других игроков [Waltz 1979, pp. 91–94]. Данный тезис помогает объяснить состав тех государств НАТО, которые оказались готовы стать реципиентами присутствия бундесвера или, напротив, критически отнеслись к такой возможности.

Смена приоритетов и географии использования бундесвера

В холодную войну ФРГ использовала свои ВС (учреждены в 1955 г.) лишь на своей территории, будучи предельно сосредоточена на «сдерживании» СССР, его союзников по ОВД и попытках решить «германский вопрос»⁸. Его урегулирование в интересах официального Бонна, а именно переход под его юрисдикцию земель ГДР по итогам переговорного процесса (1990), и свертывание конфронтации «Запад – Восток» задали рамочные условия для фундаментальных изменений в применении бундесвера. Уже с 1991 г. он стал де-факто применяться вне зоны ответственности НАТО⁹, а в середине 1994 г. был снят юридический запрет на это в Основном законе¹⁰. Практикой, которую закрепил Бундестаг своим решением, стало заграничное задействование бундесвера почти исключительно под эгидой международных организаций (НАТО, ООН, ЕС, в отдельных случаях даже АС). Тем самым ФРГ проявляла приверженность мультилатерализму, одновременно пыталась позиционировать себя как стратегически взвешенного игрока. Так, использование германских военных в составе миссий вне зоны ответственности Альянса осуществлялось в основном в небоевых формах. Исключением стало участие ФРГ в военно-воздушных операциях НАТО против Республики Сербской (1995) и Югославии (1999), что требовалось официальному Бонну/Берлину, чтобы утвердиться в положении региональной державы.

⁸ The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defence, 2009. P. 14–19.

⁹ Ibid. P. 52.

¹⁰ Ibid. P. 39.

В 1990-е – начале 2010-х гг. последовательно сокращалась численность бундесвера и происходили преобразования его ОПС таким образом, чтобы обеспечить ФРГ возможность выполнять роль провайдера безопасности и стабильности для стран происхождения вооруженного конфликта. Принимая эти функции в числе партнеров по НАТО и ЕС, Германия старалась выстроить систему военного присутствия на Балканах (с 1990-х гг.), а с начала XXI в. – на Глобальном Юге, прежде всего в странах Африканского рога, на Ближнем и особенно Среднем Востоке (с 2000-х гг.) [Власов 2016], в Сахаро-Сахельском регионе (к середине 2010-х гг.). Бундесвер осуществлял ротацию своих контингентов (обычно каждые полгода), фактически создавала сеть своих военных объектов (чаще всего как составляющих многосторонних баз – например в Мазари-Шарифе в Афганистане и Гао в Мали). Объемы использования германских военнослужащих вне зоны ответственности НАТО достигли пиковых значений в начале 2010-х гг. – одновременно 7 тысяч, иногда до 10 тысяч человек [Glatz et al. 2018, S. 8–11].

Государство, которое позиционирует себя как ответственного за урегулирование локального вооруженного конфликта, должно выработать и быть на практике способно реализовать результативные тактики по всеобъемлющему прекращению огня и переходу к постконфликтному развитию. Особенно важными и сложными в этом ряду были меры по нейтрализации террористических формирований, дискредитации их идеологии. Но Германия в числе партнеров по НАТО и ЕС, по сути, не смогла обеспечить полноценного урегулирования ни на одном из направлений с использованием бундесвера. Признаки этого стали возникать с середины 2010-х гг., превратились в устойчивую тенденцию на рубеже десятилетий. Как результат официальный Берлин в числе других «западных демократий» был вынужден вывести контингенты из Афганистана (к середине 2021 г.), Мали и Нигера (к концу 2023 г.) [Трунов 2025а, с. 12–14], т. е. из обеих зон наиболее масштабного использования бундесвера *вне* зоны ответственности НАТО.

На данном фоне во второй половине 2010-х гг. Берлин стал перефокусировать внимание на использование своих ВС внутри последней – прежде всего во вновь возникшей передовой части. Одновременно ФРГ стала активно разрабатывать планы по укрупнению ВС (прежде всего сухопутных войск) и их реорганизацию таким образом, чтобы они оказались готовы вести широкомасштабные боевые действия. Уместно утверждать о сочетании объективных и субъективных мотивов при изменении акцентов в географии применения и развитии бундесвера. Настойчивое стремление Берлина следовать по пути «сдерживания» России дополняла неиз-

бежная утрата ключевых германских стратегических позиций на Глобальном Юге. Осознавая это, истеблишмент ФРГ искал способ компенсировать потери через резкое наращивание присутствия на Глобальном Севере, а конкретно – в передовой части зоны ответственности НАТО. При этом некая «российская угроза» казалась Берлину удобным информационное обоснованием.

На протяжении «холодной войны» Западная Германия была *реципиентом* масштабного союзнического (до 1955 г. – оккупационного) военного присутствия (США, Великобритании, Франции, а также Канады и Бельгии, Нидерландов, Люксембурга)¹¹. Бундесвер образовывал с ним единое оперативно-стратегическое целое, количественно сам вносил наиболее крупный вклад в комплектование группировок в той передовой части зоны ответственности блока.

В современной конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и Россией для ФРГ¹² предпочтительнее другая роль: стараться быть *донором*, разворачивать контингенты во владениях государств-партнеров по блоку в его восточной части. Соответственно, в данном отношении официальный Берлин действует аналогично другим «западным державам» (США, Великобритании, Франции), в целом ряду самых «старых» (по продолжительности членства в НАТО) стран блока. Здесь может быть высказано то замечание, что контингенты в состав многонациональных формирований сил передового развертывания (СПР) в одноименной части зоны ответственности блока направляют практически все расположенные в ее глубине государства-члены, в том числе средние и малые (например, Бельгия, Португалия, Хорватия). Не оспаривая данного факта, необходимо выделить две принципиальные, присущие именно ФРГ, характеристики использования войск в составе СПР. Одна из них *количественная* – масштаб вклада, который в случае бундесвера уступает только ВС Соединенным

¹¹ Ibid. P. 14–19.

¹² В нынешних реалиях Германия продолжает быть реципиентом военного присутствия США и Великобритании. Планы 2018–2020 гг. первой легислатуры Д. Трампа в 1,5 раза сократить группировку в ФРГ (имеет до 40 тысяч военнослужащих) не были реализованы, а действующая администрация к ним не возвращалась. В свою очередь, Лондон пересмотрел собственные планы начала 2010-х гг. полностью вывести войска из ФРГ. Контингенты официальных Амстердама и Парижа на территории Германии имеют скорее номинальные значения, считаются частью соединений совместного комплектования (франко-германской бригады, 1-го германско-нидерландского корпуса). Канада (1993) и Бельгия (2004) свернули свое присутствие в ФРГ.

Штатам. Необходимо подчеркнуть, что в рамках Альянса в целом, всей системы его группировок по количеству выделенных военнослужащих ФРГ находилась на втором месте среди стран-участниц, а впереди лишь США¹³.

Другая характеристика – *качественная*. Официальный Берлин в опережение других партнеров по НАТО озвучивал ряд решений, которые выводили функционирование СПР (и опасность, которая исходит от них для России) на совершенно новый уровень. В июне 2022 г. канцлер О. Шольц заявил о планах постепенно сформировать полноценную бригаду на базе батальонной многосторонней боевой группы в Литве [Lang 2023, S. 2]. Следующее подобное решение об укрупнении аналогичной войсковой единицы (с батальона до бригады) было принято в рамках блока в 2024 г.¹⁴ В свою очередь, вновь стараясь действовать в опережение союзников по Альянсу, в ноябре 2023 г. Берлин заявил, что планируемая к созданию бригада *FLF* на территории Литвы будет в основном укомплектована германскими военными, получит наименование от бундесвера (изначально планировалось наименование 42-я танковая, вскоре смененное на 45-я танковая)¹⁵. Следует обратить внимание, что в передовой части зоны ответственности лишь США располагали соединениями уровня бригада, которые состояли из военнослужащих одного государства. Растущий вклад в комплектование *FLF* становится одним из ключевых индикаторов современных лидерских устремлений официального Берлина.

Эволюция вклада бундесвера в СПР НАТО на начало 2020-х гг.

Возникнув в результате череды расширений на восток блока (с 1999 г.), новая передовая часть его зоны ответственности стала включать значительную часть постсоциалистического пространства. Официальный Берлин поддерживал вхождение в блок бывших

¹³ Europäische Sicherheit gemeinsam stärken // Bundeskanzleramt. 9.05.2025. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-bei-nato-generalsekretaer-2346596> (дата обращения: 19.12.2025).

¹⁴ Strengthening NATO's eastern flank // NATO. 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (дата обращения: 19.12.2025).

¹⁵ Entscheidungen zur Brigade Litauen // BMVg. 6.11.2023. URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/entscheidungen-zur-brigade-litauen-5699268> (дата обращения: 19.12.2025).

стран-участниц ОВД, прибалтийских республик прекратившего существование СССР, ряда союзных субъектов распавшейся Югославии. Вместе с тем ФРГ первоначально почти не использовала формирования бундесвера на длительной основе на территории новых государств НАТО. Исключение составляло лишь его ротационное вовлечение в деятельность постоянных 1-й морской и 1-й контрминной групп Альянса (ПМГ и ПКМГ; с 2004 г.) и Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии (*Baltic Air Policing*, также с 2004 г.) [Трунов 2024а, с. 65–67]. Формально по просьбе последних были учреждены все три многонациональных формирования блока. Показательно, что первые постоянно действующие группировки Альянса в ЦВЕ (а именно в той ее части, что прилежала к Северной Европе) оказались именно морскими и воздушными, т. е. не являлись наземными. Это правило оставалось неизменным, когда после «августовской войны» 2008 г. под эгидой НАТО были созданы 2 ПМГ и 2 ПКМГ, существенную часть времени находившиеся в Черном море. Став разворачивать вблизи границ РФ чувствительное для нее присутствие под эгидой блока, государства-члены Альянса начали с менее провокационных мер.

Будучи в полной мере сопричастной к выработке этого подхода в середине 2000-х гг., Германия стала его использовать в ситуации, когда возникла и стала развиваться конфронтация между Евро-Атлантическим сообществом и РФ (с 2014 г.). Берлин предпочитал наращивать оказываемое давление плавно, но последовательно, считая это наиболее эффективным и одновременно предупреждающим риск возникновения неконтролируемой эскалации.

На самых первых этапах, особенно на фоне активно шедшего вооруженного конфликта на тогдашнем востоке Украины (2014–2015), ФРГ старалась минимизировать объемы задействования своих контингентов в учениях Альянса в ЦВЕ, противилась появлению здесь наземных формирований под флагом Альянса. Это привело к «кризису ожиданий» и спаду доверию в межгосударственных отношениях Германии с рядом региональных игроков – прежде всего странами Балтии и Польшей [Трунов 2024а, с. 67–69].

Притом в феврале 2015 г., хронологически незадолго до подписания соглашения «Минска-2» по Украине, Германия совместно с Данией и Польшей предложила использовать трехсторонний корпусной штаб «Северо-Восток» (существовал с 1999 г.) как основу для одноименного многонационального управления под флагом Альянса в передовой части зоны ответственности¹⁶.

¹⁶ Trilateral Statement on HQ Multinational Corps Northeast at NATO Defence Ministers Meeting 5 February 2015. Brussels: NATO, 2015. P. 1–2.

В развитие этого уже на Варшавском саммите НАТО (июль 2016 г.) ФРГ не только поддержала идею учредить наземную компоненту СПР – развернуть по одной батальонной многонациональной группе в Польше и каждой из стран Балтии. Германия заявила себя как «рамочное государство», т. е. должно вносить наибольший вклад и осуществлять руководство, для одного из этих формирований – на территории Литвы [Lang 2023, S. 2]. Оно именовалось *NATO Multinational Battle Group Lithuania (MN BG LTU)*. Таким образом, позиция ФРГ эволюционировала в вопросе создания сухопутных СПР следующим образом: от сдержанности (2014–2015) к подготовке (2015–2016), формальной и практической поддержке (2016–2017), притом сразу в качестве одного из ключевых участников.

Обращает внимание, во-первых, то, что Германия в списке «рамочных государств» оказалась единственной европейской континентальной страной НАТО: остальными тремя были США, Великобритания и Канада. На практике ФРГ продемонстрировала большую жесткость в вопросе «сдерживания» РФ, чем Франция или Италия [Трунов 2022].

Во-вторых, возглавляемое бундесвером многостороннее формирование функционально играло роль связующего звена между СПР в Польше (включая размещенные здесь главные силы ротирваемой бронетанковой бригады США в национальном качестве¹⁷) и двух других странах Балтии (в Латвии и Эстонии). Для Берлина как донора по предоставлению войск по линии НАТО было важно, что из числа первоначальных реципиентов СПР Литва занимала второе место по ресурсным возможностям (после Польши), т. е. бундесвер развернул свои подразделения для поддержки относительно влиятельного игрока.

Следующий цикл мер по увеличению вклада войск ФРГ в комплектование СПР стартовал в 2022 г. 14 февраля Германия приняла решение увеличить свой контингент в составе формирования *FLF* в Литве: в дополнение к имевшимся более чем 0,5 тысяч германских военнослужащих¹⁸ были направлены еще

¹⁷ Increasing the US military presence in Poland // Ministry of National Defence Republic of Poland. 2025. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/increasing-the-us-military-presence-in-poland> (дата обращения: 19.12.2025).

¹⁸ NATO's Enhanced Forward Presence. Factsheet // NATO. October 2020. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/27183-document-10-north-atlantic-treaty-organization-factsheet-natos-enhanced-forward> (дата обращения: 19.12.2025).

0,2 тысячи¹⁹. Аналогичные решения, но меньшего масштаба, принял ряд партнеров ФРГ, которые соучаствовали в качестве рядовых игроков в комплектовании этой боевой группы НАТО²⁰. Последняя стала усиленным батальоном. Кроме того, Берлин перебросил в Литву ряд других подразделений, прежде всего военно-логистических, готовя дальнейшее увеличение присутствия²¹.

На техническом саммите Альянса (24 марта 2022 г.) Германия не только поддержала решение развернуть многонациональные группы *FLF* в Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, но направила контингент в состав первого из них – *Multinational Battle Group Slovakia (MN BG SVK)*. «Рамочным государством» здесь была заявлена Чехия, однако изначально наиболее крупный вклад внесла именно Германия (около 0,3 тысяч военнослужащих против вдвое меньшего контингента официальной Праги)²². Согласно правилам, ни одна страна НАТО не могла претендовать на роль руководителя для многосторонних формирований *FLF* сразу в двух государствах-реципиентах [Трунов 2022]. Соблюдая это правило де-юре, Берлин постарался обойти данное ограничение де-факто. ФРГ постаралась диверсифицировать свое присутствие на территории Словакии: помимо наземного контингента (до 300 военнослужащих), сюда были направлены 2 батареи систем ПВО *Patriot* и около 250 человек обслуживающего персонала. Они находились вблизи Братиславы с марта 2022 г. по май 2023 г.²³

В июне 2022 г., как уже отмечалось, ФРГ первой в НАТО заявила о необходимости укрупнить возглавляемое ею формирование СПР (в Литве) с батальона до бригады (последняя обычно состояла из 4–6 батальонов). К этому времени контингент бундесвера насчитывал 1031 военнослужащего, а общая численность данной

¹⁹ Zusätzliche Kräfte verlegen nach Litauen // Bundeswehr. 14.02.2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/zusaetzlichekraefte-verlegen-nach-litauen-5352622> (дата обращения: 19.12.2025).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² NATO's Forward Presence // NATO. June 2022. URL: <https://mepo-forum.sk/wp-content/uploads/2022/06/NATO-Forward-Presence-2022.pdf> (дата обращения: 19.12.2025).

²³ Patriot: Das Rückgrat der Luftverteidigung // Bundeswehr. 24.01.2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/lpatriot-luftverteidigung-luftwaffe-5880874> (дата обращения: 19.12.2025).

группы *FLF* – 1632 человека личного состава²⁴. Соучаствовали в комплектовании этой части (в порядке убывания контингентов): Нидерланды (270 солдат и офицеров), Норвегия (188), Чехия (135), Люксембург (6), Бельгия и Исландия, каждая из которых выделила по 1 человеку²⁵.

Все перечисленные меры Берлин старался информационно представить как вынужденные и реактивные в ответ на проведение РФ Специальной военной операции²⁶. Однако более тщательное изучение шагов ФРГ показывает, то они в действительности были проактивными: их подготовка осуществлялась задолго до начала СВО. Так, в конце 2010-х гг. при активном участии Германии была увеличена и географически расширена сетка штабов, которые были ответственны за руководство СПР. С подчинением корпусному управлению «Северо-Восток» были созданы штабы дивизий: одноименный (для командования *FLF* в Польше и Литве, включая контингент бундесвера, с декабря 2018 г.) и «Север» (с подчинением наземных СПР в Латвии и Эстонии, с октября 2020 г.)²⁷. Параллельно были учреждены управления дивизиями «Центр» (руководство *FLF* в Словакии и Венгрии) и «Юго-Восток» (в Румынии и Болгарии), а также одноименный с последним штаб корпуса²⁸. Показательно количество войск в распоряжении каждого из перечисленных штабов на 2021 г. В армиях ключевых западных государств (прежде всего США, Великобритании, самой ФРГ) дивизия чаще всего включала три бригады. Однако к 2022 г. каждый из штабов дивизий «Северо-Восток» и «Север» руководил всего лишь двумя батальонами, т. е. ½ бригады; а в распоряжении двух других управлений – «Центр» и «Юго-Восток» – войск фактически не было в принципе. Созданная в конце 2010-х гг. сеть штабов создавалась под будущее значительное укрупнение *FLF* и географическое распространение их сетки на юг от Польши.

²⁴ NATO's Forward Presence // NATO. June 2022. URL: <https://mepo-forum.sk/wp-content/uploads/2022/06/NATO-Forward-Presence-2022.pdf> (дата обращения: 19.01.2026).

²⁵ Ibid.

²⁶ „Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen“ // Bundeskanzleramt. 7.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (дата обращения: 19.12.2025).

²⁷ Strengthening NATO's eastern flank // NATO. 2025. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank> (дата обращения: 19.12.2025).

²⁸ Ibid.

Германия на уровне своих ВС также готовилась к этому заранее: в начале 2021 г. ключевая ответственность за комплектование *FLF* была переложена с 10-й танковой дивизии (*тд*) на 1-ю. Это не было простым механическим изменением. 1 *тд* была более боеспособна, лучше укомплектована, т. е. обладала необходимым потенциалом, чтобы принять в ближайшем будущем повышенную нагрузку по обеспечению германского военного присутствия в передовой части зоны ответственности НАТО. Таким образом, для его наращивания СВО стала прежде всего информационным поводом, а не причиной. В состав боевых групп *FLF* в Литве и Словакии контингенты на ротационной основе выделяли 41-я мотопехотная (*мпбр*) и 9-я учебная танковая бригады 1 *тд*²⁹. По итогам Мадридского саммита НАТО (конец июня 2022 г.) канцлер О. Шольц подчеркнул о резервировании крупных сил для тогда еще ротационного комплектования СПР – танковой дивизии в 15 тысяч военнослужащих (три бригады), свыше 60 самолетов и до 20 боевых кораблей³⁰.

Современные особенности присутствия бундесвера в Центрально-Восточной и Северной Европе

По сравнению с началом 2020-х гг. в середине десятилетия изменились конфигурация и большинство характеристик использования бундесвера в передовой части зоны ответственности блока.

В ее *североевропейской* составляющей – прежде всего в арктической части Норвегии – подразделения бундесвера (горных стрелков, воздушного десанта) использовались только во время учений [Трунов 2025b, с. 147–149]. Официальный Берлин по состоянию на начало 2026 г. не обозначил готовности соучаствовать в комплектовании вновь учреждаемого самого северного формирования СПР – наземной боевой группы в финляндской Лапландии (функции «рамочного государства» здесь приняла на себя Швеция).

²⁹ См., например: Rotationswechsel bei EFP – Raubkatzen auf großer Reise // Bundeswehr. 2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/verteidigung/einsatz-rotationswechsel-cfp-litauen-5206624> (дата обращения: 19.12.2025).

³⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid // Bundeskanzleramt. 30.06.2022. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 19.12.2025).

На Балтийском море ВМС ФРГ стали на ротационной основе участвовать в функционировании не только 1 ПМГ и 1 ПКМГ, но и миссии «Балтийский страж» (*Baltic Sentry*, с 2025 г.), а ВВС продолжали вносить вклад в работу *Baltic Air Policing*. Не только в *Балтийском регионе*, но во всей передовой части зоны ответственности НАТО главным для ФРГ направлением стало развертывание 45-й танковой бригады (*тбр*) на базе боевой группы *MN BG LTU*.

Была разработана «дорожная карта» по поэтапному формированию соединения на 2023–2027 гг. В соответствии с ней 1 апреля 2025 г. официальный Берлин формально учредил данное соединение, а с 22 мая оно стало считаться действующим. Однако полное укомплектование 45 *тбр* до штатной численности в 4,8 тысячи военнослужащих и 0,2 тысячи человек гражданского персонала должно быть осуществлено только в 2027 г.³¹ В окончательном виде 45-я танковая бригада обязана состоять из 5 батальонов.

Выход на указанные итоговые показатели по состоянию на начало 2026 г. в реальности оказался весьма проблематичным для ФРГ. О неизбежных трудностях писали немецкие эксперты. Сразу после заявлений О. Шольца перейти к бригадному уровню присутствия (июнь 2022 г.) высказывалось мнение, что Германия будет постоянно иметь в Литве лишь усиленный батальон. Только в случае кризиса эта группировка увеличивалась до бригады за счет прибытия частей бундесвера, которые в обычное время оставались в местах своей дислокации в ФРГ [Major, Swistek 2022, S. 6–7]. На практике именно эта схема реализовывалась как минимум до начала 2026 г. Так, численность войсковых подразделений бундесвера не превышала уровня в 1 тысячу военнослужащих, который был достигнут уже к середине 2022 г.³² С сентября 2022 г. германская сторона резервировала одну из имевшихся на территории ФРГ бригад для оперативного развертывания в Литве в случае кризиса. Это соединение именовалось *Multinational Brigade Lithuania (MN Bde LTU)*³³

³¹ Panzerbrigade 45 // Bundeswehr. 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision/panzerbrigade-45> (дата обращения: 19.12.2025).

³² Litauen: Die Bundeswehr in der Multinational Battlegroup Lithuania // Bundeswehr. 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/einsatze/missionen/anerkannte-missionen/efp-enhanced-forward-presence> (дата обращения: 19.12.2025).

³³ Bundeswehr in Litauen: In großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade // Bundeswehr. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/verteidigung/aufgaben/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade> (дата обращения: 19.12.2025).

и представляло инструмент страховочных обязательств на все время, пока не будет полностью сформирована постоянно дислоцированная в Прибалтике бригада бундесвера.

После того как германское руководство конкретизировало планы по 45 *тбр* (ноябрь 2023 г.), ряд немецких экспертов стал сравнивать ее с «котом Шредингера» [Lang 2023, S. 2–3], тем самым указывая, что она существовала скорее на бумаге, чем в реальности.

В конце 2023 г. было определено, что первыми в состав 45 *тбр* должны войти 122-й мотопехотный и 203-й танковый батальоны³⁴. Важно подчеркнуть, что это давно имевшиеся в составе бундесвера подразделения, которые подлежат передаче из других бригад (12 *тбр* и 21 *тбр*, входили соответственно в 10 *тд* и 1 *тд*). Третьим батальоном в 45-й танковой бригаде должна стать *MN BG LTU* по завершении своей интеграции³⁵. Она будет единственной многонациональной войсковой частью в составе 45 *тбр*. При этом партнеры ФРГ по комплектованию *MN BG LTU* – прежде всего, Нидерланды и Норвегия – не проявляли готовности увеличивать свой вклад. Примечательно, что в целом современное сотрудничество официального Берлина как с Амстердамом, так и Осло в сфере безопасности и обороны можно охарактеризовать как продвинутое [Трунов 2025b; Трунов 2026]. Однако оба королевства оказались не готовы, а точнее, не способны соучаствовать в планах ФРГ укрупнить многостороннее формирование СПР до бригадного уровня. Берлину потребовалось значительное время (с июня 2022 г. по ноябрь 2023 г.), чтобы выяснить эту позицию и принять ее, решить реализовывать заявленные обязательства в одиночку. Немаловажная причина – те трудности, с которыми сталкивались как Нидерланды, так и Норвегия в стремлении увеличить численность своих ВС: в середине 2010 – первой половине 2020-х гг. количественно они почти не изменялись, находясь в диапазоне 40–41 тысяча и 21–24 тысячи военнослужащих соответственно³⁶. Однако проблема набора дополнительных контингентов стояла и перед бундесвером: в 2014–2025 гг. его количественный состав колебался, но в целом возрос с почти 179 тысяч³⁷ до 185 тысяч человек личного состава.

Данный темп увеличения не соответствовал лидерским устремлениям у руководства ФРГ, в полной мере проявился как «узкое

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Defence expenditures of NATO countries (2014–2025). Brussels: NATO, 2025. P. 13.

³⁷ Ibid.

место» при формировании 45 *тбр*. На начало 2026 г. у нее имелся лишь штаб почти без войск в подчинении. Из пяти батальонов два (122-й мотопехотный и 203-й танковый) еще предстояло передислоцировать из Германии, один (*MN BG LTU*) – интегрировать, а еще два – вероятнее всего формировать с нуля. В ситуации, когда столь сложно создавалось постоянно дислоцированное в Литве соединение, логично сохранение в силе инициативы по оперативной переброске в кризисной ситуации из ФРГ другой бригады (*MN Bde LTU*). С января 2025 г. для этого была зарезервирована 37 *мбр* из состава 10 *мд*³⁸. Примечательно, что именно в подчинение последней дивизии передана и вновь создаваемая 45 *тбр*.

Таким образом, задача нарастить присутствие в Литве оказалась для бундесвера настолько трудоемкой, что потребовала привлечь ресурсы от обеих дивизий из сил общего назначения. 1-я танковая дивизия оставалась ответственна за реализацию большинства мер по укомплектованию 45-й бригады (передача 122-го батальона, функционирование *MN BG LTU*, формирование новых частей)³⁹. В свою очередь, 10-я танковая руководила 45 *тбр*, участвовала в небольшой части шагов по ее созданию (выделила 203-й батальон), а главное – отвечала за инициативу *MN Bde LTU* (бронируя для этого 37 *мбр*)⁴⁰. По сути, 10 *мд* в значительной мере сфокусировалась на реализации инициатив в Литве, а поддержку ей оказывала 1 *мд*.

Польское направление. Если официальный Вильнюс демонстрировал стремление быть реципиентом германского присутствия, то Варшава, напротив, проявляла скепсис к такой возможности, предпочитала иметь у себя в основном лишь контингенты США и Великобритании. Такой подход иллюстрировал наличие спора о лидерстве в диалоге Германии и Польши. Последняя ускоренными темпами стремилась создать крупнейшие среди европейских стран НАТО вооруженные силы, особенно сухопутные войска. По общей численности ВС и армии РП в середине 2020-х гг. за-

³⁸ Bundeswehr in Litauen: In großen Schritten zur deutschen Kampfbrigade // Bundeswehr. 2023. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/verteidigung/aufgaben/bundeswehr-litauen-grosse-schritte-deutsche-kampfbrigade> (дата обращения: 19.12.2025).

³⁹ 1. Panzerdivision // Bundeswehr. 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴⁰ 10. Panzerdivision // Bundeswehr. 2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 19.12.2025).

метно опережала ФРГ⁴¹. Однако германская сторона сумела найти частичный выход. С 2022 г. Польша превратилась в основной хаб для поставок широкой номенклатуры вооружений для Украины от «западных демократий». Ключевые перевалочные центры находились в юго-восточной части РП, поэтому именно здесь заметно уплотнялось противоздушное прикрытие по решениям НАТО. В феврале–декабре 2023 г. 3 батареи систем *Patriot* бундесвера и 0,3 тысячи военнослужащих войск ПВО были размещены вблизи Замостья⁴². Через два года, в такой же календарный промежуток 2025 г., 2 батареи *Patriot*, порядка 0,2 тысяч человек обслуживающего персонала сменили контингент США при обеспечении прикрытия крупнейшего хаба в Жешуве⁴³. Тем самым бундесвер заместил усилия ВС Соединенных Штатов в ситуации, когда администрация Д. Трампа сократила свою вовлеченность в поддержку Украины. Напротив, свой вклад ФРГ как «либеральная демократия» лишь увеличила [Белинский 2025].

Используя появление БПЛА неопознанной принадлежности как предлог, в сентябре 2025 г. страны-участницы НАТО запустили миссию *Eastern Sentry* («Восточной страж»). Первоначально ее ключевая компонента – военно-воздушная. В декабре 2025 г. сроком примерно на полгода 4 истребителя *Eurofighter* люфтваффе (до 150 человек летного и обслуживающего персонала) стали участвовать в патрулировании воздушного пространства в северной, прилегающей к Балтийскому морю, части Польши, т. е. у границ Калининградской области РФ⁴⁴. Этот контингент дополнил ротационное участие бундесвера в деятельности 1 ПМГ, 1 ПКМГ, *Baltic Sentry* и *Baltic Air Policing*, шаги по формированию постоянно развернутой в Литве бригады. Варшава положительно относилась к перечисленным инициативам Берлина по укреплению системы ПВО на польском направлении. Вместе с тем все они были строго

⁴¹ Defence expenditures of NATO countries (2014–2025). Brussels: NATO, 2025. P. 13.

⁴² Patriot: Das Rückgrat der Luftverteidigung // Bundeswehr. 24.01.2025. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/aktuelles/lpatriot-luftverteidigung-luftwaffe-5880874> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴³ Patriot-Einsatz in Polen beendet. Soldatinnen und Soldaten zurück in der Heimat // BMVg. 16.12.2025. URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/patriot-einsatz-polen-beendet-6053036> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴⁴ Schutz der NATO-Ostflanke – vom Hohen Norden bis zum Schwarzen Meer // BMVg. 10.12.2025. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/schutz-nato-ostflanke-vom-hohen-norden-bis-zum-schwarzen-meer-6050494> (дата обращения: 19.12.2025).

очерчены по времени и не предполагали использования сухопутных войск, т. е. в этих двух ключевых отношениях (особенно последнем) возможности ФРГ размещать бундесвер на территории восточного соседа были ограничены.

Объемы и число векторов длительного использования бундесвера на юге передовой части зоны ответственности блока демонстрировали противоречивую динамику. С одной стороны, в рамках миссии *Eastern Sentry* в августе 2025 г. для полугодового патрулирования воздушного пространства в Румынии бундесвер выделил 5 истребителей *Eurofighter* и порядка 170 военнослужащих из состава люфтваффе⁴⁵. Параллельно бундесвер продолжал на ротационной основе вносить вклад в деятельность 2 ПМГ и 2 ПКМГ. Опираясь на активную поддержку официального Бухареста при президенте Н. Дане, сменщике К. Йоханниса (оба представители либерального истеблишмента), Германия диверсифицировала свое несухопутное присутствие в западной части Черноморского региона.

С другой стороны, к середине 2024 г. Германия прекратила комплектовать *MNBG SVK* (нагрузка здесь лежала на 1 *мд*). Это решение было продиктовано отнюдь не военными причинами: вклад по размеру составлял 0,3 тысяч военнослужащих, серьезно не увеличившись в 2022–2024 гг., притом приносил заметные имиджевые и практические преимущества для бундесвера⁴⁶. В основе лежала политическая детерминированность – прежде всего возраставшее ценностно-идейное размежевание между ФРГ, которой руководил либеральный истеблишмент, и Словакией после прихода к власти традиционалистского правительства Р. Фицо (с октября 2025 г.) [Ведерников 2025].

Длительное использование бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО официальный Берлин неизменно старался представить как действия в парадигме *мультилатерализма*. Однако на практике у ФРГ растет готовность дополнять действия по логике *билатерализма*, т. е. с опорой на двустороннее сотрудничество.

Для ФРГ очень важно укрепить свои стратегические позиции в Арктике. В отсутствие миссии НАТО в Норвежском и западной части Баренцева морей Германия направляла фрегаты для парного, совместного с ВМС официального Осло, надводного патрулирования. С конца 2020-х гг. в распоряжение королевского флота должны начать поступать субмарины, закупаемые у германского ВПК.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ende des operativen Auftrages in der Slowakei // Bundeswehr. 31.05.2024. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/auftrag/einsaetze/evaluation-bergabe-slowakei-rueckbau-5788720> (дата обращения: 19.12.2025).

Унификация состава подводных лодок (ПЛ) двух стран может стимулировать создание временного или постоянного соединения ПЛ, также с целью совместного присутствия в прилежащих к Норвегии акваториях [Трунов 2025b, с. 150–152].

Германия не участвует в комплектовании боевой группы СПР в Румынии (здесь «рамочное государство» – Франция), однако проявляет заинтересованность в создании постоянного присутствия в наиболее крупной стране на юге передовой части зоны ответственности НАТО. Решением может стать размещение германского контингента на основе двусторонних договоренностей: интерес к этому на встрече на высшем уровне проявил тогдашний премьер-министр Румынии в июле 2023 г.⁴⁷ С конца 2010-х гг. между 10-й танковой дивизией бундесвера (именно она вероятнее всего примет эту нагрузку в случае политического решения) и 81-й механизированной бригадой румынских войск действует соглашение об аффилиации, которое предполагает реализацию мер с целью добиться тактической совместимости.

Вместе с тем правительство ФРГ не форсирует потенциальное движение по этому пути. Ключевая причина усматривается в желании германского истеблишмента оказаться напрямую сопричастным к возможным попыткам Румынии присоединить всю молдавскую территорию, включая земли Приднестровской республики. Такой сценарий неминуемо приведет к резкой эскалации напряженности с РФ. Осознание рисков этого, но уже применительно к украинскому направлению, побуждает официальный Берлин пока еще воздерживаться от перехода едва ли не последней «красной черты» в деле поддержки ВСУ. Германия, особенно в сопоставлении с Великобританией и Францией, более осторожна в вопросе размещения своих войск на Украине⁴⁸.

Вместе с тем на начало 2026 г. ФРГ продолжала оставаться крупнейшим европейским поставщиком военной помощи для ВСУ⁴⁹, а также вкладчиком в деятельность СПР НАТО. В случае если США при действующей администрации Д. Трампа будут

⁴⁷ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten von Rumänien Ciolacu am 4. Juli 2023 in Berlin // Bundeswehr. 4.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-von-rumaenien-ciolacu-am-4-juli-2023-in-berlin-2200290> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴⁸ Frieden für die Ukraine weiter vorantreiben // Bundeskanzleramt. 6.01.2026. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-koalition-der-willigen-2401806> (дата обращения: 19.12.2025).

⁴⁹ Ibid.

следовать по пути заметного сокращения обоих этих групп обязательств, Германия с очень высокой долей вероятности выйдет в деле их выполнения на первое место.

* * *

Ужесточая «сдерживание» России, официальный Берлин снижает порог применения силы и увеличивает провокационность своих инициатив, что усиливает разбалансированность нынешней системы международных отношений. Данная линия ФРГ проявляется в ее стремлении развернуть систему длительного (от полугода до постоянного) присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности НАТО, т. е. вблизи границ России. Однако на середину 2020-х гг. у Германии наблюдалась нехватка ресурсных, прежде всего военно-людских, возможностей: ряд инициатив являлся скорее «заявкой на перспективу». Прежде всего это относилось к формированию бригады бундесвера в Литве. Декларируя эти планы, Берлин фактически ставил свою деятельность как государства (точнее, себя как «поднимающейся державы») выше, чем прилагаемые многосторонние усилия. Одновременно ФРГ обрамляла это как выполнение обязательств в рамках блока, тем самым стремясь избежать справедливой критики за фактический отход от приверженности мультилатерализму.

Менявшийся список реципиентов германского военного присутствия позволял безошибочно определить в динамике позицию конкретного государства в ЦВЕ к лидерским устремлениям ФРГ, а также ценностной близости элит. На середину 2020-х гг. наиболее продвинутым было сотрудничество Германии с использованием бундесвера с Литвой и Румынией, ограниченным – с Польшей, фактически свернутым – со Словакией.

В конце 2020 – начале 2030-х гг. официальный Берлин планирует добиться значительных результатов в деле осуществления милитаризации не только в военно-финансовом, но и людском отношении. Это должно позволить ФРГ наполнить практическим содержанием создаваемую сегодня систему длительного присутствия, географически расширить ее.

По линии наземных войск Германия должна полностью сформировать 45-ю танковую бригаду в Литве, с высокой долей вероятности развернет контингент в Румынии, т. е. одновременно на южном и северном флангах передовой части зоны ответственности НАТО. Кроме того, будут увеличиваться силы, резервируемые для оперативной переброски в различные ее составляющие (от Норвегии до Болгарии). Ротационное использование ВВС – авиации и наземных комплексов ПВО – также вероятно на всем этом об-

ширном пространстве, притом наиболее возможными основными направлениями будут: финляндская Лапландия, страны Балтии в целом, север и юго-восток Польши, Румыния. В свою очередь, применение ВМС следует ожидать во всех граничащих с РФ морях – Баренцевом, Балтийском, Черном.

Обеспечивая диверсифицированное географически и функционально (с использованием различных видов и родов вооруженных сил) длительное присутствие в передовой части зоны ответственности НАТО, ФРГ рассчитывает выступить одним из конструкторов перестраиваемой архитектуры безопасности Глобального Севера. Берлин рассчитывает сделать ее западно- и европоцентричной, т. е. нацеленной на игнорирование обеспокоенностей России.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Acknowledgements

The article was prepared under a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement No. 075-15-2024-537).

Литература

- Белинский 2025 – *Белинский А.В.* В ожидании ревизора: президентские выборы в США и реакция политических партий ФРГ // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 203–219.
- Братерский 2025 – *Братерский М.В.* Введение. Поиск Западом своего места и роли в меняющемся мире // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 2. С. 7–21.
- Ведерников 2025 – *Ведерников М.В.* Евровыборы 2024 г. в Чехии и Словакии // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 1 (25). С. 117–135.
- Власов 2016 – *Власов Н.А.* От «Неограниченной солидарности» к решительному отказу: Германия и операции в Афганистане и Ираке // Клио. 2016. № 2 (110). С. 135–142.
- Павленко 2025 – *Павленко О.В.* Междисциплинарная методология в исторических исследованиях: потребности и опыт применения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 6. С. 12–21.
- Трунов 2022 – *Трунов Ф.О.* Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. // Россия и современный мир. 2022. № 4. С. 100–122.

- Трунов 2024a – Трунов Ф.О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010 – начале 2020-х годов: военные и политические аспекты // Балтийский регион. 2024. № 1 (16). С. 61–80.
- Трунов 2024b – Трунов Ф.О. Роль Германии как «рамочного государства» НАТО // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 46–59.
- Трунов 2025a – Трунов Ф.О. Европейские государства и проблемы безопасности на Большом Ближнем Востоке: устремления и военно-политические возможности // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 4. С. 8–30.
- Трунов 2025b – Трунов Ф.О. Особенности сотрудничества Германии и Норвегии в военно-политической сфере (конец 2010 – первая половина 2020-х гг.) // Арктика и Север. 2025. № 58. С. 136–158.
- Трунов 2026 – Трунов Ф.О. Военно-политическое сотрудничество ФРГ с Нидерландами: эталонные отношения? // Мировая экономика и международные отношения. 2026. № 3. С. 86–97.
- Biscop 2022 – Biscop S. The New Force Model: NATO's European army? // Egmont Policy Brief. 2022. No. 285. P. 1–6.
- Deni 2024 – Deni J.R. The new NATO Force Model: ready for launch? // NATO Defence College Outlook. 2024. No. 4. P. 1–7.
- Glatz et al. 2018 – Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP, 2018. 52 p.
- Lang 2023 – Lang K.-O. Deutschland und Litauen: Von der Verteidigungskooperation zur Sicherheitspartnerschaft // SWP-Aktuell. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2023. No. 39. S. 1–8.
- Major, Swistek 2022 – Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2022. No. 49. S. 1–8.
- Waltz 1979 – Waltz K. Theory of International Politics. Boston: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p. (Addison-Wesley Series in Political Science)

References

- Belinskii, A.V. (2025), “Waiting for the government inspector: the US presidential election and the reaction of the political parties in the FRG”, *Urgent Problems of Europe*, no. 2, pp. 203–219.
- Biscop, S. (2022), “The New Force Model: NATO's European army?”, *Egmont Policy Brief*, no. 285, pp. 1–6.
- Braterskii, M.V. (2025), “Introduction. The West in search of its place and role in a changing world”, *Urgent Problems of Europe*, no. 2, pp. 7–21.
- Deni, J.R. (2024), “The new NATO Force Model: ready for launch?”, *NATO Defence College Outlook*, no. 4, pp. 1–7.
- Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M. and Vorrath, J. (2018), *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*, German Institute for International and Security Affairs SWP, Berlin, Germany.

- Lang, K.-O. (2023), “Deutschland und Litauen: Von der Verteidigungs cooperation zur Sicherheits partnerschaft”, *SWP-Aktuell*. Stiftung Wissenschaft und Politik, no. 39, pp. 1–8.
- Major, C. and Swistek, G. (2022), “Die NATO nach dem Gipfel von Madrid”, *SWP-Aktuell. Stiftung Wissenschaft und Politik*, no. 49, pp. 1–8.
- Pavlenko, O.V. (2025), “Interdisciplinary methodology in historical research. Needs and experience of application”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 6, pp. 12–21.
- Trunov, Ph.O. (2022), “The evolution of NATO’s forward presence force by mid-2022”, *Russia and the Contemporary World*, no. 4, pp. 100–122.
- Trunov, Ph.O. (2024), “Military and political cooperation between Germany and Lithuania in the late 2010s to early 2020s”, *Baltiiskii region*, vol. 16, no. 1, pp. 61–80.
- Trunov, Ph.O. (2024), “The role of Germany as a NATO ‘Framework Nation’”, *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 46–59.
- Trunov, Ph.O. (2025), “European states and security challenges in the Greater Middle East: aspirations and military-political capabilities”, *Current Problems of Europe*, no. 4, pp. 8–30.
- Trunov, Ph.O. (2025), “Peculiarities of the German-Norwegian cooperation in the military-political sphere (late 2010s – first half of 2020s)”, *Arctic and North*, no. 58, pp. 136–158.
- Trunov, Ph.O. (2026), “German-Dutch military-political cooperation: a benchmark relationship?”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 86–97.
- Vedernikov, M.V. (2025), “Elections to the European Parliament in Czechia and Slovakia in 2024”, *Urgent Problems of Europe*, no. 1, pp. 117–135.
- Vlasov, N.A. (2016), “From ‘unlimited solidarity’ to decisive denial Germany and the operations in Afghanistan and Iraq”, *Klio*, vol. 110, no. 2, pp. 135–142.
- Waltz, K. (1979), *Theory of International Politics*, Addison-Wesley Publishing Company, Boston, USA. (*Addison-Wesley Series in Political Science*)

Информация об авторе

Филипп О. Трунов, доктор политических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32А; 1trunov@mail.ru

Information about the author

Philipp O. Trunov, Dr. of Sci. (Political Sciences), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; 1trunov@mail.ru

Будущее американской стратегии сдерживания в условиях формирования полицентричного мироустройства

Демокрит М. Заманпулов

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН,
Москва, Россия, d.zamanapulov@iskran.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу перспектив развития американской стратегии сдерживания в условиях многополярного мироустройства, характеризующегося новым витком противоборства между США и их геополитическими соперниками. Автор рассматривает генезис американской стратегии сдерживания в период холодной войны и делает попытку освещения наиболее вероятного сценария развития стратегии сдерживания в будущем. В центре внимания статьи – так называемое комплексное сдерживание, представляющее собой интеграцию его ядерного и неядерного элементов в единую стратегию, в рамках деятельности командований ВС США, которые все чаще сталкиваются с вызовами и угрозами со стороны соперников Вашингтона, использующих перспективу использования ядерного оружия для продвижения своих региональных целей.

Ключевые слова: сдерживание, стратегия, ядерное оружие, региональный конфликт, война, тактика, внешняя политика, военная доктрина, эскалация, балансирование, устрашение

Для цитирования: Заманпулов Д.М. Будущее американской стратегии сдерживания в условиях формирования полицентричного мироустройства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 35–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-35-52

The future of the American deterrence strategy in the context of the formation of a polycentric world order

Demokrit M. Zamanapulov

Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia,

d.zamanapulov@iskran.ru

Abstract. The article analyzes the prospects for the development of the American deterrence strategy in a multipolar world order characterized by a new round of confrontation between the United States and its geopolitical rivals. The author examines the genesis of the American deterrence strategy during the Cold War and makes an attempt to highlight the most likely scenario for the development of the deterrence strategy in the future. The article focuses on the so-called integrated deterrence, which is the integration of its nuclear and non-nuclear elements into a single strategy within the framework of the US Armed Forces commands, which are increasingly facing challenges and threats from Washington's rivals employing the prospect of using nuclear weapons to advance their regional goals.

Keywords: deterrence, strategy, nuclear weapons, regional conflict, war, tactics, foreign policy, military doctrine, escalation, balancing, intimidation

For citation: Zamanapulov, D.M. (2026), "The future of the American deterrence strategy in the context of the formation of a polycentric world order", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 35–52, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-35-52

Введение

Учитывая заявленную тему, методологическую базу данного исследования будет составлять сравнительный подход, применение которого, позволит проследить развитие характеристик сдерживания в историческом и современном плане.

Прежде чем перейти к анализу нынешнего состояния стратегии сдерживания нужно попытаться дать его точное определение, поскольку за предыдущий период времени, как в научной литературе, так и в СМИ данный термин применялся по отношению к всевозможным моделям конфликтов, которые теоретически не могут рассматриваться в качестве кризисов, в которых применялось сдерживание.

В целом тематике сдерживания посвящен обширный пласт работ как в отечественной, так и зарубежной научной доктринах. Среди зарубежных исследований можно выделить труды Т. Шеллинга [Шеллинг 2016], Г. Снайдера [Snyder 2015], Дж. Миршаймера

[Mearsheimer 1983], Р. Джервиса [Джервис 2022]. Из отечественных работ данного профиля примечательными являются изыскания А.А. Арбатова [Арбатов 2021], С.А. Караганова, Д.В. Тренина, С.И. Авакянца [Караганов, Тренин, Авакянц 2024].

Нужно сказать, что на сегодняшний день единого определения понятия сдерживания в науке не существует. Вместе с тем в английском языке имеется два слова, определяющих понятие сдерживания. Так, слово *containment* следует понимать как удержание оппонента от усиления его силы, мощи и влияния (*power*) на международной арене. В то время как слово *deterrence* означает устрашение, воздействие посредством угрозы нанесения превентивного (ядерного) удара. Исходя из этого, Т. Шеллинг в своей классической работе «Стратегия конфликта», указывал, что концепция сдерживания с момента своего появления постоянно «оттачивалась и совершенствовалась» [Шеллинг 2016, с. 18], что в общем-то не позволяет дать ее полное и исчерпывающее определение. Несмотря на это, такие попытки постоянно имели место в ходе дискуссий по проблемам сдерживания. Сам Т. Шеллинг в своей более ранней книге «Оружие и влияние» понимал под сдерживанием «предотвращение действий из страха перед последствиями» [Schelling 1966, p. 8]. В свою очередь, Г. Снайдер утверждал, что сдерживание включает в себя как угрозу наказания, так и обещание вознаграждения, в случае если противник будет правильно воспринимать решимость оказать ему сопротивление [Snyder 2015, p. 20].

Еще один видный американский специалист по вопросу Р. Джервис достаточно подробно исследовал значимость элемента устрашения в сдерживании. Он подчеркивал, в частности, что масштабные опасности возникают, если агрессор расценивает потенциал или решимость противника изначально слабыми. Это убеждение приводит к тому, что агрессор будет прощупывать своих противников, обычно начиная с небольшого вопроса. Если противник отступит, он не только потеряет нечто конкретно ценное, но и, что более важно в долгосрочной перспективе, будут поощрять агрессора к более жесткому давлению. По этой причине, по мнению Р. Джервиса, государство должно проявлять готовность и способность вести войну [Джервис 2022, с. 197]. Последнее невозможно без демонстрации своих возможностей применить силу, т. е. устрашения противника.

А.А. Арбатов находил наиболее глубоким определение сдерживания, данное в свое время министром обороны США Р. Макнамарой, который видел в нем способность поддержания «высоконадежной способности навлечь неприемлемый ущерб на любого агрессора... даже после принятия на себя его первого удара» [Арбатов 2021, с. 24].

В целом анализ определений сдерживания в работах указанных авторов позволяет понимать под ним оценку противником соотношения затрат и выгод от определенного действия. Тем самым сдерживание призвано уменьшить предполагаемые выгоды, увеличить затраты от того или иного силового действия на международной арене. Отечественные исследователи В.М. Буренок и О.Б. Ачасов выделяют ядерное и неядерное сдерживание [Буренок, Ачасов 2007]. Ядерное сдерживание основывается на угрозе ядерного возмездия, в то время как неядерное сдерживание использует политические, экономические и обычные военные инструменты для предотвращения агрессии.

Нужно сказать, что в период холодной войны приоритет отдавался главным образом ядерному сдерживанию. Ядерное оружие находилось в ведении специализированных структур в рамках систем министерств обороны противоборствующих сторон. Процесс создания, планирования и тем более развертывания ядерного оружия находился под полным контролем высшего политического руководства СССР и США, что было необходимым условием обеспечения так называемой стратегической стабильности, комплекса мер, призванных сохранить соотношение военно-политических сил, не позволяющих ни одному государству либо коалиции государств добиться превосходства над другим государством силовыми методами. Кроме того, столь пристальный контроль за ядерным оружием осуществлялся для того, чтобы избежать непреднамеренной эскалации. Стороны предпринимали значительные усилия для того, чтобы исключить несанкционированное применение ядерного оружия в ответ на неправильно воспринятое действие соперника. Данный подход нашел практическое воплощение во внешнеполитической стратегии соперничающих сторон. Советский Союз и Соединенные Штаты после событий Карибского кризиса избегали привлечения «ядерной дубинки» для разрешения того или иного регионального кризиса. Тем самым стратегическая стабильность была «над схваткой» и рассматривалась как совершенно особое, изолированное от основной повестки измерение в военно-политических отношениях между Москвой и Вашингтоном.

Общепризнанным автором стратегии сдерживания считается американский дипломат, политолог и историк Дж. Кеннан. 22 февраля 1946 г. в своей знаменитой «длинной телеграмме»¹ из

¹ The Long Telegram [original], from George Kennan in Moscow to the Secretary of State, February 22, 1946 // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21042-long-telegram-original> (дата обращения: 02.02.2026).

Москвы, где он являлся одним из работников посольства Соединенных Штатов, Дж. Кеннан представил руководству свое видение перспектив советско-американских отношений. В телеграмме Дж. Кеннан делал вывод, что в лице Советского Союза Вашингтон имеет политическую силу, «которая фанатично верит в то, что с Соединенными Штатами невозможно неизменное сосуществование, что разрушение внутренней гармонии нашего (американского. – Д. З.) общества является желательным и обязательным, что наш традиционный образ жизни должен быть уничтожен, международный авторитет нашего государства должен быть подорван, и все это ради безопасности советской власти»². Дж. Кеннан отмечал, что американское государство еще не сталкивалось с угрозой такого масштаба и для того, чтобы справиться с ней, не прибегая к открытому военному конфликту, США должны противопоставить этой угрозе высокую степень «сплоченности, целенаправленности и решительности» в своей внешней политике. Далее Дж. Кеннан подчеркивал, что поскольку СССР, в отличие от нацистской Германии, в вопросах международной безопасности ведет себя рационально и всякий раз отступает перед лицом сильного сопротивления, коллективный Запад может достичь успеха, если будет обладать достаточной степенью силы и готовностью ее применить. Из этого Дж. Кеннан пришел к парадоксальному заключению, что чем большей силой будут обладать Соединенные Штаты, тем с меньшей вероятностью ее придется применить.

Несмотря на то что в октябре 1990 г., говоря о своей «длинной телеграмме» с А.Н. Яковлевым, Дж. Кеннан подчеркнул, что «не написал бы сегодня такую же статью...»³, основные ее тезисы оказались поразительно живучими и были имплементированы в политику США в отношении России, не претерпевая значительных изменений. С тех пор концепция сдерживания доминировала в западной стратегической мысли около семи десятилетий.

Эволюция стратегии сдерживания. На практике же рекомендации Дж. Кеннана в период холодной войны нашли свое воплощение в создании военно-политических структур (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, Организация Багдадского пакта) и формировании системы двусторонних оборонительных соглашений (Договор о безопасности с Японией, Договор о взаимной обороне с Южной

² Ibid.

³ Беседа А.Н. Яковлева с историком и государственным деятелем США Дж.Ф. Кеннаном. 5.10.1990 (Original Russian) // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21039-kennan-yakovlev-10-5-90> (дата обращения: 02.02.2026).

Кореей и т. д.), которые должны были сделать попытки Советского Союза расширить свою зону влияния сопряженными со значительными издержками. В целом можно выделить следующие этапы в развитии стратегии сдерживания:

- 1) начало холодной войны, принятие Плана Маршалла, создание 4 апреля 1949 г. Организации Североатлантического договора, наращивание военных и экономических возможностей США на европейском направлении. Советский Союз пытается создать «буферную зону» между собой и западными союзниками путем инициатив по созданию единой и независимой Германии [Киссинджер 1997, с. 445], однако эта мирная нота не нашла понимания со стороны США. Начинается война в Корее, сдерживание характеризуется линейностью, стороны противостояния ограничивают выбор «стратегических ходов» противника путем налагания ограничений на свое собственное поведение [Шеллинг 2016]. Так, президент США Г. Трумэн отказывается санкционировать применение ядерного оружия в Корее, что являлось сигналом Москве о намерениях американцев ограничить конфликт районом корейского полуострова. Тем не менее присутствие Соединенных Штатов в соответствии с «доктриной Трумэна» в АТР укрепляется;
- 2) 1960-е гг., деколонизация, США и СССР вступают в период противостояния посредством применения методов и средств ниже открытого военного столкновения. Советский Союз стремится разорвать «кольцо Анаконды» из сети американских военных баз вдоль своих границ путем поддержки антиколониального движения по всему миру. В свою очередь, США пытаются нивелировать этот процесс посредством поддержки колониальных держав (Великобритании в Африке, Франции в Индокитае и т. д.). Руководствуясь данной логикой, Соединенные Штаты втягиваются в войну во Вьетнаме. Сдерживание на данном этапе характеризуется нелинейным течением, т. е. сторонами противостояния применяются прокси-стратегии с одновременным укреплением конвенциональных и неконвенциональных сил и средств. Карибский кризис подтвердил ценность рационального поведения;
- 3) 1970-е гг., проигрыш США во Вьетнаме, Советский Союз достигает паритета в ракетно-ядерных вооружениях с Соединенными Штатами [Батюк 2018, с. 176]. Положение Москвы укрепляется в третьем мире. Руководство Соединенных Штатов идет на разрядку напряженности с СССР

и одновременно ищет альтернативные ходы в сдерживании Советского Союза. Итогом этого становится нормализация отношений между США и КНР. Соединенные Штаты объявляют зону Персидского залива сферой своих жизненных интересов;

- 4) 1980-е гг., ввод советских войск в Афганистан, укрепление присутствия СССР в Африке и Центральной Америке. В Соединенных Штатах к власти приходит администрация Р. Рейгана, провозгласившая политику «отбрасывания коммунизма силой». США переходят к модернизации стратегической триады, что приводит к обострению течения холодной войны. Сдерживание приобретает непримиримый характер;
- 5) 1990-е гг., распад Советского Союза, расширение НАТО на Восток, война в Югославии. Сдерживание поставлено на «паузу»;
- 6) 2000-е гг., Соединенные Штаты продолжают политику расширения военно-политических структур в глобальном масштабе. Высказываются идеи о развертывании систем ПРО в Восточной Европе. Вашингтон анонсирует планы включения в НАТО Украины и Грузии;
- 7) последующий период характеризуется осложнением американо-российских отношений на фоне грузинского и украинского кризисов. Сдерживание набирает новую силу.

Трансформация стратегии сдерживания в условиях формирования полицентричного мира

После начала украинского кризиса в феврале 2014 г. стратегия НАТО в области сдерживания претерпела существенные изменения, что было связано с применением со стороны России эффективной модели гибридного воздействия. Военно-политическое руководство западных стран оказалось не готовым к такому развитию событий, что поставило во главу угла необходимость существенной модернизации действующих доктрин. Во многом эта неподготовленность стала следствием того, что США после окончания холодной войны несколько отодвинули ядерное сдерживание на второй план и заменили его обычным сдерживанием. Действительно, анализ внешнеполитических процессов, имевших место после окончания холодной войны, показывает, что для руководства ведущих стран НАТО ядерные силы в деле сдерживания играли второстепенную роль. Ядерное сдерживание и ядерные

силы все чаще воспринимались ими как инструмент, способный быть действенным в маловероятных сценариях угроз, связанных с прямым нападением противника на США или их союзников с применением неконвенционального оружия. Следствием этого стало значительное сокращение нестратегических ядерных вооружений передового базирования, что привело к тому, что региональные командования ВС США все чаще стали рассматривать ядерное сдерживание как обязанность Стратегического командования (*USSTRATCOM*), а система американского военного образования значительно уменьшила количество академических часов, отведенных на изучение ядерного оружия [Peters, Anderson, Menke 2018]. Подобный подход непосредственно сказался на системе планирования и военных учений стран НАТО, которая ограничивалась отработкой действий против сетевого противника в рамках обычных операций.

В свою очередь, Россия, Китай не перестали отводить ядерному оружию первостепенное значение в своей стратегии и главным образом сконцентрировали внимание на улучшении средств его доставки, что нашло свое практическое воплощение в создании гиперзвуковых систем, и непосредственно связали ядерное оружие с целями и задачами своей региональной политики. В этой связи американские исследователи Дж. Андерсон и Дж. Маккью отмечали, что «потенциальные противники США интегрировали ядерное оружие в свои концепции ведения боевых действий в будущем региональном конфликте. С этой целью они организовали, обучили и оснастили ядерные силы для ведения боевых действий на театре военных действий» [Anderson, McCue 2021, p. 25]. Во многом данный шаг стал ответом на действия США в Югославии, Ираке и Афганистане, где американские вооруженные силы проявили высокую степень эффективности, особенно на начальных фазах операций.

В Москве и Пекине пришли к мнению, что превосходство в ядерной сфере позволило бы им реализовывать свою повестку по всему спектру возможных кризисов, включая и поддержку ядерными силами гибридных стратегий. В частности, это превосходство дало о себе знать в ходе начала российской СВО на Украине в феврале 2022 г., когда вмешательство стран НАТО в конфликт было исключено в результате приведения в боевую готовность российских РВСН и, по всей видимости, гиперзвуковых систем.

Это привело к серьезной переоценке со стороны Соединенных Штатов существующих способов сдерживания противников, обладающих ядерным оружием, роли, которую должны играть ядерные силы в рамках этих стратегий сдерживания, и того, как

интегрировать эти силы с другими возможностями для обеспечения эффективной стратегии сдерживания. Итогом этой работы над ошибками стал «Обзор ядерной политики 2022»⁴ (далее – Обзор), опубликованный в сентябре 2022 г. Отечественный исследователь Н.И. Бубнова в своей обстоятельной статье «Ядерная политика США в сравнительной перспективе» [Бубнова 2025] подчеркивает, что несмотря на то что документ был принят в период правления администрации Дж. Байдена и учитывая существенные и глубокие противоречия между им и Д. Трампом по «многим направлениям, ядерная стратегия США имеет значительную степень устойчивости» [Бубнова 2025, с. 98]. Ключевые моменты документа включали в себя обеспечение союзникам уверенности в их защите, модернизацию ядерных вооружений для сдерживания стратегических угроз, а также приверженность контролю над вооружениями и нераспространению ядерного оружия.

Несмотря на декларируемую Соединенными Штатами готовность соблюдать существующие ограничения по развитию ядерного оружия, документ постулировал концепцию так называемого «интегрированного сдерживания» (*integrated deterrence*). Ее суть заключается в более тесной связи стратегии ядерного сдерживания США с действиями конвенциональных сил на уровне планирования и реализации тех или иных операций сдерживания. Такой подход, по мнению разработчиков документа, позволил бы улучшить процесс принятия решений и упростить процесс взаимодействия между ядерными и обычными компонентами вооруженных сил США. Последнее должно привести к нивелированию превосходства геополитических соперников США в возможном конфликте.

Таким образом, ядерный и неядерный компоненты стратегии сдерживания больше не рассматриваются американским военно-политическим командованием в отдельности, а воспринимаются как комплексный план действий, который требует сплоченного и взаимодополняющего подхода к сдерживанию. По всей видимости, в случае дальнейшего обострения противоречий между США, Россией и Китаем в течение 2020-х годов ядерное оружие будет гораздо более активно включаться в стратегии регионального сдерживания.

Модель сдерживания конкурентов США в будущем. Данный подход будет иметь ряд принципиальных последствий. Во-первых, США станут обрабатывать сценарии многоуровневого сдержива-

⁴ Обзор ядерной политики 2022 г. URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/30/2003151850/-1/-1/1/2022-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-TRANSLATED-FOR-RUSSIA.PDF> (дата обращения: 02.02.2026).

ния, включающие в себя совместные действия ядерных и обычных компонентов вооруженных сил. Командующий американскими войсками на определенном театре военных действий наряду со штатной авиацией будет иметь в своем распоряжении и самолеты с ядерным оружием. Во-вторых, Соединенные Штаты, по всей видимости, пойдут на снижение порога применения ядерного оружия. В-третьих, вооруженными силами США будет разработана соответствующая система сигналов и действий, которые должны будут свидетельствовать о серьезности их намерений. Тем самым многоуровневое сдерживание потребует одновременного ведения обычных боевых действий при упреждающем сдерживании потенциального противника от использования или применения ОМУ для достижения тактического или стратегического эффекта.

На данной стадии необходимо рассмотреть вопрос, как стратегия сдерживания будет проявлять себя в новых условиях многополярного мира, когда налицо новый виток глобального противоборства между Соединенными Штатами и почти равными по силам соперниками.

Прежде всего нужно сказать, что независимо от модели конфликта (локальная война, региональная война, крупномасштабная война) между соперничающими акторами неизменным аспектом в них будет ядерное измерение. По этой причине Соединенные Штаты будут стремиться перестроить систему региональных командований таким образом, чтобы интегрировать в них соответствующий штатно-организационный элемент, отвечающий за планирование и применение ядерного оружия. Это будет делаться для того, чтобы исключить ядерное запугивание со стороны соперников в ходе обычного конфликта и дать им четкий сигнал, что намерения Соединенных Штатов защитить свои интересы серьезны и в случае необходимости они готовы применить ядерное оружие.

Для того чтобы эффективно реализовывать описанную стратегию, необходим высокий уровень координации действий между ядерными и неядерными компонентами сдерживания на театре военных действий, что потребует наличия передовых средств разведки, связи и объективного контроля. Цепочка командования будет сокращена, упрощена и завязана на тактический уровень. При этом региональные командования ВС США будут ориентированы на самодостаточность, выраженную в высоком уровне материально-технического обеспечения и компетентного личного состава для осуществления комплексного сдерживания. Данные структуры в рамках общей стратегии будут наделены возможностью автономно действовать и не запрашивать дополнительных указаний для действий в зонах своих компетенций у командования. Это, в

свою очередь, поставит перед планировщиками ряд задач в области проведения операций ядерного сдерживания с одновременным управлением кризисом или участием в боевых действиях. Для командующего американскими вооруженными силами на театре военных действий будет сложным в период высокой напряженности или в разгар боя принимать решение о целесообразности применения или неприменения ядерного оружия. Такая деятельность требует наличия самой современной системы принятия решений, которая, по всей видимости, будет включать в себя функционирование передовых алгоритмов ИИ, что позволит более эффективно действовать во время будущего кризиса или конфликта с ядерным противником.

Учитывая разрушительную мощь ядерного оружия не только в военном аспекте, но и политическом, Соединенные Штаты будут четко придерживаться последовательности шагов по лестнице эскалации перед применением ядерного оружия в рамках регионального кризиса. Видный американский экономист, один из наиболее известных футурологов последней трети XX в. Г. Кан в своей классической работе «Об эскалации» [Kahn 2010] детально прописал порядок шагов перед тем, как стороны приходят к ядерной войне. Представляется, что данный порядок действий будет иметь место и в новых реалиях.

Не следует упускать из виду то, что угроза использования ядерного оружия обычно наиболее действенна либо на начальном этапе конфликта, либо на его завершающей стадии. Это объясняется тем, что сторона-агрессор часто не может решиться на определенные силовые действия по причине боязни вызвать тем самым неконтролируемую эскалацию, которая в итоге может привести к ядерной войне. И наоборот, значение ядерного оружия резко возрастает в условиях, когда конфликт слишком далеко зашел. Противоборствующие стороны затратили в нем значительные силы и средства и уже никто не может уступить, и «приз» в виде победы кажется особенно желанным. Такая ситуация может спровоцировать применение ядерного оружия, если одна из сторон придет к мнению, что данный шаг будет той чертой, за которую противник уже не решится перейти. Этот вопрос имеет большое значение, если одна из сторон рассматривает ограниченное применение ядерного оружия в региональном конфликте.

Следует отметить, что на сегодняшний день вопрос о том, какую роль должны играть ядерные силы США стратегического уровня в региональных кризисах с участием потенциальных противников, которые переоснастили и укрепили свои ядерные силы, чтобы оказывать давление на возглавляемую США региональную

архитектуру безопасности, остается открытым. Военные стратеги и исследователи, занимающиеся данным вопросом, придерживаются разных мнений на этот счет в силу того, что не существует достаточной эмпирической базы для более или менее обоснованных оценок.

В свое время Г. Киссинджер в классической работе «Ядерное оружие и внешняя политика» [Киссинджер 1959] предложил модель поведения США в случае регионального кризиса с применением тактического ядерного оружия при том, что сторона агрессор предварительно заявит, что будет применять его только ограниченно против определенных целей. В этой связи Г. Киссинджер видел два варианта действий для США. Первый – попытаться помешать применению ядерного оружия посредством угрозы ответить «масшированным возмездием, т. е. угрозы превращения ограниченной войны во всеобщую ядерную». Второй – «в ответ на применение противником ядерного оружия используем его и сами, однако в таких рамках, которые сохранят его воздействие ограниченным» [Киссинджер 1959, с. 255].

При этом Г. Киссинджер указывал, что оба варианта действий имеют серьезные слабые стороны. Эскалация обычного конфликта до уровня ядерного представлялась Г. Киссинджеру рискованной в силу того, что на карту будет поставлено существование нации. Поэтому решение о переходе к массивному ядерному возмездию в ответ на применение противником тактического ядерного оружия будет приниматься в результате скрупулезного анализа значимости для национальной безопасности США того или иного региона, из-за которого идет спор. В своих рассуждениях Г. Киссинджер даже допускал возможность того, что уничтожение нескольких американских дивизий, развернутых на Ближнем Востоке или Юго-Восточной Азии в результате ядерного удара, не обязательно станет поводом к ответному массивному ядерному возмездию [Киссинджер 1959, с. 256]. Далее он прямо указывал на то, что политическое руководство США после сообщения о ядерном ударе по американским войскам может испугаться применить его в ответ. Выход из этого стратегического тупика он видел в поиске других возможностей ведения противоборства, помимо ответного ядерного удара. Если такой возможности не окажется, Г. Киссинджер пришел к мнению, что в таком случае нужно будет попытаться вести ограниченную ядерную войну [Киссинджер 1959, с. 256].

Представляется, что Соединенные Штаты в современных условиях глобального соперничества, прежде всего с Китаем, предпринимают самые серьезные действия в сфере модернизации своих возможностей и их адаптации к ведению ограниченной ядерной

войны. Такой подход безусловно отвечает реалиям современной стратегии сдерживания оппонентов США в АТР. Последние инициативы администрации Д. Трампа по данному вопросу подтверждают готовность Вашингтона в случае необходимости вести ограниченную ядерную войну. Так, действующая администрация заложила 62 млрд долл. на развитие американских ядерных сил на 2026-й финансовый год⁵. Наряду с решением Д. Трампа выделить 4,1 млрд долл. на финансирование исследований и разработок для отстающей от графика программы создания межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Сентинел», 10,3 млрд долл. на НИОКР и закупки бомбардировщика-невидимки В-21 и 11,2 млрд долл. на НИОКР для закупок подводных лодок класса «Колумбия» с баллистическими ракетами⁶, большой интерес и обеспокоенность России и Китая вызывают его планы по созданию системы ПРО «Золотой купол». Для этой цели задекларированы рекордные 25 млрд долл.⁷ Таким образом, общий объем финансирования агентства увеличится на 27% по сравнению с утвержденным бюджетом в 2025-м финансовом году.

Агентство по противоракетной обороне США (*MDA*) уже запросило значительное увеличение программ исследований и разработок в области командования и контроля и боевого управления, наземных датчиков противоракетной обороны и программы противоракетной обороны среднего эшелона морского базирования «Иджис». Последняя является самой перспективной американской системой глобальной противоракетной обороны. Она предназначена для защиты от баллистических ракет малой и средней дальности, чрезвычайно мобильна в силу того, что может быть размещена на кораблях. Возможно, что «Иджис» в перспективе может быть использован в региональном конфликте для ограничения ядерных возможностей соперников США. Более того, представляя собой многофункциональную пусковую установку, она может быть использована и как наступательная система, что повышает ее значимость в рамках стратегии комплексного регионального сдерживания.

Таким образом, модель ограниченного ядерного кризиса потребует от высшего военно-политического руководства США и подчиненных им сил, которые могут подвергнуться угрозе или

⁵ Liang X. Trump administration increases nuclear weapons budget // Arms Control Association. 15.08.2025. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2025-07/news/trump-administration-increases-nuclear-weapons-budget> (дата обращения: 02.02.2026).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

нападению со стороны ядерных сил противника, пересмотреть и, при необходимости, оптимизировать свои планы, в координации с Национальным командованием, *USSTRATCOM*, чтобы обеспечить синхронизацию действий всех заинтересованных сторон по предотвращению балансирования на грани ядерного конфликта со стороны противника и деэскалации ядерных кризисов.

Практическое воплощение стратегии сдерживания на современном этапе

По сути, с военно-стратегической точки зрения смысл сдерживания заключается в более удачной, чем у противника, количественной и качественной конфигурации, сил и средств, размещенных на выгодных операционных рубежах. В этом смысле Соединенные Штаты будут осуществлять программы сдерживания, руководствуясь возможностями своих вооруженных сил на суше, море, воздухе, космосе и в киберпространстве, о чем упоминается в Стратегии национальной обороны, недавно принятой администрацией Д. Трампа⁸. Следует сказать, что в оборонном сообществе США еще нет единого ответа на вопрос, как объединить указанные элементы сдерживания в единую комплексную систему. Между тем похоже, что стратегические соперники Соединенных Штатов сумели справиться с этой задачей. Общий анализ доктринальных документов России⁹ и Китая¹⁰ позволяет сделать вывод, что они рассматривают

⁸ 2026 National Defense Strategy // media.defense.gov. URL: <https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF> (дата обращения: 02.02.2026).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 02.02.2026); Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 02.02.2026); Военная доктрина Российской Федерации // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/?ysclid=mifz8dtkix171734876 (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁰ Abstract of white paper on China's national security in new era // The State Council the people's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202505/12/content_WS6821a354c6d0868f4e8f279a.html (дата обращения: 02.02.2026).

односторонние действия Соединенных Штатов на мировой арене, включая планирование атак на их ядерные силы, как тенденции, которые искажают динамику ядерного сдерживания и безусловно подрывают стратегическую стабильность. Учитывая современный уровень развития информационных технологий и высокую степень их интеграции в процесс военного управления, деятельность США в космосе или киберпространстве может быть воспринята как меры по подготовке к превентивному нападению.

Заключение

Таким образом, интеграция ядерного и неядерного элементов сдерживания, по всей видимости, будет ответом США на приверженность потенциальных противников ядерным силам в деле продвижения своих интересов в различных стратегических областях и фазах регионального конфликта. В этой обстановке успешные стратегии и операции сдерживания потребуют тесного сотрудничества между ядерными силами и другими типами сил – космическими, кибернетическими и обычными. При этом их действия должны быть консолидированными и дополняющими друг друга на всех этапах планирования и реализации операций сдерживания. Это требует инновационного мышления и нового, комплексного подхода к сдерживанию, который должен убедительно продемонстрировать, что Соединенные Штаты обладают волей и сопутствующими возможностями для навязывания издержек и лишения выгод в отношении любого противника, стремящегося использовать или применить свой ядерный арсенал в конфликте или кризисе, включая системы двойного назначения на театре военных действий и «тактическое» ядерное оружие. Безусловно, такой тип интеграции не является панацеей от всех недостатков в политике сдерживания США. Однако думается, что тесная интеграция между ядерными и обычными силами США является крайне необходимым ранним шагом в определении стратегии сдерживания будущего.

Для этого США, вероятно, предпримут:

- интеграцию действий командующих американскими вооруженными силами на театре военных действий с офицерами, отвечающими за управление ядерными силами для оперативного реагирования на эскалацию конфликта, в перспективе содержащего ядерное измерение;
- объединение ядерных и обычных сил США на театре военных действий для комплексного сдерживания потребует совершенно особой стратегии, которая бы предусматривала

использование ядерных или средств двойного назначения для сдерживания попыток противника осуществлять ядерное запугивание;

- возвращение ядерного оружия в инструментарий регионального сдерживания. Как отмечалось выше, в период холодной войны основные задачи ядерного сдерживания были возложены на *USSTRATCOM*. Тем самым планирование, анализ, управление и применение ядерного оружия, были прерогативой стратегического звена. Представляется, что на современном этапе эффективное сдерживание будет возможно, только если ядерное оружие будет передано в распоряжение командующих американскими силами на местах. При этом решение о его использовании будет оставаться за высшим командованием;
- сценарии реализации модели ядерного сдерживания во время обычного конфликта будут отрабатываться в ходе военных учений в соответствующих регионах.

Представляется, что интегрированный подход в сдерживании позволит США оперативно реагировать на критические изменения в среде безопасности и более эффективно планировать развертывание своих сил и средств для предупреждения и сдерживания действий вероятного противника в будущем.

Литература

- Арбатов 2021 – *Арбатов А.А.* Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. М.: Весь мир, 2021. 432 с.
- Батюк 2018 – *Батюк В.И.* Холодная война между США и СССР (1945–1991): Очерки истории. М.: Весь мир, 2018. 336 с.
- Бубнова 2025 – *Бубнова Н.И.* Ядерная политика США в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2025. Т. 16. № 2. С. 97–123. URL: <https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1833/993> (дата обращения: 02.02.2026).
- Буренок, Ачасов 2007 – *Буренок В.М., Ачасов О.Б.* Неядерное сдерживание // Военная мысль. 2007. № 12. С. 12–15.
- Джервис 2022 – *Джервис Р.* Восприятие и неверное восприятие в международной политике. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2022. 656 с.
- Караганов, Тренин, Авакянц 2024 – *Тренин Д.В., Авакянц С.И., Караганов С.А.* От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.
- Киссинджер 1959 – *Киссинджер Г.* Ядерное оружие и внешняя политика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 508 с. (Для научных и военных библиотек)
- Киссинджер 1997 – *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир: ТОО «ВРС», 1997. 847 с.

- Шеллинг 2016 – Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН: Социум, 2016. 368 с.
- Anderson, McCue 2021 – Anderson J.R., McCue J.D. Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration // *Strategic Studies Quarterly*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 28–60.
- Kahn 2010 – Kahn H. On escalation: Metaphors and scenarios. New Brunswick: Transaction Publishers, 2010. 308 p.
- Mearsheimer 1983 – Mearsheimer J.J. Conventional deterrence. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 296 p.
- Peters, Anderson, Menke 2018 – Peters R., Anderson J., Menke H. Deterrence in the 21st century: Integrating nuclear and conventional force // *Strategic Studies Quarterly*. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 15–43.
- Schelling 1966 – Schelling T.C. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1966. 314 p.
- Snyder 2015 – Snyder G. Deterrence and defense. Princeton: Princeton University Press, 2015. 306 p.

References

- Anderson, J.R. and McCue, J.D. (2021), “Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration”, *Strategic Studies Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 28–60.
- Arbatov, A.A. (2021), *Strategicheskaya stabil'nost' – oruzhie i diplomatiya* [Strategic stability: weapons and diplomacy], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Batyuk, V.I. (2018), *Kholodnaya voina mezhdru SShA i SSSR (1945–1991): Ocherki istorii* [The Cold War between the USA and the USSR (1945–1991). Essays on history], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Bubnova, N.I. (2025), “U.S. nuclear policy in comparative perspective”, *Comparative Politics Russia*, vol. 16, no. 2, available at: <https://www.sravpol.ru/jour/article/view/1833/993> (Accessed 2 Feb. 2026).
- Burenok, V.M. and Achasov, O.B. (2007), “Non-nuclear deterrence”, *Voennaya mysl'*, no. 12, pp. 12–15.
- Jervis, R. (2022), *Vospriyatie i nevernoe vospriyatie v mezhdunarodnoi politike* [Perception and misperception in international politics], Tsentr analiza strategii i tekhnologii, Moscow, Russia.
- Kahn, H. (2010), *On escalation. Metaphors and scenarios*, Transaction Publishers, New Brunswick, Canada.
- Karaganov, D.V., Trenin, S.I. and Avakyants, S.I. (2024), *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu* [From deterrence to intimidation], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
- Kissinger, H. (1959), *Yadernoe oruzhie i vneshnyaya politika* [Nuclear weapons and foreign policy], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR. (*Dlya nauchnykh i voennykh bibliotek*)

- Kissinger, H. (1997), *Diplomatiya* [Diplomacy], Lodomir, TOO “VRS”, Moscow, Russia.
- Mearsheimer, J.J. (1983), *Conventional deterrence*, Cornell University Press, Ithaca, UK.
- Peters, R., Anderson, J. and Menke, H. (2018), “Deterrence in the 21st century: Integrating nuclear and conventional force”, *Strategic Studies Quarterly*, vol. 12, no. 4, pp. 15–43.
- Snyder, G. (2015), *Deterrence and defense*, Princeton, Princeton University Press, USA.
- Schelling, T. (1966), *Arms and influence*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Schelling, T. (2016), *Strategiya konflikta* [Strategy of conflict], IRISEN, Sotsium, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Демокрит М. Заманпулов, кандидат исторических наук, Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3, стр. 1; d.zamanapulov@iskran.ru

Information about the author

Demokrit M. Zamanapulov, Cand. of Sci. (History), Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12/3, Khlebnny Line, Moscow, Russia, 117997; d.zamanapulov@iskran.ru

Современная турецкая историография об интеллектуальном наследии лидеров политического тюркизма

Марсель М. Гумеров

*Нижегородский государственный лингвистический
университет имени Н.А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия, marsel-gumerov@mail.ru*

Аннотация. Предметом рассмотрения является проблематика культурного единства тюркских народов Османской и Российской империй в работах крупных идеологов политического тюркизма – Юсуфа Акчуры, Зии Гёкальпа, Ахмет-Заки Валиди и Нихаля Атсыза – и ее освещение в современной турецкой историографии. Анализируется, как современные ученые представляют идеи этих политических деятелей о механизмах достижения единства тюркского мира. Подобная тематика вызывает повышенный интерес научной общественности в Турецкой Республике в связи с ее текущим внешнеполитическим курсом. Делается вывод, что зарубежные исследователи видят одной из центральных тем в работах этих идеологов тюркизма культурное и политическое единство тюркских народов Османской и Российской империй, но расходятся в понимании механизмов и конечного идеала. Отмечается, что воображаемым идеалом выступала Османская империя или Тюркская цивилизация. Заключается, что в работах тюркистов не предлагается сколь-нибудь целостных механизмов по формированию единого тюркского мира. В отношении академического дискурса необходимо подчеркнуть, что научное изучение трудов этих теоретиков носит прикладной характер, связано с вопросами формирования современной общетюркской идентичности. Однако часть турецких научных исследований не избегает критической рефлексии дискуссии относительно подлинности общетюркской мифологии, грамотного использования тюркской терминологии в контексте общей тюркской истории и выявленных противоречий внутри реконструируемого дискурса тюркистов.

Ключевые слова: зарубежная историография, единство тюркских народов, Османская империя, Российская империя, З. Гёкальп, Ю. Акчура, А. Валиди, Н. Атсыз

Для цитирования: Гумеров М.М. Современная турецкая историография об интеллектуальном наследии лидеров политического тюркизма // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 53–71. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-53-71

© Гумеров М.М., 2026

Contemporary Turkish historiography on the intellectual heritage of the leaders of political Turkism

Marsel M. Gumerov

*Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, marsel-gumerov0@mail.ru*

Abstract. The subject of the review is the problem of cultural unity of the Turkic peoples of the Ottoman and Russian Empires in the works of the major ideologists of political Turkism – Yusuf Akcura, Ziya Gekalp, Ahmet-Zaki Validi and Nihal Atsyz – and its coverage in modern Turkish historiography. The article analyzes how contemporary scientists present the ideas of those political figures about the mechanisms for achieving the unity of the Turkic world. It is noted that the topic arouses increased interest of the scientific community in the Republic of Turkey in connection with its current foreign policy course. It is concluded that foreign researchers see the cultural and political unity of the Turkic peoples of the Ottoman and Russian Empires as one of the central themes in the works of these ideologists of Turkism, but they differ in their understanding of the mechanisms and the ultimate ideal. It is noted that the imaginary ideal was the Ottoman Empire or the Turkic civilization. The problem is that the works of the Turkists do not propose any holistic mechanisms for the formation of a unified Turkic world. With regard to academic discourse, it is worth noting that the scientific study of the works of these theorists is of an applied nature, related to the formation of modern common Turkic identity. However, some Turkish scientific research does not avoid critical reflection on the debate regarding the authenticity of common Turkic mythology, the competent use of Turkic terminology in the context of common Turkic history and concerning the contradictions identified within the reconstructed discourse of the Turkists.

Keywords: foreign historiography, unity of the Turkic peoples, Ottoman Empire, Russian Empire, Z. Gekalp, Y. Akchura, A. Validi, N. Atsyz

For citation: Gumerov, M.M. (2026), “Contemporary Turkish historiography on the intellectual heritage of the leaders of political Turkism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 53–71, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-53-71

Введение

Современная Турция активно развивает идеи политического тюркизма (пантюркизма) – движения, направленного на культурное и политическое сближение тюркоязычных народов [Алиева 2016; Аватков, Сбитнева 2022; Аватков, Гузаеров 2023]. Она предлагает

смотреть на тематику тюркского единства максимально широко, вписывая ее в исторический контекст развития джадидизма¹ на евразийском пространстве в XIX – начале XX в.² В итоге джадидские идеи, переосмысленные турецкой стороной в ключе «тюркизация-исламизация-модернизация», становятся частью актуальных тенденций национально-государственного строительства в бывших среднеазиатских советских республиках, всплывают в контекст современных дискуссий о тюркской идентичности и ее объединительного потенциала в странах Центральной Азии. Эти дебаты затрагивают вопросы исторической памяти, культурной близости, политического сотрудничества и религиозного единства тюркоязычных народов. После обретения независимости страны Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан) в поиске новых идеологических оснований для национально-государственного строительства стали переосмысливать свою историю, делая акцент, в том числе, на тюркском наследии.

Турция оказывает серьезное влияние на этот процесс. Она использует идею общего тюркского происхождения для укрепления региональной политической, культурной солидарности (например, через Организацию тюркских государств). В современности тюркизм проявляется в виде межгосударственного сотрудничества (Организация тюркских государств, Тюрксой и пр.) и мягкой силы (культурные³, экономические инициативы Турции). Тюркизм

¹ Осознавая всю широту и спорность данного общественно-политического понятия, нас интересует джадидизм исключительно как процесс выработки представлений о модернизации системы мусульманского образования, имевший место в различных частях исламского мира во второй половине XIX – начале XX в.

² Так, в мае 2025 г. в Турции состоялся международный симпозиум «Горизонты джадидизма в столетии тюркских государств: Взгляд из прошлого в будущее перед лицом неоколониальных вызовов». Предлагаемая аналитическая оптика – рассмотрение джадидизма как интеллектуального движения, ставшего мостом между тюркскими народами двух империй, предложившего модель единства через реформы образования, языка и культуры (см. подробнее: Горизонты джадидизма в столетии тюркских государств: Взгляд из прошлого в будущее перед лицом неоколониальных вызовов // URL: <https://cedidciliksempozyumu.uskudaruniversitesi.edu.tr/gu/2025/o-simpoziume> (дата обращения: 05.06.2025)).

³ В частности, 24 декабря 2024 г. состоялась конференция «Культура, цивилизация вчера и сегодня» в память о З. Гёкальпе в связи со 100-летием со дня его кончины в Центре прикладного и исследовательского искусства и культуры Университета Диджле в Диярбакыре. Мероприятие было организовано при поддержке Министерства внутренних дел

остаётся динамичной идеологией, адаптирующейся к меняющимся политическим условиям [Сенюткина 2007].

Одним из основных аспектов этих политико-идеологических дискуссий является вопрос общей тюркской идентичности как объединяющего фактора. При этом идеи тюркистов-классиков (Ю. Акчуры⁴, З. Гёкальпа⁵, А. Валиди⁶, Н. Атсыза⁷) используются в современных национальных проектах постсоветских тюркских государств, часто – выборочно и в адаптированном виде. Так, например, в Казахстане и Азербайджане концепция «Тюркизация, исламизация, модернизация»⁸ частично воплотилась в програм-

Турецкой Республики, Главного управления по связям с гражданским обществом, ТЮРКСОЙ, Губернаторством Диярбакыра, Университета Хаджеттепе, Университета социальных наук Анкары, «Тюркского Очага» и Союза писателей Турции (см. подробнее: В Диярбакыре состоялась конференция в честь памяти Зия Гёкальпа // URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/v-diyarbakyre-sostoyalas-konferenciya-v-chest-pamyati-ziya-gyokalpa> (дата обращения: 23.07.2025)).

⁴ Юсуф Акчура (1876–1935) – татарский писатель, историк, политический деятель, один из основоположников тюркизма, автор программной работы «Три стиля политики» (1904), активно участвовал в издании журнала «Тюрк Юрду» (1911–1917), а также разработал концепцию этнокультурного тюркизма, противопоставив его османскому исламу.

⁵ Зия Гёкальп (1876–1924) – турецкий писатель, поэт, социолог, политический деятель, главный идеолог тюркизма, автор труда «Основы тюркизма» (1923), редактор журнала «Кызыл Эльма» (1913–1914), создатель доктрины «Тюркизация-исламизация-модернизация».

⁶ Ахмет-Заки Валиди Тоган (1890–1970) – башкирский историк, политический деятель, лидер башкирского национального движения, основатель журнала «Йени Туркестан» (1927–1931), занимался разработкой концепции единства тюркских народов России, автор теории «Туркестанской цивилизации».

⁷ Хусейн Нихаль Атсыз (1905–1975) – турецкий писатель и поэт, радикальный представитель тюркизма, основатель журнала «Орхун» (1933–1934, 1943–1944), пропагандировал расовую теорию тюркизма, автор концепции «Туранского национализма», критиковал исламское влияние на тюркскую идентичность.

⁸ Концепция «Тюркизация, исламизация, модернизация» (Türkleşmek, İslamlaşmak, Muasırlaşmak) принадлежит З. Гёкальпу, который предложил три взаимосвязанных принципа для преобразования османского общества в современную турецкую нацию: тюркизация (формирование единой турецкой национальной идентичности на основе языка, культуры и истории), исламизация (сохранение ислама как духовной основы общества, но

мах национального возрождения (например, в процессе перехода на латиницу). Турецкие исследователи А. Айдынгюн, И. Айдынгюн обращают внимание на влияние З. Гёкальпа на современные языковые реформы в тюркских государствах [Aydingün, Aydingün 2004].

Анализ историографической традиции изучения тематики тюркского единства в работах турецких исследователей позволяет выявить связь политического тюркизма с современными общественно-политическими процессами и социально-политическим контекстом развития тюркских обществ России и Турции, продемонстрировать потенциал академических исследований для создания идеологических концептов, генерации идей и дискурсов (прежде всего в турецком обществе), направленных на формирование общетюркской идентичности.

Предметом анализа в настоящей работе является отражение в современной (с 2010 г.) турецкой историографии проблематики культурного единства тюркских народов Османской и Российской империй во второй половине XIX – середине XX в.⁹, нашедшей свое отражение в работах крупных идеологов политического тюркизма¹⁰ – Ю. Акчуры (1876–1935), З. Гёкальпа (1876–1924), А. Валиди (1890–1970) и Н. Атсыза (1905–1975).

Автор статьи ставит своей целью изучение подходов зарубежных исследователей к данной проблеме. Для этого будут решены следующие задачи:

1. Выявлены и проанализированы ключевые идеи и подходы Ю. Акчуры, З. Гёкальпа, А. Валиди и Н. Атсыза по вопросу культурного единства российских и османских тюрков, отраженные в зарубежной историографии.

2. Определен образ и идеал единого тюркского мира в представлении тюркистов, а также средства по достижению этой цели, как их понимают зарубежные исследователи.

в рационализированной форме), модернизация (заимствование западных научных, технологических и социальных достижений).

⁹ Российская и Османская империи прекратили существование после окончания Первой мировой войны.

¹⁰ Вслед за О. Сенюткиной под «политическим тюркизмом» мы понимаем «совокупность ценностных ориентаций тюрков, которым они следуют в реальной жизни. Специфика этих ценностных ориентаций в том, что они проявляются чаще на уровне составляющих тюркского сообщества, нежели на уровне тюркского сообщества в целом. Доведенная до логического конца политическая ценностная ориентация тюрков может быть представлена идеей единого тюркского государства» [Сенюткина 2007].

3. Проведен анализ современных исследовательских подходов зарубежных историков в освещении творческого наследия указанных мыслителей.

4. Сделан вывод о доминирующем академическом дискурсе в изучении творческого наследия идеологов политического тюркизма в современной Турции, о влиянии на него текущих общественно-политических процессов.

Ранее исследователями предпринимались единичные попытки¹¹ изучить обозначенную нами проблему. В частности, Н.М. Галиакбарова посвятила работу изучению идеологии пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах турецких исследователей [Галиакбарова 2008]. Мы в данной статье анализируем исследования зарубежных ученых, опубликованные после 2010 г., и рассматриваем тему в других хронологических рамках (работы интересующих нас авторов относятся ко второй половине XIX – середине XX в.).

Необходимо зафиксировать, что в изучении наследия тюркистов доминирует турецкая академическая школа, что вполне закономерно. Подавляющее большинство работ о тюркистах опубликовано на турецком языке [Akarslan 2022; Arıkan 2017; Aydoğan 2010; Boza 2022]. Имеются несколько статей на английском языке, опубликованных представителями турецкой исторической школы [Aydingün, Aydingün 2004; Yılmaz 2015]. Всего нами были изучены 23 публикации, посвященные творчеству интересующих нас политических деятелей.

Обзор зарубежной историографии

Во второй половине XIX – середине XX в. в среде турецких и татаро-башкирских интеллектуалов активно обсуждался вопрос культурного единства тюркских народов. Наиболее активную роль в этих дискуссиях сыграли Ю. Акчура, З. Гёкальп, А. Валиди и Н. Атсыз. Каждый из них попытался дать свое видение образа и идеала единого тюркского мира, а также средств его достижения.

Рассмотрим, на какие сюжеты и почему современные исследователи тюркизма обращают повышенное внимание.

Первый вопрос, на который пытаются ответить исследователи работ видных теоретиков тюркизма, – вопрос о первопричинах зарождения тюркизма. К данной проблематике обращаются турецкие

¹¹ Специальные историографические исследования на турецком языке по данной теме нами не обнаружены.

исследователи Озджан Кая и Сами Тюркман. Первый считает, что на взгляды З. Гёкальпа наибольшее влияние оказал распад Османской империи, что подтолкнуло его к идее создания Туранской империи для сохранения государственности и территориальной целостности страны [Кауа 2017, s. 67]. Есть и другие позиции. С. Тюркман отметил, что реакция османов и татар на русский панславизм проявилась в усилении идей национализма и тюркизма, особенно на Балканах и среди тюрков в России. В то время, когда османы потерпели поражение на Балканах и потеряли некоторые регионы, идеи тюркизма и пантуранизма¹² стали широко распространены на территории от Европы до Тихого океана. Под влиянием идей крымского мыслителя И. Гаспринского (1851–1914) и благодаря труду Ю. Акчуры «Три стиля политики», пантюркистские идеи и на волне младотурецкой революции 1908 г. набрали стремительную силу [Türkman 2010, s. 152]. 24 декабря 1908 г. основанное Юсуфом Иззетом¹³ (1876–1922) «Тюркское общество» объявило своей целью «изучение и распространение знаний о прошлом и настоящем всех тюркских народов, их памятниках, деяниях, состояниях и важных событиях» [Türkman 2010, s. 153].

Вторая важная тема – образ идеального тюркского мира. Можно отметить, что представления тюркистов о создании идеальной политической формы тюрков отражены в историографии несколько абстрактно. На это повлияло понимание этого идеального будущего каждым из мыслителей. Например, для Акчуры это подражание Турции со стороны других тюркских общностей, а для Гёкальпа – это совершенно новая тюркская общность с современными ценностями, сформированными в результате культурно-образовательных реформ.

Отдельные тюркисты рассматривали создание Турецкой Республики как пример для общетюркского единства. Как отмечает Г. Эшель, Акчура рассматривал образование Турецкой Республики

¹² Пантуранизм – политическая и идеологическая концепция, направленная на культурное, экономическое и политическое объединение всех тюркских народов в единое государство или союз. Туран – мифологизированный образ «тюркского мира», который в разные эпохи означал символ тюркского единства (в пантюркизме) и геополитическую мечту о едином пространстве от Турции до Сибири.

¹³ Юсуф Иззет-паша (1876–1922) – генерал Османской империи черкесского происхождения, который после провозглашения независимости Горской республики в 1918 г. стал командующим Северо-кавказского корпуса и военным представителем в этой республике, представляя интересы Турции в этом регионе.

как воплощение идеалов тюркизма, превысившее ожидания его современников [Gökhan 2017, s. 429]. Ю. Акчура в 1919 г. выделял две формы тюркизма: демократическую (признающую право наций на самоопределение) и империалистическую (ориентированную на экспансию) [Gökhan 2017, s. 429]. Он придерживался демократических идей и участвовал в турецком национальном движении. Акчура считал, что тюркские народы могут сформировать великую политическую нацию, способную выстоять среди других, где Османская империя должна играть ведущую роль, подобно Японии в Азии [Türkman 2010, s. 144].

Джемиле Кынаджы Баран анализирует образ будущего тюркского мира через призму стихотворения З. Гёкальпа «Кызыл Эльма». Исследовательница показывает, как главная героиня Ай Ханым, сочетающая огузские и кыпчакские корни, воплощает идеал единой тюркской идентичности. Стремление героини создать современные школы в духе джадидизма (символически реализованное в утопической деревне «Кызыл Эльма» в Швейцарии) отражает взгляд Гёкальпа на образование как инструмент национального модернизма и единства. Кынаджы проводит параллель с идеями И. Гаспринского, подчеркивая роль просвещения в строительстве единой тюркской общности [Kınacı 2024, s. 47–54].

Третий сюжет – механизмы достижения будущего тюркского единства. Исследователи отметили разные инструменты, которые бы позволили прийти к этой цели.

Культурно-образовательные меры. Исследователи единодушно отмечают ключевую роль культурного фактора в концепциях теоретиков тюркизма. О.К. Далгыч подчеркивает, что Гёкальп видел в культуре основу национальной идентичности, предлагая триаду «Тюркизация, исламизация, модернизация» как синтез традиций и прогресса [Dalgiç 2018, s. 134–135]. Его теория разделяла «харс» (национальную культуру) и «цивилизацию» (международные достижения), что стало методологической основой тюркизма [Güngör 2024, s. 101].

Отмечается, что ценность работ Гёкальпа заключена в попытке создания целостной концепции тюркской культурной истории, которая бы включала доисламские элементы. Ш.С. Тунчбилек анализирует попытки Гёкальпа реконструировать доисламские верования (тотемизм, культ «кута»), хотя современная наука оспаривает эти построения как методологически уязвимые [Tuñçbilek 2024, s. 346–347]. Гёкальп рассматривал «национальных гюзиделей» (мыслителей и художников) как посредников между народной культурой («харс») и западной цивилизацией. По его мнению, они должны были черпать оригинальность из тюркских традиций,

а техническое мастерство – из европейских достижений, создавая таким образом синтетическую национальную культуру [Güngör 2024, s. 105]. Эта новая интеллигенция, по замыслу Гёкальпа, должна была стать движущей силой тюркского единства.

Историю мы можем отнести к культурно-образовательным инструментам. Ряд исследователей подчёркивает, что история использовалась идеологами тюркизма как средство формирования национального сознания и тюркского единства [Yılmaz 2015, с. 477]. М. Йылмаз в статье о Н. Атсызе проанализировал его восприятие тюркской истории и роль истории в тюркистской идеологии. Атсыз, будучи учеником А. Валиди, подчеркивал политико-военный подход к истории, отвергая экономико-материалистический взгляд. По его мнению, турецкая история – это единый, непрерывный процесс, в рамках которого смена династий не означает смену государств. Он критиковал концепцию 16 тюркских государств, настаивая на единстве исторического развития. История делится им на два этапа: «на родине» (до XI в.) и «в чужих провинциях» (после XI в.) [Kıroğlu 2019, s. 39], с акцентом на преемственность тюркских династий [Yılmaz 2015, p. 478]. Атсыз считал национального героя центральной фигурой истории и литературы, а ее задачей – поддержание единства нации и духа тюркизма [Kıroğlu 2019, s. 38].

Попутно заметим, что А. Валиди в 1930-х гг. стремился пересмотреть истоки тюркской цивилизации, утверждая тюркское происхождение доисторических анатолийских культур и цивилизации Средней Азии в 7000-х гг. до н. э. [Ryosuke 2016, с. 299]. Зейнеп Аккарслан подчеркивает значимость работы А. Валиди над трактатом Ибн Фадлана, в котором отражены традиции огузов Приуралья [Akarslan 2022, s. 217]. Тунджер Байкара отмечает, что А. Валиди связывал племя кайы, предков османов, с огузским племенем кайы из Средней Азии [Тунджер 1998, с. 66]. Таким образом, мы наблюдаем стремление зарубежных исследователей подчеркнуть общность истории российских и османских тюрок в трудах тюркистов.

Зарубежные исследователи отметили активное использование тюркской мифологии лидерами тюркизма как инструмента культурной консолидации. Серкан Кёсе проанализировал, как З. Гёкальп применял мифологические образы (Огуз-хан, Отюкен, Эргенекон, Серый волк) в поэзии для формирования национальной идентичности и идеологии тюркизма [Köse 2016, s. 303–306]. Ученый обращает внимание на то, как Гёкальп реконструировал мифологическое знание, связывая его с современными задачами нации, и использовал фольклор как средство легитимации идеологических концепций.

Тугба Айдоган подчеркнул идеологическую направленность поэзии Гёкальпа, в которой он противопоставлял тюркизм другим политическим течениям (османизму, исламизму), формируя образы, близкие молодому поколению. Центральной фигурой в его творчестве становится Огуз-хан – символ единства и героического прошлого тюрков [Aydoğan 2010, s. 555].

Н. Атсыз, по наблюдению Б. Бозы и О. Серткаи, использовал мифологические и космологические символы (шатер, дерево, волчья голова, Отыкен) [Boza 2022, s. 1136] в своих романах как основу для формирования образа героического тюркского мира и борьбы за независимость [Sertkaya 2014, s. 9]. Если посмотреть шире на этот вопрос, то можно утверждать, что через свои произведения Атсыз призывал всех тюрков, включая российских, бороться за независимость. Атсыз мифологизировал доисламскую эпоху, придавая ей идеологическое значение в рамках национального канона [Kıroğlu 2019, s. 33].

Метин Арыкан рассмотрел А. Валиди как фольклориста, который стремился объединить тюркские народы через универсальные культурные элементы. В его трудах подчеркивается сакральность географии (Алтай, Танры-Таг) как центров тюркского мира [Arıkan 2017, s. 40], что также служило основанием для политической концепции единства тюрков.

В стихотворении «Тюркская космогония», которое является тюркским мифом о сотворении мира, Гёкальп писал, что небо и земля, ночь и день, луна, горы и море возникли в результате расчленения быка по имени Як, убитого охотниками. С. Кёсе не согласен с мнением другого исследователя Ризы Филизок: «отметил, что это стихотворение не похоже на космогонические повествования тюркских общин, таких как алтайцы, якуты и киргизы, и сказал, что Гёкальп создал огузифицированную тюркскую космогонию. Однако бык является важной фигурой как в германской, индийской и персидской мифологиях, так и в якутской, киргизской и алтайской мифологиях. Мнение Филизока о том, что этот вопрос относится только к огузам, является спорным в этом контексте» [Köse 2016, s. 308].

А. Валиди, как показывает японский исследователь Рёсукэ Оно, делал акцент на общности литературной традиции, выступая против языковой фрагментации [Ryosuke 2018, s. 225]. Его анализ связей средневековых тюркских государств подчеркивал единство тюркестанской цивилизации¹⁴. Объединяющим элементом кон-

¹⁴ Историко-культурный регион в Центральной Азии, который в разные периоды истории включал в себя территории современных Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и части Афганистана.

цепций стало представление о культуре как основе политического единства, где образование выступает транслятором ценностей. Как отметил С. Тюркман, Гёкальп видел в «единстве наследия» альтернативу расовым теориям, что особенно актуально для полиэтничного тюркского мира [Türkman 2010, s. 155].

*Политические и идеологические инструменты*¹⁵. Ряд исследователей рассматривали партийную деятельность как инструмент тюркского единения. Рёсукэ Оно проанализировал попытку А. Валиди создать Партию Эрк¹⁶ [Ryosuke 2018, s. 221]. В частности, автор упомянул о попытке создать Партию Эрк¹⁷, основанную на социализме и национализме, куда вошли бы мусульмане Российской империи (башкиры, казахи, жители Туркестана и другие представители тюркской нации), которые, не вступая в коммунистическую партию, включились бы в работу Коминтерна [Ryosuke 2018, s. 221].

По мнению турецкого историка С. Тюркмана, политика тюркского единства предполагала сплочение тюрков, ассимиляцию нетюркских мусульман и постепенную тюркизацию остальных [Türkman 2010, s. 142–144]. Аккарслан обращает внимание на то, что после революции 1917 г. А. Валиди пришел к выводу, что автономии не обеспечивают выживание тюркских народов, и в своей работе он утверждал, что единственный путь – объединение в более крупные тюркские образования [Akarslan 2022, s. 219].

Религиозный фактор в деле объединения. Следующим инструментом в процессе консолидации тюркского мира выступает ислам. Взгляды ведущих идеологов тюркизма на роль ислама в объединении тюркских народов существенно различались. Гёкальп, Акчтура и Валиди рассматривали ислам как важный, хотя и не исключительный, объединяющий фактор, сочетая его с национальными культурными элементами [Dalgıç 2018, s. 135; Türkman 2010, s. 145]. А. Валиди, в частности, подчеркивал ци-

¹⁵ Политические и идеологические инструменты не менее важны, чем культура и образование. Но в рамках данной работы им будет уделено меньше внимания, чем последним. Необходимы будут дополнительные исследования для более детального изучения данного сюжета.

¹⁶ Социалистическая партия «ЭРК» (башк. яз. – «Воля») – бывшая социалистическая партия, действовавшая в Башкортостане, Бухаре и Туркестане в 1919–1926 гг. Основана по инициативе А. Валиди.

¹⁷ В апреле 1921 г. А. Валиди и его соратник Абдулхамид Ариф сократили свою программу до девяти пунктов, среди которых: национализация ресурсов, автономия Туркестана, создание национальной армии, демократическое управление и освобождение от русского культурного влияния.

визационную роль ислама в Туркестане, отвергая при этом расовые критерии [Ryosuke 2018, s. 226].

Напротив, Н. Атсыз занимал радикально иную позицию, рассматривая ислам как фактор, нарушивший этнокультурную «чистоту» тюрок. Он акцентировал доисламское наследие, расовое единство и языковую преемственность как основы тюркской идентичности [Kıcıoğlu 2019, s. 43, 47–48]. Примечательно, что даже Атсыз допускал включение в «тюркский мир» туркизированные группы, разделяющих идеалы турецкости [Özkan 2019, p. 958].

Акчура занимал промежуточную позицию: признавая значение языка и расы как основных маркеров нации, он не отвергал полностью исламский фактор, особенно в политическом контексте в деле объединения российских и османских тюрок [Türkman 2010, s. 145]. Эти расхождения отражают фундаментальную дихотомию в тюркизме между культурно-цивилизационным (Гёкальп, Валиди) и этнорасовым (Атсыз) подходами к национальному строительству.

«Северные» тюрки Российской империи в историографии тюркизма

Тюркисты значительное внимание уделяли российским тюркам. Им была уготована своя роль в деле объединения тюрок обеих империй. Г. Эшель отмечает, что, по мнению Акчуры, современное государство должно быть национальным, и культурная однородность выступает как основа нации. В работе «Три стиля политики» он утверждал, что интересы российских тюрок и Османской империи взаимодополняемы [Gökhan 2017, s. 429]. В результате тюркисты ожидали роста национального самосознания российских тюрок, который должен был привести к обретению независимости, а затем к объединению тюркского мира.

З. Гёкальп находил вдохновение для образа Ай Ханым в примерах российских мусульманок, которые получали образование в Стамбуле [Kınacı 2024, s. 52]. В будущем они должны были вместе с тюрками Османской империи основать современную школу с новыми ценностями для построения идеальной Тюркской цивилизации.

Сравнивая практическую применимость идей панисламизма и тюркизма в политике, Акчура подчеркивал, что главным препятствием для панисламизма являются «внешние факторы», тогда как для тюркизма основная трудность кроется во «внутренних факторах», а именно: в недостаточном уровне развития национального самосознания у тюркских народов Российской империи [Gökhan

2017, s. 424]. Ю. Акчура подчеркивал, что тюрки, живущие не только в османской географии, но и в самых разных регионах, особенно в российской, должны быть «сознательными» [Gökhan 2017, s. 424], т. е. идентифицировать себя с тюркской общностью. Важно также то, что Ю. Акчура считал исламский фактор важным для объединения российских и османских тюрков [Türkman 2010, s. 145].

А. Валиди, как мы отметили ранее, признавал необходимость прямого участия российских тюрков в политике через партию «Эрк».

Заключение

Сегодня изучение идей тюркизма (пантюркизма) вызывает особый интерес исследователей, так как это неразрывно связано с актуальными общественно-политическими процессами поиска и конструирования собственной идентичности в тюркских обществах и активностью Турецкой Республики в деле формирования общетюркской идентичности.

Исследователи сходятся в том, что тюркизм возник как ответ на кризисные явления конца XIX – начала XX в.: распад Османской империи, панславизм и младотурецкую революцию 1908 г. Разногласия касаются первостепенного импульса: некоторые исследователи делают акцент на внутрисманских причинах, т. е. рассматривают кризис империи как необходимость в поиске новой идентичности, а другие подчеркивают внешний фактор: панславизм как катализатор тюркского единства.

Современные ученые обращают внимание, что идеологи тюркизма расходились по ключевым положениям, которые касались образов идеальной политической конструкции будущего тюркского мира. Для некоторых тюркистов идеал представлялся в виде Османской империи, к образу которой другие тюрки должны стремиться, достигая независимости и входя в единый тюркский союз. Ю. Акчура рассматривал Турецкую Республику как идеал, а З. Гёкальп считал, что идеал Тюркской цивилизации будет построен на базе новых ценностей через культурно-образовательные проекты.

Исследователи выделяют следующие механизмы достижения этого единства: политические и идеологические, культурно-образовательные и религиозные инструменты. Некоторые отмечают, что тюркисты пытались использовать практически все эти инструменты, находя общие точки соприкосновения между османскими и российскими тюрками. Однако спорным остается вопрос общности

мифологии для всех тюрков: наблюдается стремление огузофицировать тюркскую мифологию для турецких тюркистов, а другие выступали за равноправие всех тюркских ветвей.

Спорным представляется и использование потенциала ислама в деле объединения тюрков, так как некоторые тюркисты видели возможность интеграции на основании доисламских верований, без использования исламского фактора.

Важной темой в работах тюркистских мыслителей было культурное и политическое единство тюркских народов Османской и Российской империй. Для его обретения предлагались разнообразные меры, в первую очередь направленные на формирование национального самосознания российских тюркоязычных народов.

Касательно академического дискурса мы можем сделать вывод о том, что отчасти труды турецких исследователей носят прикладной характер и могут вносить вклад в разработку идей общетюркской идентичности. Однако не следует отказывать турецкой науке в субъектности и подозревать ее в слепом выполнении политического заказа. Анализ работ показывает, что в турецкой академии ведутся серьезные дискуссии относительно подлинности общетюркской мифологии, грамотного использования терминологии в контексте общей тюркской истории, фиксируются противоречия между видными деятелями политического тюркизма по ряду ключевых вопросов о будущем единого тюркского мира.

Благодарности

Автор статьи глубоко признателен научному руководителю, доктору исторических наук Гусевой Юлии Николаевне за помощь при подготовке статьи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00188, <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

Acknowledgements

The author of the article is deeply grateful to the scientific supervisor, Doctor of Historical Sciences Julia Nikolaevna Guseva for her help in preparing the article.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00188, <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>

Литература

- Аватков, Гузаеров 2023 – *Аватков В.А., Гузаеров Р.И.* Конструирование социальной реальности на тюркском пространстве: Этнолингвистический аспект // Свободная мысль. 2023. № 4 (1700). С. 69–76.
- Аватков, Сбитнева 2022 – *Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302.
- Алиева 2016 – *Алиева С.И.* Азербайджанская демократическая республика и Горская республика во внешней политике Турции (по российским архивным материалам) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 3. С. 11–20.
- Галиакбарова 2008 – *Галиакбарова Н.М.* Идеология пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение. Вып. 3. 2008. № 3. С. 155–164.
- Сенюткина 2007 – *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород: Медина, 2007. 518 с.
- Тунджер 1998 – *Тунджер Б.* Заки Валиди Тоган / сост., пер. на рус. яз., доп., указ. Р.М. Булгакова, А.М. Юлдамбаева. Уфа: Китап, 1998. 328 с.
- Akarşlan 2022 – *Akarşlan Z.* Zeki Velidî Togan'ın 1928–1932 Yılları Arasında Yayınlanan Bazı Makaleleri Üzerine İncelemeler [Анализ некоторых статей З.В. Тогана, опубликованных в период 1928–1932 гг.] // *Asya Studies – Academic Social Studies / Akademik Sosyal Araştırmalar*. 2022. Vol. 6. No. 19. P. 215–220.
- Arıkan 2017 – *Arıkan M.* Bir Halk Bilimci Olarak Zeki Velidi Togan [Зеки Велиди Тоган как исследователь фольклора] // *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi* [Вестник языка и литературы Тюркского мира]. 2017. No 44. S. 35–55.
- Aydınğün, Aydınğün 2004 – *Aydınğün A., Aydınğün I.* The role of language in the formation of Turkish national identity and Turkishness // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 3. P. 415–432.
- Aydoğın 2010 – *Aydoğın E.* Ziya Gökalp'in ölümünün türk kamuoyu ve basındaki yansımaları [Отражение смерти Зии Гёкальпа в турецком общественном мнении и прессе] // *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* [Журнал Института социальных наук Университета Ататюрка]. 2010. С. 10. No. 2. S. 177–190.
- Boza 2022 – *Boza B.* Hüseyin Nihal Atsız'ın Romanlarında Evren Tasarımı [Концепция мироздания в романах Хусейина Нихала Атыша] // VI. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Öğrenci Kongresi TUDOK, 13–16 Haziran 2021 [Материалы VI Международной студенческой конференции по турецкому языку и литературе (TUDOK), Стамбул, 13–16 июня 2021 г.], İstanbul, 2022. S. 1131–1140.

- Gökhan 2017 – *Gökhan E.* Yusuf Akçura'nın “Üç Tarz-i Siyaset” Adlı Eserinin Türk Siyasal Hayatına Yansımaları: Milliyetçi Hareket Partisi Örneği [Отражения произведения Юсуфа Акçура «Три вида политики» в турецкой политической жизни: пример Партии националистического движения] // *The Journal of Academic Social Science Studies*. 2017. Vol. 5. No. 58. P. 421–435.
- Güngör 2024 – *Güngör B.* Ziya Gökalp'in Türkçü Estetiği Yahut “Bedii Türkçülük” [Националистическая эстетика Зии Гёкальпа, или «Эстетический тюркизм»] // *Türk Dili* [Турецкий язык]. 2024. No. 874. S. 100–108.
- Dalgıç 2018 – *Dalgıç O.K.* Ziya Gökalp'in Türk milli kimliği algısı ve Türkçülük anlayışı [Восприятие Зией Гёкальпом турецкой национальной идентичности и его понимание тюркизма]. Mersin: Yüksek Lisans Tezi, 2018. 144 s.
- Kaya 2017 – *Kaya Ö.* “Türk Kahramanı” nı Yeniden Yazmak: Ziya Gökalp'in Politik Övgü Şiirleri [Переписывание «Турецкого героя»: Политические хвалебные стихи Зии Гёкальпа] // *Monograf*. 2017. No. 8. S. 59–81.
- Kırcıoğlu 2019 – *Kırcıoğlu N.F.* Türk Edebiyatını Ne Yana Yaslamalı? Nihal Atsız'ın Milli Kanonu [К какой стороне должно склониться турецкое литературоведение? Национальный закон Нихала Атсыза] // *Eğitim Bilim Toplum* [Образование, наука и общество]. 2019. С. 17. No. 66. S. 31–54.
- Kınacı 2024 – *Kınacı B.C.* Ziya Gökalp'in Fikirlerinde ve Türk Dünyasında Kadın: Ziya Gökalp'in Vefatının 100. Yılı Anısına Uluslararası 5 [Женщина в идеях Зии Гёкальпа и в тюркском мире: 100-летие со дня смерти Зии Гёкальпа] // *Türk Dünyası Eğitim Bilimleri ve Sosyal Bilimler Kongresi, 21–24 Kasım 2024* [Международный конгресс по образовательным и социальным наукам тюркского мира, Анталья, Турция, 21–24 ноября 2024 г.], Antalya, 2024. С. 5. No. 4. S. 46–55.
- Köse 2016 – *Köse S.* Mitoloji ve şiir: uygulamalı halk bilimi bağlamında Ziya Gökalp'in şiirlerinde Türk mitik tasarımı [Мифология и поэзия: турецкая мифическая концепция в стихах Зии Гёкальпа в контексте прикладной фольклористики] // *İsmail Çetışli Hatıra Kitabı* [Книга воспоминаний Исмаила Чечишли]. Ankara, 2016. S. 301–311.
- Özkan 2019 – *Özkan Ö.* Nihâl Atsız'ın Bilim İnsani Kimliği ve Türk Basının Nihâl Atsız'a Yönelik Yaklaşımı [Нихаль Атсыз как ученый и отношение турецкой прессы к Нихало Атсызу] // *Social Sciences*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 937–962.
- Ryosuke 2016 – *Ryosuke O.* Zeki Velidi Togan'ın Viyana'daki İlk Günleri (1932–1933) [Первые дни Зеки Валиди Тогана в Вене (1932–1933)] // *Kırkambar 2013* [Кыркамбар 2013]. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2016. S. 297–332.
- Sertkaya 2014 – *Sertkaya O.F.* Hüseyin Nihâl Atsız: hayatı ve eserleri [Хусейн Нихал Ациз: его жизнь и творчество]. İstanbul: Ötügen, 2014. 206 s.
- Tunçbilek 2024 – *Tunçbilek Ş S.* Aksâ-yı Şark Medeniyetinde Ongun, Kut ve Yağma Toyu: Ziya Gökalp'in Türk Harsı Arauışı [Онгун, кут и пиршество племени ягма в цивилизации Дальнего Востока: в поисках Зией Гёкальпом тюркской национальной культуры] // *Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi* [Журнал социальных наук Афонского университета Коджатеpe]. 2024. С. 25. S. 346–360.

- Türkman 2010 – *Türkman S.* Yusuf Akçura ve Ziya Gökalp [Юсуф Акçура и Зия Гёкальп] // *Atatürk Dergisi* [Журнал Ататюрк]. 2010. С. 3. No. 4. S. 135–161.
- Yılmaz 2015 – *Yılmaz M.* Nihâl Atsız'ın Târih Algısı ve Türk Târihi Hakkındaki Görüşleri [Историческое восприятие и взгляды на турецкую историю Нихала Атсыза] // *Electronic Turkish Studies*. 2015. Vol. 10. No. 9. P. 469–484.

References

- Akarslan, Z. (2022), “Zeki Velidî Togan'ın 1928–1932 Yılları Arasında Yayınlanan Bazı Makaleleri Üzerine İncelemeler [Studies on some articles by Z. Zeki Velidi Togan published between 1928–1932]”, *Asya Studies-Academic Social Studies, Akademik Sosyal Araştırmalar*, vol. 6, no. 19, pp. 215–220.
- Alieva, S.I. (2016), “The Azerbaijan Democratic Republic and the Mountain Republic in the foreign policy of Turkey (based on Russian archival materials)”, *Vestnik Mairkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 11–20.
- Arıkan, M. (2017), “Bir Halk Bilimci Olarak Zeki Velidi Togan [Zeki Velidi Togan as a folklorist]”, *Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi* [Journal of Language and Literature of the Turkish World], no. 44, pp. 35–55.
- Aydınçün, A. and Aydınçün, I. (2004), “The role of language in the formation of Turkish national identity and Turkishness”, *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 10, no. 3, pp. 415–432.
- Aydoğan, E. (2010), “Ziya Gökalp'in ölümünün türk kamuoyu ve basındaki yansımaları [The reflections of Ziya Gökalp's death in Turkish public opinion and the press]”, *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* [Journal of the Institute of Social Sciences, Atatürk University], vol. 10, no. 2, pp. 177–190.
- Avatkov, V.A. and Guzaerov, R.I. (2023), “The construction of social reality in the Turkish space. The ethnolinguistic aspect”, *Свободная мысль*, vol. 1700, no. 4, pp. 69–76.
- Avatkov, V.A. and Sbitneva, A.I. (2022), “New nationalism of Turkish Republic”, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 2, pp. 291–302.
- Boza, B. (2022), “Hüseyin Nihal Atsız'ın Romanlarında Evren Tasarımı [The conception of the universe in Hüseyin Nihal Atsız's novels]”, in *VI. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Öğrenci Kongresi TUDOK*, 13–16 Haziran 2021 [6th International Student Congress on Turkish Language and Literature TUDOK, June 13–16, 2021], İstanbul, Türkiye, pp. 1131–1140.
- Dalgiç, O.K. (2018), *Ziya Gökalp'in Türk milli kimliği algısı ve Türkçülük anlayışı* [Ziya Gökalp's perception of Turkish national identity and his understanding of Turkism], Yüksek Lisans Tezi, Mersin, Turkey.
- Galiakbarova, N.M. (2008), “Ideology of Pan-Turkism during the Second World War in the works of modern Turkish researchers”, *Ural'skoe vostokovedenie*, iss. 3, no. 3, pp. 155–164.
- Gökhan, E. (2017), “Yusuf Akçura'nın “Üç Tarz-i Siyaset” Adlı Eserinin Türk Siyasal Hayatına Yansımaları: Milliyetçi Hareket Partisi Örneği [The reflections of Yusuf

- Akçura's work 'Üç Tarz-ı Siyaset' on Turkish political life: The case of the Nationalist Movement party]", *The Journal of Academic Social Science Studies*, vol. 5, no. 58, pp. 421–435.
- Güngör, B. (2024), "Ziya Gökalp'in Türkçü Estetiği Yahut 'Bedii Türkçülük' [Ziya Gökalp's nationalist aesthetics, or 'Artistic Turkism]", *Türk Dili* [Turkish Language], no. 874, pp. 100–108.
- Kaya, Ö. (2017), " 'Türk Kahramanı' nı Yeniden Yazmak: Ziya Gökalp'in Politik Övgü Şiirleri [Rewriting the 'Turkish Hero': Ziya Gökalp's political panegyric poems]", *Monograf*, no. 8, pp. 59–81.
- Kırcıoğlu, N.F. (2019), "Türk Edebiyatını Ne Yana Yaslamalı? Nihal Atsız'ın Milli Kanonu [Against what should Turkish literature be leaned? Nihal Atsız's national canon]", *Eğitim Bilim Toplum* [Education Science Society], vol. 17, no. 66, pp. 31–54.
- Kınacı, B. C. (2024), "Ziya Gökalp'in Vefatının 100. Yılı Anısına", in *5. Uluslararası Türk Dünyası Eğitim Bilimleri ve Sosyal Bilimler Kongresi*, 21–24 Kasım 2024 [The 5th International Congress of Educational Sciences and Social Sciences of the Turkish World, November 21–24, 2024], Antalya, Turkey, vol. 5, no. 4, pp. 46–55.
- Köse, S. (2016), "Mitoloji ve şiir: uygulamalı halk bilimi bağlamında Ziya Gökalp'in şiirlerinde Türk mitik tasarımı [Mythology and Poetry: The Turkish Mythic Conception in Ziya Gökalp's Poems in the Context of Applied Folklore]", in *İsmail Çetışli Hatıra Kitabı* [Book in Memory of İsmail Çetışli], Ankara, Türkiye, pp. 301–311.
- Özkan, Ö. (2019), "Nihâl Atsız'in Bilim İnsanı Kimliği ve Türk Basının Nihâl Atsız'a Yönelik Yaklaşımı [Nihâl Atsız's identity as a scientist and the Turkish press's approach toward Nihâl Atsız]", *Social Sciences*, vol. 14, no. 3, pp. 937–962.
- Ryosuke, O. (2016), "Zeki Velidi Togan'ın Viyana'daki İlk Günleri (1932–1933) [Zeki Velidi Togan's first days in Vienna (1932–1933)]", in *Kırkambar 2013* [Kırkambar 2013], Türk Tarih Kurumu, Ankara, Türkiye, pp. 297–332.
- Senyutkina, O.N. (2007), Tyurkizm kak istoricheskoe yavlenie (na materialakh istorii Rossiiskoi imperii 1905–1916 gg.) [Turkism as a historical phenomenon (based on the materials of the History of the Russian Empire, 1905–1916)], Medina, Nizhny Novgorod, Russia.
- Sertkaya, O.F. (2014), *Hüseyin Nihâl Atsız: hayatı ve eserleri* [Hüseyin Nihâl Atsız: life and writings], Ötüken, İstanbul, Turkey.
- Tunjer, B. (1998), *Zaki Validi Togan* [Zaki Validi Togan], Kitap, Ufa, Russia.
- Tunçbilek, Ş.S. (2024), "Aksâ-yı Şark Medeniyetinde Ongun, Kut ve Yağma Toyu: Ziya Gökalp'in Türk Harsı Arayışı [Ongun, Kut, and the Yağma Feast in the civilization of the Far East: Ziya Gökalp's quest for Turkish national culture (Hars)]", *Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi* [Afyon Kocatepe University Journal of Social Sciences], vol. 25, pp. 346–360.
- Türkman, S. (2010), "Yusuf Akçura ve Ziya Gökalp [Yusuf Akçura and Ziya Gökalp]", *Atatürk Dergisi* [Ataturk Magazine], vol. 3, no. 4, pp. 135–161.
- Yılmaz, M. (2015), "Nihâl Atsız'ın Târih Algısı ve Türk Târihi Hakkındaki Görüşleri [Nihâl Atsız's perception of history and his views on Turkish history]", *Electronic Turkish Studies*, vol. 10, no. 9, pp. 469–484.

Информация об авторе

Марсель М. Гумеров, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия; 603155, Россия, Нижегородская обл., Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А; marsel-gumerov0@mail.ru

Information about the author

Marsel M. Gumerov, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 31A, Minina St., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, Russia, 603155; marsel-gumerov0@mail.ru

Вклад представителей ирландской диаспоры в формирование американской политической философии

Артемий Д. Джафаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, a.bautrel@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрывается комплексное влияние этнических ирландцев, а также американцев ирландского происхождения, на развитие ключевых аспектов политической культуры и философии США. В работе подчеркивается недостаточная изученность этой темы в российской науке и важность комплексного подхода к оценке вклада отдельных этнических сообществ в формирование уникальной модели политической философии США, базирующейся на сочетании идей свободы, равенства и гражданского участия. Автор подробно рассматривает волны миграции ирландцев начиная с Великого голода 1845–1852 гг., анализирует сложные социально-экономические условия, приведшие к активному включению ирландской диаспоры в политическую жизнь страны, и объясняет, почему политика стала главным социальным лифтом для их самореализации. Исходя из примеров деятельности знаменитых ирландцев: от зарождения «джексонианской традиции», вклад в которую внес Джон О’Салливан, до формирования феномена политических машин и боссизма, прослеживается уникальный вклад ирландцев в формирование принципов американской демократии, равенства возможностей, прагматизма и политической мобилизации низших слоев общества. Особое внимание уделено разделению внутри самой ирландской диаспоры (католики и протестанты, а также шотландско-ирландские элементы диаспоры), их различиям подходам к политическим стратегиям и интеграции. Анализируются инициированные ирландцами трудовые движения и участие в Гражданской войне, где интеграция военных, профсоюзных и политических практик позволила данной группе консолидировать социальный капитал и воздействовать на долгосрочные процессы американской идентичности и национализма.

Ключевые слова: ирландская диаспора в США, американская политическая философия, социальная мобильность, ассимиляция мигрантов, этническая идентичность

Для цитирования: Джафаров А.Д. Вклад представителей ирландской диаспоры в формирование американской политической философии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 72–88. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-72-88

The contribution of the Irish diaspora members to the formation of American political philosophy

Artemiy D. Dzhafarov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, a.bautrel@yandex.ru*

Abstract. The article reveals the comprehensive influence of ethnic Irish and Irish Americans on the development of the key aspects of the political culture and philosophy of the United States. It emphasizes the insufficient study of this topic in Russian academia and the importance of a comprehensive approach to evaluating the contribution of individual ethnic communities to the formation of a unique model of American political philosophy, based on a combination of ideas of freedom, equality, and civic participation. The author analyzes in detail the waves of Irish migration, beginning with the Great Famine in 1845–1852, examines the complex socio-economic conditions that led to the active involvement of the Irish diaspora in the political life of the country, and explains why politics became the main social elevator for their self-realization. Starting with the examples of the activities of prominent Irish figures – from the emergence of the “Jacksonian tradition”, to which John O’Sullivan contributed and until the formation of the phenomena of political machines and bossism – the article traces the unique Irish contribution to shaping the principles of American democracy, equal opportunity, pragmatism, and political mobilization of the lower classes of society. Special attention is paid to the divisions within the Irish diaspora itself (the Catholics and Protestants, as well as the Scots-Irish elements), their different approaches to political strategies and integration. The article also analyzes the Irish-initiated labor movements and participation in the Civil War, where the integration of the military, trade union, and political practices allowed this group to consolidate social capital and influence the long-term processes of American identity and nationalism.

Keywords: Irish diaspora in the USA, American political philosophy, social mobility, migrant assimilation, ethnic identity

For citation: Dzhafarov, A.D. (2026), “The contribution of the Irish diaspora members to the formation of American political philosophy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 72–88, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-72-88

В настоящий момент политическая философия Соединенных Штатов Америки (далее – США), безусловно, является одной из наиболее широко проработанных и успешных, несмотря на существование конкурирующих парадигм в мире. В настоящей работе будет использовано определение генерального директора Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеева для международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Политическая философия США и современного Запада в целом – это философия эмансипации, освобождения и основанного на разуме прогресса»¹. В основе политической философии США Тимофеев выделяет такие аспекты, как либеральные принципы при верховенстве разума, концепцию «негативной свободы», справедливость, равенство возможностей в рамках единых правил, демократию и рыночную экономику².

В статье анализируется роль непосредственно ирландцев, как иммигрантов, так и американцев ирландского происхождения, в формировании внешне и внутривнутриполитических паттернов поведения США.

Актуальность данного исследования обусловлена текущей трансформацией мирового порядка, в ходе которой растет важность понимания политических философий ключевых акторов международных отношений, в частности США. *Новизна* определяется тем, что до сегодняшнего дня вклад представителей ирландской диаспоры в политическую философию США недостаточно освещен в отечественной науке. Исследование позволит определить происхождение некоторых определяющих аспектов политической деятельности США.

В рамках статьи путем применения исторического метода исследования будет предпринята попытка определить ключевых носителей ирландской или американо-ирландской идентичности, сделавших существенный вклад в политическую культуру США. При этом будет проведено различие между субъектами политической жизни, активными непосредственно в общественно-политическом поле и, как следствие, оказывавшими влияние на политическую философию США опосредованно, и представителями диаспоры, акцентированно работавшими с продвижением неких дискурсов через научную и публицистическую деятельность.

¹ Тимофеев И.Н. Политическая философия: атрибут сверхдержавы // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2023. 27 февр. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-filosofiya-atribut-sverkhderzhavy/> (дата обращения: 28.04.2025).

² Там же.

Как отмечает ассоциированный профессор истории Католического университета Америки Тимоти Мигер в своей книге «Колумбийский путеводитель по ирландско-американской истории»: «Национализм – стремление восстановить политическую автономию прежней страны – было неотъемлемой частью жизни американцев ирландского происхождения практически с самого рождения США» [Meagher 2005, p. 198]. Мигранты, прибывавшие в США, занимали «нишу» дешевой рабочей силы и, как следствие, некоторое время оставались непредставленными на политическом уровне [Dolan, Nelligan 1996]. Более того, до середины XIX в. не представляется возможным говорить о сколь бы то ни было существенном вкладе американцев ирландского происхождения в политическую философию США. Влияние ирландской диаспоры если и существовало, то было крайне малым и ограничивалось, вероятно, локальным уровнем.

Стоит отметить, что ирландская диаспора, чье формирование протекало в условиях численного превосходства и социального давления со стороны англосаксонских переселенцев, не имела возможности обеспечить себе социальные блага. Учитывая страну происхождения – Ирландию, мигранты не могли привнести в экономику США новый капитал, так как чаще всего были представителями малообеспеченных слоев населения. Также в США не существовало политической силы, направленной на поддержку и защиту прав ирландцев. Как следствие, первоначально большая часть ирландской диаспоры была вовлечена в низкоквалифицированный и малооплачиваемый наемный труд, такой, как работа в шахтах [Brown 1966]. Таким образом, можно согласиться с позицией бывшего пресс-секретаря Белого дома и профессора журналистики университета Маркетта Джорджа Риди, исследовавшего причины ирландского вовлечения в политику: «Ирландцы были первой мощной миграцией переселенцев, не относящихся к белым англосаксонским протестантам, которые занялись политикой как средством заработка <...> У них не было образования, чтобы заниматься бизнесом на высоком уровне, и не было капитала, чтобы стать фермерами <...> Единственным законным путем, открытым для них, была политика» [Reedy 1980]. Иными словами, политика выступала как единственный возможный социальный лифт для ирландцев и их детей, т. е. уже американцев ирландского происхождения.

Несмотря на современное представление об ирландской диаспоре как едином обществе, необходимо провести разделительную линию между ирландцами-католиками, сторонниками свободной Ирландии, и ирландцами-протестантами, часто шотландско-ирландского происхождения. Первые представляют подавляющее большинство, в то время как вторые – меньшинство. Тем не менее

о роли шотландских ирландцев, т. е. ирландцев, произошедших от шотландских переселенцев на севере Ирландии, необходимо сказать отдельно.

В книге «Рожденные для борьбы: как шотландские ирландцы сформировали Америку» бывший министр военно-морских сил США Джеймс Уэбб утверждает, что суровый индивидуализм шотландцев-ирландцев, их милитаристская культура чести, неприятие авторитетов и популистские религиозные чувства сформировали систему ценностей, которая влияет на поведение их потомков и по сей день [Webb 2004]. Концепцию шотландцев-ирландцев как крайне консервативных людей также развивали Форрест Макдональд, Эллен Макдональд и Грейди Маквайни. Их труды приписывают шотландским ирландцам «культурный консерватизм» и «социальную инертность» как ключевые черты [McDonald, McDonald, McWhiney 1970].

Ряд исследователей также обратили внимание на эту социальную группу и поддержали тезис о постоянстве шотландских ирландцев в политическом поведении. Профессор международных отношений и гуманитарных наук Бард-колледжа Уолтер Рассел Мид, например, пишет, что истоки так называемой «джексонианской традиции», одной из ключевых традиций в политической философии США, повлиявших на формирование американской внешней политики, лежат в среде эмигрантов из приграничных графств между Англией и Шотландией [Mead 2001]. Для джексонианской традиции характерны следующие черты: значимость безопасности и экономического благополучия американцев, честный труд как основа американского общества, в котором важнейшую роль играет принцип равенства всех его членов [Mead 2001]. Несмотря на то что среди основоположников джексонианской традиции представлены представители различных этнических групп, существенную роль в ней сыграл Джон О'Салливан, ирландец по происхождению, публицист, журналист и общественный деятель. Идеологические основы джексонианства как некоего нового демократического движения были заложены на страницах газеты "Democratic Review", выходившей в Нью-Йорке [Bayor, Meagher 1996]. О'Салливан выступил основателем этого издания в 1837 г. и до начала 1850-х гг. выступал в роли главного редактора газеты. Более того, именно он придумал термин «явное предначертание», используемый для обоснования расширения территории США вовне по всей территории континента³. Эта кон-

³ *O'Sullivan J.* Annexation // *United States Magazine and Democratic Review*. 1845. July–August. P. 5–10. URL: <https://www.historymuseum.net/readings/OSullivanANNEXATION1845.htm> (дата обращения: 29.04.2025).

цепция использовалась для обоснования движения переселенцев на запад, вхождения Техаса в состав США, а также присоединения ряда мексиканских территорий к США. Имея тесные связи с президентом-демократом Мартином Ван Бюреном и выпуская газету достаточно крупным тиражом, О'Салливан внес существенный вклад в одну из основополагающих традиций американской политической философии.

Стоит выделить три направления политической жизни, которые выбирали ирландцы в XIX в.: участие в политических институтах (и здесь важна роль так называемых политических машин), вовлечение в деятельность профсоюзов и поддержка независимости или хотя бы увеличения автономии страны происхождения – Ирландии, являвшейся на тот момент частью Британской империи. В дальнейшем каждое из этих направлений будет рассмотрено через призму фокуса данного исследования, направленного на изучение вклада представителей ирландской диаспоры непосредственно в политическую философию США.

В первую очередь необходимо обратиться к феномену политических машин – организаций, возглавляемых боссом или небольшой группой лидеров, которая набирает достаточно голосов для сохранения политического и административного контроля над городом, округом или штатом [Handlin 1941]. Политические машины не были партиями, и отношение к ним было скорее негативным, так как эти организации были известны своей коррумпированностью [Moynihan 1961]. В то же время политические машины превосходили партии в степени организованности и консолидированности, ведь, как подчеркивает бывший спичрайтер президента Ричарда Никсона Уильям Сафир, они существовали для получения контроля над независимыми избирателями, а для этого требуется армейская дисциплина⁴. Гарольд Госnell также отмечает, что политической машиной противоположная политическая сила назовет любую организацию, успешно аккумулирующую голоса [Gosnell 1937, pp. 21–28].

В руководстве машин, в особенности политических машин, относящихся к Демократической партии, преобладали ирландцы и их потомки. Ирландцы традиционно контролировали Нью-Йорк, Джерси-Сити, Буффало, Сан-Франциско, Бруклин, а в XX в. еще и Олбани, Канзас-Сити, Питтсбург и Чикаго [O'Connor 1995]. Таким образом, ирландская диаспора фактически контролирует политические процессы в крупных городах США. Наиболее известной по-

⁴ *Safire W.* Safire's political dictionary. N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 391–395.

литической машиной являлся Таммани-холл в Нью-Йорке, благодаря этой организации в городе существенно улучшилось положение ирландских мигрантов, но также возрос уровень коррупции [Horner 2024, p. 285]. Однако нельзя говорить о серьезном влиянии политических машин на политическую философию США. Дело в том, что политические машины не привнесли в политику чего-то нового, они, как пишет Дэниэл Мойнихэн, скорее воспроизводили модель поведения ирландцев сельской местности с четко распределенными ролями и гарантированными выгодами от этого [Bridges, Kronick 2016].

С другой стороны, необходимо отметить появление феномена боссизма, возникшего в рамках политических машин, в которых авторитет босса как единоличного лидера был непререкаем. Боссизм представляет собой сложное явление. Авторы статьи «Почему исчезли политические машины?» дали боссизму следующее определение: это «особые и легко идентифицируемые отношения между лидерами и избирателями, по большей части прагматические, но содержащие в себе и некий мифический аспект. Это особая форма децентрализованной организации, а также сложные взаимоотношения между местными экономическими интересами и руководством машины» [Boulay, DiGaetano 1985, pp. 25–49]. В дальнейшем боссизм как один из вариантов взаимоотношений между избирателями и политиками закрепится в политической философии США.

Политические машины видоизменялись в течение всей истории своего существования, будучи особенно влиятельными с 1880-х по 1930-е гг. [Boulay, DiGaetano 1985, pp. 25–49]. Негативную репутацию политических машин, вызванную многочисленными случаями коррупций, можно выделить как одну из ключевых причин исчезновения подобной формы организаций. В уничтожении репутации политических машин главную роль сыграл Уильям Твид, босс Таммани-холла, осужденный за коррупцию⁵. В течение своего руководства политической машиной Твид, по оценкам комитета оддерменов в 1877 г., тем или иным образом украл у города от 25 до 45 млн долларов [Boulay, DiGaetano 1985, pp. 25–49]. Таким образом, благодаря деятельности боссов политических машин, в первую очередь Твида, в политической американской философии прочно закрепилось неприятие организаций, открыто контролируемых выдвижение кандидатов и патронаж. Что, в свою очередь, способствовало развитию более сложных и теневых методов лоббизма.

⁵ Akenson D.H. The Irish diaspora: A primer. Belfast: The Institute of Irish Studies, 1993. 212 p.

В рамках исследования необходимо также обратиться к статье Кристиана Самито «Томас Ф. Мигер, Патрик Р. Гуини и значение Гражданской войны для Ирландской Америки», в которой рассматривается, как два американских лидера, ирландцы по происхождению Томас Ф. Мигер и Патрик Р. Гуини повлияли на трансформацию американского национализма в эпоху Гражданской войны 1861–1865 [Samito 2008, pp. 481–483]. На основании текстов выступлений и статей, публикуемых Мигер и Гуини, можно сделать вывод о том, что эти этнические ирландцы не просто призывали к преданности Союзу (т. е. США), но считали военную службу эффективным способом для ирландских американцев претендовать на более полное включение в американское общество [Samito 2008, pp. 481–483].

Стоит подчеркнуть, в научном сообществе нет консенсуса по вопросу о том, способствовала ли служба американцев ирландского происхождения в вооруженных силах Севера ускорению ассимиляции их этнической группы в американское общество. Тем не менее Мигер и Гуини продвигали службу в армии Союза как путь интеграции ирландцев с сохранением идентичности, укрепив идею инклюзивного общества. Их идея о победе Союза как общества, в котором любая этническая группа (в частности, ирландцы) будет включена в социум, сохраняя свои особенности, является одной из важных составляющих современной политической философии США.

После окончания Гражданской войны интерес к роли ирландцев в американской политике возрос: в 1882 г. была опубликована книга Филиппа Генри Багенола «Американские ирландцы и их влияние на ирландскую политику». В ней автор указывает на важность национализма для ирландцев и американцев-ирландского происхождения⁶. Большое внимание Багенол уделил концепции американо-ирландского республиканизма, который, как он пишет, особенно явно проявил себя и развился в ходе Гражданской войны⁷. Ирландцы, традиционные сторонники республики как формы независимости от Великобритании, с точки зрения Багенола, являлись стержнем и примером американского республиканизма, не утрачивая при этом неких национальных особенностей. В качестве подобной особенности можно выделить отмечаемое множеством авторов негативное отношение к английским протестантам, обусловленное исторической враждой между этими двумя этническими группами.

⁶ *Bagenol P.H.* The American Irish and their influence on Irish politics. L.: Cassell and Company, 1882. P. 20–24.

⁷ *Ibid.* P. 23–27.

В рамках рассмотрения деятельности профсоюзов заслуживает упоминания и тайное общество шахтеров ирландского происхождения «Молли Магвайерс», действующее во второй половине XIX в. Несмотря на то что организация была запрещена, а ее члены преследовались, впоследствии американское общество оправдало действия шахтеров по защите своих прав [Broehl 1964]. Ирландская диаспора также сделала существенный вклад в рабочее движение США, что впоследствии привело к включению в современную американскую повестку обязательного для всех политических сил нарратива о защите прав трудящихся.

В XX в. возрастает роль ирландских лидеров в профсоюзах. Главными лицами ирландской диаспоры, оказавшими влияние на дальнейшее развитие ряда идей, можно назвать Мэри Харрис Джонс и Элизабет Герли Флинн. Первая была профсоюзным организатором и помогла сформировать радикальную лейбористскую организацию «Индустриальные рабочие мира» в 1905 г. [Corporaal et al. 2024]. В движении ИРМ активную роль также играла Элизабет Флинн. Стоит отметить, что ирландки трудились также активно, как и мужчины, испытывая притеснения в правах [Diner 1983]. Как член Американского союза гражданских свобод (ACLU) Флинн особо поддерживала расширение прав трудящихся женщин [Diner 1983]. Обе они организовывали забастовки рабочих в США.

Анализируя деятельность Мэри Джонс и Элизабет Флинн через призму данного исследования, важно отметить, что обе участницы профсоюзов представляют интерес в первую очередь как те, кто организовывал забастовки и выступал с лозунгами, то есть, как практики, но не теоретики. Тем не менее они воспринимали себя как ирландско-американских «повстанцев» и отвергали консервативный путь ассимиляции ирландцев в американском обществе, предполагавший, что мигранты должны адаптироваться к способу жизни «классических» американцев и перенимать их культуру [Corporaal et al. 2024]. Джонс и Флинн заявляли о том, что ассимиляция – это двусторонний процесс, и ирландцы не обязательно должны терять свою этническую идентичность [Corporaal et al. 2024]. Заявления Джонса и Флинн могут быть выделены как один из множества «корней» тезиса об Америке как «плавильном котле культур». С социалистической же точки зрения деятельность Джонс и Флинн способствовала расширению перспектив рабочего движения в США, сблизила позиции движений по защите прав женщин-рабочих и мужчин-рабочих, и стимулировала развитие единого социалистического нарратива в США [Corporaal et al. 2024].

Поддержка автономии, а впоследствии и независимости Ирландии, выходит за рамки данной работы. Несмотря на то что стремление ирландцев к обретению их страной происхождения независимости играло важную роль в сохранении и укреплении ирландской идентичности, она не оказала влияния на американскую политическую философию. Наоборот, идея о свободе как перво-степенной ценности, заложенная еще отцами-основателями США, в свою очередь укрепила убеждение ирландцев, живущих в США, в том, что их страна происхождения должна как можно скорее получить независимость.

Стоит отметить, что в научном сообществе существует точка зрения, отрицающая значительную роль ирландского наследия в политической традиции США. Однако здесь необходимо уточнить, что в качестве незначительной в рамках данного нарратива указывается роль ирландцев-протестантов, исторически составлявших меньшинство в диаспоре. Например, Патрик Р. Айрланд в своей статье «Миграция ирландских протестантов и политика в США, Канаде и Австралии: наследие, о котором спорят» пишет о том, что ни в Канаде, ни в Новой Зеландии, ни в США не наблюдается какого-либо явного влияния ирландцев на политическую жизнь в стране после XIX в. [Ireland 2012].

Важно отметить, что у 17 президентов США можно проследить ирландских предков. Более того, для американской политики обращение к ирландским корням стало традиционным тактическим ходом, применяемым кандидатами в президенты [Shannon 1963]. Это обусловлено тем, что существенная доля населения (по разным оценкам, от 30 до 40 млн американцев обозначают себя как носителей идентичности американо-ирландцев и некоторых вариаций) США может быть мотивирована голосовать за определенного кандидата, в том числе за счет его принадлежности к значительной этнической группе [Hout, Goldstein 1994, pp. 65–66]. Важной составляющей массы избирателей ирландская диаспора и связанные с ней лица стали уже к концу XIX в., после Гражданской войны в США [Hout, Goldstein 1994, p. 65]. «Ирландский голос» (“Irish vote”) выступает как один из множества факторов в ходе президентских выборов.

Таким образом, не все президенты, формально относящиеся к американским ирландцам, активно поддерживали и подтверждали эту идентичность. Ряд первых лиц государства ограничивались обращением к диаспоре в ходе выборов и никак не включали себя в это сообщество. Президент Вудро Вильсон, например, отстранился от вопроса независимости Ирландии, считая его внутренним делом Британской империи и не желая для Демократической партии по-

тери голосов американцев британского происхождения [Hopkinson 1970]. В рамках заявленного исследования внимание будет уделено тем президентам, которые активно подтверждали свою принадлежность к ирландской диаспоре в той или иной мере.

В XX в. наибольший вклад в американскую политику из числа носителей ирландской идентичности сделал 35-й президент США Джон Фицджеральд Кеннеди. Именно он внес изменения во внешнеполитическую повестку США, отказавшись от проведения внешней политики исключительно в интересах одной страны. В дальнейшем в политической философии США закрепится идея о роли США как актора международных отношений, открытого к сотрудничеству и решению глобальных проблем [Parment 1983, pp. 33–34]. Можно говорить о том, что президентство Кеннеди стало пиком влияния ирландцев на американскую политику, и хотя в дальнейшем это влияние сохранилось, но все же в меньшей степени. Тем не менее Кеннеди также внес существенное изменение в политическую традицию США, будучи президентом не-протестантом неанглосаксонского происхождения. Как следствие его успеха традиционные ограничения, накладываемые электоратом на кандидатов в президенты, были сняты, что в дальнейшем было подтверждено победами на выборах чернокожего кандидата – Барака Обамы в 2008 и 2012 гг., и выходца из ирландской семьи – Джо Байдена в 2020 г.

Также при рассмотрении деятельности Кеннеди представляется необходимым остановиться на работе Майкла Харрингтона «Другая Америка», описывающей бедность в США. Существует мнение, что она подтолкнула администрации сначала Кеннеди, а затем Линдона Джонсона к борьбе с бедностью на федеральном уровне. Несмотря на то что Харрингтон – социалист, и его ключевым политическим активом являлась созданная им Демократическая социалистическая партия Америки, в рамках текущего исследования роль этого американца ирландского происхождения в социальной политике США представляет наибольшую ценность [Lander 1971, pp. 902–905]. Харрингтон может также быть назван человеком, способствовавшим внесению корректив в общепринятый внутривнутриполитический нарратив США по вопросам социально-го обеспечения.

Рассматривая влияние представителей ирландской диаспоры на политическую философию США в XX в., невозможно не обратить внимание на роль Уильяма Фрэнка Бакли, чьи родители оба имели ирландские корни. В период поздних 50-х и всех 60-х годов Бакли был идейным лидером консервативной идеологии в США. Джон Джудис писал в своей книге «Уильям Ф. Бакли-младший:

Святой покровитель консерваторов»: «Бакли и был американским консерватизмом. <...> Он создал стиль политики, которая в дальнейшем станет известна как консерватизм» [Judis 1988]. Именно под руководством Бакли «рупором» консерватизма выступило издание *National Review*. В рамках своих публикаций Бакли задал контуры современного американского консерватизма, в котором он объединил ранее отделенные друг от друга идеологические направления: свободный рыночный капитализм, либертарианство, традиционализм и антикоммунизм [Felzenberg 2017].

Более того, Бакли оказал существенное влияние на политический курс, проводимый президентом США Рональдом Рейганом. Подъем популярности консервативных идей, вызванный деятельностью Бакли, во многом оформил и предвыборные тезисы Рейгана, с которым Бакли находился в дружеских отношениях. Как следствие, он оказывал существенное влияние на политическую среду не только на теоретическом, но и на практическом уровне [Nash 1996].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Уильям Бакли внес существенный вклад в американскую политику, фактически создав консерватизм в современном виде. Патрик Джозеф Бьюкенен, один из лидеров так называемой палеоконсервативной фракции Республиканской партии, характеризовал Бакли как «духовного отца движения» [Judis 1988].

Рейган, имея ирландские корни по отцу, также заслуживает упоминания в рамках данной работы. Благодаря его политической деятельности республиканцы стали ассоциироваться с экономическими свободами и антикоммунизмом, более того, он придал новый импульс концепции государства всеобщего благоденствия, используя идеи Александра Гамильтона и Томаса Джефферсона [Валюженич 2004]. Подъем более консервативной республиканской партии в американской политике – результат активной работы президента Рейгана.

Изменение во внешнеполитическом курсе США по отношению к Ирландии были вызваны политикой президента США Билла Клинтона. Представитель ирландской идентичности Клинтон не ограничился призывами к миру в Северной Ирландии, а принял активное участие в мирном урегулировании [O'Donnell 2017]. США, используя свою мягкую силу, сумели доказать, «абсолютное преимущество» мира для всех партий региона, а также правительств Великобритании и Ирландии, причем здесь стоит отметить сознательно принятый президентом риск ухудшения отношений с ключевым союзником – Великобританией [Dumbrell 2010, pp. 272–274]. Вопрос мира в Северной Ирландии больше не мог называться

исключительно британским делом, что в первую очередь следует отнести к заслугам Клинтона [Cox 1999, pp. 66–67].

В заключение можно сделать вывод о том, что ирландцы, а также американо-ирландцы безусловно оказали значительное влияние на политику США. Более того, ирландское лобби и ирландская диаспора продолжают играть существенную роль в политических процессах за океаном. Тем не менее в ходе исследования было выявлено, что исторически носители ирландской идентичности концентрировались в первую очередь на практической стороне внешней политики. В результате активной деятельности ряда государственных и общественных деятелей ирландцы оставили существенный вклад в политической философии и культуре США, причем в первую очередь это было связано именно с практической политикой, а не с продвижением тех или иных нарративов в научном или публицистическом поле.

В качестве примеров подобных личностей-практиков можно указать таких представителей диаспоры, как босс Таммани-холл Уильям Твид, один из лидеров организации «Молли Магвайерс» Джон Кехо, профсоюзных активистов Мэри Харрис Джонс и Элизабет Герли Флинн, президентов США Джона Фицджеральда Кеннеди, Рональда Рейгана и Уильяма Клинтона. Как следствие, представляется возможным говорить об американских ирландцах как о политических деятелях, ориентированных на максимальное участие в реформировании государственной машины.

Кроме того, автор статьи определил круг выдающихся представителей ирландской диаспоры, внесших весомую лепту в политическую философию страны путем продвижения определенных дискурсов, закрепившихся в американской политической культуре. Среди них упоминавшиеся главный редактор издания “Democratic Review” Джон О’Салливан, лидеры ирландской диаспоры в период Гражданской войны Томас Ф. Мигер и Патрик Р. Гуини, ученый Филипп Генри Багенол, писатель и политик Майкл Харрингтон, политик и редактор издания “National Review” Уильям Фрэнк Бакли.

Таким образом, можно заключить, что представители ирландской диаспоры исторически не стремились оказывать целенаправленное влияние на политическую философию США. Однако из-за их активной политической и общественной деятельности стало возможным возникновение новых дискурсов и нарративов, во многом определивших политику США как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях.

Литература

- Валюженич 2004 – *Валюженич А.В., Буш Э.* Роналд Рейган и политика свободы // Социальные и гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 24–30.
- Bayor, Meagher 1996 – *Bayor R.H., Meagher T.J.* The New York Irish: A comprehensive study of Irish immigration. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 666 p.
- Bridges, Kronick 2016 – *Bridges A., Kronick D.* Why political machines disappeared // Perspectives on Politics. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 495–507.
- Boulay, DiGaetano 1985 – *Boulay H., DiGaetano A.* Why did political machines disappear? // Journal of Urban History. 1985. Vol. 12. No. 1. P. 25–49.
- Brown 1966 – *Broven T.N.* Irish-American nationalism, 1870–1890. Philadelphia: Lip-pincott, 1966. 206 p.
- Broehl 1964 – *Broehl W.G.* The Molly Maguires. Cambridge: Harvard University Press, 1964. 409 p.
- Corporaal et al. 2024 – *Corporaal M., King J., O'Neill P.D.* The famine diaspora and Irish American women's writing. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 247 p.
- Cox 1999 – *Cox P.* Blazing heritage: A history of the Good Friday agreement. Belfast: Blackstaff Press, 1999. 256 p.
- Dumbrell 2010 – *Dumbrell J.* Clinton's foreign policy: Between the Bushes, 1992–2000. L.: Routledge, 2010. 300 p.
- Diner 1983 – *Diner H.R.* Erin's daughters in America: Irish immigrant women in the 19th century. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983. 256 p.
- Dolan, Nelligan 1996 – *Dolan J.P., Nelligan E.* The New York Irish and the crisis of the Great Famine // The New York Irish: Community and ethnicity / ed. by R.H. Bay-or, T.J. Meagher. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 153–180.
- Felzenberg 2017 – *Felzenberg A.L.* The leaders we deserved (and a few we didn't). N.Y.: Basic Books, 2017. 512 p.
- Gosnell 1937 – *Gosnell H.F.* Machine politics: Chicago model. Chicago: University of Chicago Press, 1937. 344 p.
- Hout, Goldstein 1994 – *Hout M., Goldstein J.R.* How 4.5 million Irish immigrants came to be 41 million Irish Americans: Demographic and subjective aspects of ethnic identity // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. No. 1. P. 64–82.
- Horner 2024 – *Horner E.* George Washington Plunkitt, patronage, and Irish Catholic identity in Tammany Hall // Rhetorica. 2024. Vol. 42. No. 3. P. 350–370
- Handlin 1941 – *Handlin O.* Boston's immigrants, 1790–1880: A study in acculturation. Cambridge: Harvard University Press, 1941. 427 p.
- Hopkinson 1970 – *Hopkinson M.* President Woodrow Wilson and the Irish question. Liverpool: Liverpool University Press, 1970. 192 p.
- Ireland 2012 – *Ireland P.R.* Migration of Irish protestants and politics in the USA, Canada, and Australia: A contested legacy // Politica. 2012. Vol. 44. No. 3. P. 280–305.
- Judis 1988 – *Judis J.B.* William F. Buckley, Jr.: Patron Saint of the Conservatives. N.Y.: Simon and Schuster, 1988. 528 p.

- Lander 1971 – *Lander B.G.* The origin of poverty as a political issue in 1964 // *Journal of Politics*. 1971. Vol. 33. No. 4. P. 897–929.
- McDonald, McDonald, McWhiney 1970 – *McDonald F., McDonald E.S., McWhiney G.* The cultural conservatism and social inertia of the Scots-Irish // *Journal of American History*. 1970. Vol. 57. No. 2. P. 345–367.
- Mead 2001 – *Mead W.R.* Special providence: American foreign policy and how it changed the world. N.Y.: Knopf, 2001. 464 p.
- Meagher 2005 – *Meagher T.J.* The Columbia guide to Irish American history. N.Y.: Columbia University Press, 2005. 384 p.
- Moynihan 1961 – *Moynihan D.P.* Bosses and machines: The Irish in politics // *Harper's Magazine*. 1961. Vol. 223. Iss. 1338. P. 41–53.
- Nash 1996 – *Nash G.H.* The conservative intellectual movement in America since 1945. Wilmington, DE: Intercollegiate Studies Institute, 1996. 406 p.
- O'Connor 1995 – *O'Connor T.H.* The Boston Irish: A political history. Boston: Northeastern University Press, 1995. 372 p.
- O'Donnell 2017 – *O'Donnell L.* Irish America and the Ulster question, 1919–1921. Dublin: Four Courts Press, 2017. 288 p.
- Parmet 1983 – *Parmet H.S.* JFK: The presidency of John F. Kennedy. N.Y.: Dial Press, 1983. 407 p.
- Reedy 1980 – *Reedy G.E.* From the Ward to the White House: The Irish in American politics. N.Y.: Scribner, 1980. 300 p.
- Samito 2008 – *Samito Ch.G.* Thomas F. Meagher, Patrick R. Guiney and the meaning of the Civil War for Irish America // *The New England Quarterly*. 2008. Vol. 81. No. 3. P. 467–500.
- Shannon 1963 – *Shannon W.V.* The American Irish: A political and social portrait. N.Y.: Macmillan, 1963. 413 p.
- Webb 2004 – *Webb J.* Born fighting: How the Scots-Irish shaped America. N.Y.: Broadway Books, 2004. 368 p.

References

- Bayor, R.H. and Meagher, T.J. (1996), *The New York Irish: A comprehensive study of Irish immigration*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, USA.
- Bridges, A. and Kronick, D. (2016), “Why political machines disappeared”, *Perspectives on Politics*, vol. 14, no. 2, pp. 495–507.
- Brown, T.N. (1966), *Irish-American nationalism, 1870–1890*, Lippincott, Philadelphia, PA, USA.
- Boulay, H. and DiGaetano, A. (1985), “Why did political machines disappear?”, *Journal of Urban History*, vol. 12, no. 1, pp. 25–49.
- Broehl, W.G. (1964), *The Molly Maguires*, Harvard University Press, Cambridge, MA, USA.
- Corporaal, M., King, J. and O'Neill, P.D. (2024), *The famine diaspora and Irish American women's writing*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

- Cox, P. (1999), *Blazing heritage: A history of the Good Friday agreement*, Blackstaff Press, Belfast, UK.
- Dumbrell, J. (2010), *Clinton's foreign policy: Between the Bushes, 1992–2000*, Routledge, London, UK.
- Diner, H.R. (1983), *Erin's daughters in America: Irish immigrant women in the 19th century*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, USA.
- Dolan, J.P. and Nelligan, E. (1996), "The New York Irish and the crisis of the Great Famine", in Bayor, R.H. and Meagher, T.J., eds., *The New York Irish: Community and ethnicity*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD, USA, pp. 153–180.
- Felzenberg, A.L. (2017), *The leaders we deserved (and a few we didn't)*, Basic Books, New York, NY, USA.
- Gosnell, H.F. (1937), *Machine politics: Chicago model*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.
- Hout M. and Goldstein, J.R. (1994), "How 4.5 million Irish immigrants came to be 41 million Irish Americans: Demographic and subjective aspects of ethnic identity", *American Sociological Review*, vol. 59, no. 1, pp. 64–82.
- Horner, E. (2024), "George Washington Plunkitt, patronage, and Irish Catholic identity in Tammany Hall", *Rhetorica*, vol. 42, no. 3, pp. 350–370.
- Handlin, O. (1941), *Boston's immigrants, 1790–1880: A study in acculturation*, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Hopkinson, M. (1970), *President Woodrow Wilson and the Irish question*, Liverpool University Press, Liverpool, UK.
- Ireland, P.R. (2012), "Migration of Irish protestants and politics in the USA, Canada, and Australia: A contested legacy", *Politica*, vol. 44, no. 3, pp. 280–305.
- Judis, J.B. (1988), *William F. Buckley, Jr.: Patron Saint of the Conservatives*, Simon and Schuster, New York, NY, USA.
- Lander, B.G. (1971), "The origin of poverty as a political issue in 1964", *Journal of Politics*, vol. 33, no. 4, pp. 897–929.
- McDonald, F., McDonald, E.S. and McWhiney, G. (1970), "The cultural conservatism and social inertia of the Scots-Irish", *Journal of American History*, vol. 57, no. 2, pp. 345–367.
- Mead, W.R. (2001), *Special providence: American foreign policy and how it changed the world*, Knopf, New York, NY, USA.
- Meagher, T.J. (2005), *The Columbia guide to Irish American history*, Columbia University Press, New York, NY, USA.
- Moynihan, D.P. (1961), "Bosses and machines: The Irish in politics", *Harper's Magazine*, vol. 223, no. 1338, pp. 41–53.
- Nash G.H. (1996), *The conservative intellectual movement in America since 1945*, Intercollegiate Studies Institute, Wilmington, DE, USA.
- O'Connor, T.H. (1995), *The Boston Irish: A political history*, Northeastern University Press, Boston, MA, USA.
- O'Donnell, L. (2017), *Irish America and the Ulster question, 1919–1921*, Four Courts Press, Dublin, Ireland.

- Parmet, H.S. (1983), *JFK: The presidency of John F. Kennedy*, Dial Press, New York, NY, USA.
- Reedy, G.E. (1980), *From the Ward to the White House: The Irish in American politics*, Scribner, New York, NY, USA.
- Samito, Ch.G. (2008), "Thomas F. Meagher, Patrick R. Guiney and the meaning of the Civil War for Irish America", *The New England Quarterly*, vol. 81, no. 3, pp. 467–500.
- Shannon, W.V. (1963), *The American Irish: A political and social portrait*, Macmillan, New York, NY, USA.
- Valyuzhenich, A.V. and Bush, E. (2004), "Ronald Reagan and the politics of freedom]", *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 24–30.
- Webb, J. (2004), *Born fighting: How the Scots-Irish shaped America*, Broadway Books, New York, NY, USA.

Информация об авторе

Артеми́й Д. Джафаров, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; a.bautrel@yandex.ru

Information about the author

Artemiy D. Dzhafarov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; a.bautrel@yandex.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 338.48(53)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

Туристский потенциал стран Ближнего Востока и его влияние на развитие экономики стран региона

Елена М. Крюкова

*Российский государственный социальный университет,
Москва, России, lena-krukova@yandex.ru*

Виктор М. Заернюк

*Российский государственный геологоразведочный университет
имени Серго Орджоникидзе, Москва, Россия, zvt4651@mail.ru*

Аннотация. Страны Ближнего Востока находятся на этапе глубокой структурной трансформации, направленной на снижение зависимости национальных экономик от нефтегазового сектора. В этих условиях туризм приобретает статус стратегического направления диверсификации. Настоящее исследование оценивает туристский потенциал региона через призму его природных, культурно-исторических, религиозных и инфраструктурных компонентов, акцентируя внимание на таких государствах, как ОАЭ, Саудовская Аравия, Иордания, Израиль, Оман и Катар. Анализ основан на данных ООН Туризм (UN Tourism=UNWTO)¹, Всемирного банка и WTTC, дополненных официальными документами национальных стратегий, включая Саудовскую “Vision 2030”. Методологический инструментарий включает системный и сравнительный подходы, статистическую интерпретацию макроэкономических показателей и тематическое прочтение программных текстов. Установлено, что в странах Персидского залива туризм уже вносит весомый вклад в ВВП, формирует значительный сегмент занятости и выступает катализатором прямых иностранных инвестиций. Вместе с тем реализация потенциала сдерживается рядом факторов: геополитической нестабильностью,

© Крюкова Е.М., Заернюк В.М., 2026

¹ В январе 2024 г. Всемирная туристская организация (UNWTO; на русском языке – сокращенно ЮНВТО) была переименована в UN Tourism («ООН-туризм»). В статье используется прежнее название – UNWTO/ЮНВТО – для согласования с историческими источниками.

климатическими ограничениями, социально-культурными барьерами и экологическими издержками масштабной застройки. В заключении формулируются рекомендации по выстраиванию устойчивой модели развития, сочетающей экономические амбиции с сохранением культурной самобытности и природного капитала региона.

Ключевые слова: туризм, Ближний Восток, экономическое развитие, туристский потенциал, диверсификация экономики, религиозный туризм, культурное наследие, инфраструктура, устойчивое развитие

Для цитирования: Крюкова Е.М., Заернюк В.М. Туристский потенциал стран Ближнего Востока и его влияние на развитие экономики стран региона // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 89–109. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

The tourism potential of the countries of the Middle East and its impact on the economic development of the countries of the region

Elena M. Kryukova

*Russian State Social University, Moscow, Russia,
lena-krukova@yandex.ru*

Victor M. Zaernyuk

*Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting,
Moscow, Russia, zvm4651@mail.ru*

Abstract. The countries of the Middle East are at a stage of deep structural transformation aimed at reducing the dependence of the national economies on the oil and gas sector. In these conditions, tourism acquires the status of a strategic area of diversification. This study evaluates the tourism potential of the region through the prism of its natural, cultural, historical, religious and infrastructural components, focusing on the countries such as the United Arab Emirates, Saudi Arabia, Jordan, Israel, Oman and Qatar. The analysis is based on the data from the UNWTO, the World Bank and the WTTC, supplemented by the official documents of the national strategies, including Saudi Vision-2030. The methodological tools incorporate the systematic and comparative approaches, statistical interpretation of the macroeconomic indicators, and the thematic reading of program texts. It has been established that tourism in the Persian Gulf countries is already a significant contributor to their GDP, forms a significant segment of employment and acts as a catalyst for foreign direct investment. At the same

time, the full realization of the potential is hindered by a number of factors: geopolitical instability, climatic constraints, socio-cultural barriers and the environmental costs of a large-scale development. In conclusion, recommendations are formulated on building a sustainable development model that combines economic ambitions with the preservation of the cultural identity and the natural capital of the region.

Keywords: tourism, Middle East, economic development, tourism potential, economic diversification, religious tourism, cultural heritage, infrastructure, sustainable development

For citation: Kryukova, E.M. and Zaernyuk, V.M. (2026), “The tourism potential of the countries of the Middle East and its impact on the economic development of the countries of the region”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 89–109, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-89-109

Введение

Ближний Восток – регион с глубоким историко-цивилизационным наследием, на протяжении веков служивший колыбелью трех авраамических религий, узлом древних торговых маршрутов и ареной формирования могущественных империй. Однако в XX–XXI вв. его внешний образ в значительной мере определялся не столько культурным достоянием, сколько нефтегазовым богатством и геополитической нестабильностью. В последние годы эта картина постепенно трансформируется: все больше стран региона заявляют о себе как о перспективных туристических направлениях, стремясь переосмыслить свой международный имидж и диверсифицировать экономику.

Туризм все чаще рассматривается не просто как сектор услуг, а как системный инструмент постиндустриального развития. Это особенно заметно в стратегических инициативах ведущих государств: саудовской “Vision 2030”, катарской “Qatar National Vision 2030” и “Oman Vision 2040”, где туристическая отрасль закреплена в качестве одного из опорных элементов нефтяного роста. Действительно, туризм способен генерировать значительные валютные поступления, стимулировать развитие транспорта, строительства, *NoReCa* и цифровых сервисов, а также создавать десятки тысяч рабочих мест. В то же время его развитие сдерживается совокупностью факторов – от экстремального климата и уязвимости к геополитическим рискам до культурных специфик, визовых барьеров и недостаточной координации на региональном уровне.

В этих условиях назревает необходимость целостной оценки туристского потенциала Ближнего Востока и его экономической отдачи. Настоящая статья направлена на анализ природных, культурно-исторических и инфраструктурных ресурсов региона, количественную оценку вклада туризма в ключевые макроэкономические показатели и выявление условий, способствующих или препятствующих устойчивому развитию отрасли в условиях современных вызовов.

Теоретическая часть

Современные теоретические подходы к изучению туристского потенциала все чаще выходят за рамки традиционного восприятия туризма как сектора услуг, акцентируя внимание на его трансформационной роли в экономике стран, стремящихся преодолеть сырьевую зависимость. Ближний Восток, долгое время репрезентируемый в глобальном дискурсе через призму нефтяной экономики и геополитических конфликтов, сегодня становится лабораторией постиндустриальной перестройки, где туризм выступает как инструмент не только экономической, но и имиджевой модернизации. Несмотря на рост научного интереса, отсутствует единственный теоретико-методологический каркас, интегрирующий культурные, инфраструктурные, цифровые и макроэкономические аспекты туристического развития региона в целостную аналитическую модель.

Особое место в дискуссии занимает концепция религиозного туризма, которая, по мнению ряда исследователей, требует концептуального обновления. Термин «религиозный туризм» утрачивает аналитическую точность и должен быть расширен до понятия «духовный туризм», отражающего сдвиг от формального паломничества к поиску личного смысла, саморефлексии и культурного диалога [Афанасьев, Афанасьева 2019; Kim 2019]. Для Ближнего Востока – пространства сакральности ислама, христианства и иудаизма – эта эволюция особенно значима: миллионы паломников, ежегодно посещающих Мекку, Медину, Иерусалим и Назарет, формируют не только религиозный, но и мощный экономический поток, охватывающий логистику, гостеприимство, ритуальные услуги и сувенирную продукцию. Однако реализация этого потенциала ограничена не только физическими, но и символическими барьерами. Разрушение культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов, политические манипуляции с исторической памятью и маргинализация религиозных меньшинств подрывают доверие к

региону как к устойчивому туристическому пространству и затрудняют долгосрочное планирование [Timothy 2020].

Экономический вектор исследований фокусируется на роли туризма как источника диверсификации. Экспорт туристических услуг составляет свыше 10% ВВП в Иордании и Ливане, а в ОАЭ и Саудовской Аравии становится ключевым компонентом нефтяного экспорта [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. При этом наблюдается выраженная концентрация: на три страны – ОАЭ, Саудовскую Аравию и Египет – приходится около 65% всего туристического экспорта региона², что указывает на глубокую асимметрию в развитии и подчеркивает необходимость изучения не только лидеров, но и стратегий догоняющего роста. Эта диспропорция порождает теоретический вызов: как обеспечить инклюзивное развитие туризма в условиях ограниченных ресурсов и геополитической фрагментации?

Цифровая трансформация открывает новые горизонты для решения этих задач. Арабские государства активно внедряют цифровые платформы, искусственный интеллект и блокчейн-технологии для персонализации туристического опыта, автоматизации визовых процедур и повышения безопасности [Барини 2023]. Эти инициативы находят отражение в стратегических документах и получают эмпирическое подтверждение. Даже страны-«новички» в туристической индустрии, такие как Саудовская Аравия, способны быстро достичь конкурентоспособности благодаря синергии государственной политики, инвестиций и технологий [Mahate, Parahoo 2022]. Цифровизация, таким образом, выступает не просто техническим усовершенствованием, а фактором снижения барьеров входа на мировой туристический рынок.

Параллельно развивается дискуссия об устойчивом туризме. В регионах с хрупкой экологической и культурной средой, таких как Ближний Восток, принципы устойчивости должны лежать в основе любой туристической стратегии [Hall 2015]. Однако между декларациями и практикой сохраняется разрыв: гигантские инфраструктурные проекты, такие как НЕОМ или искусственные острова в Дубае, несмотря на использование «зеленых» технологий, неизбежно влекут за собой глубокое вмешательство в природные ландшафты. В этом контексте особую ценность приобретают локальные инициативы. Сельский туризм рассматривается как потенциальный вектор восстановления сельских территорий и укрепления межкультурных связей, в том числе с Россией [Оришев, Мамедов,

² По данным [Воронина, Яценко, Хедер 2023], на туристический экспорт ОАЭ приходится 36,1%, Саудовскую Аравию – 15,5%, Египет – 13,2%.

Кортунов 2023]. Однако его масштабирование возможно только при условии вовлечения местных сообществ и создания устойчивых кооперативных моделей.

Несмотря на обширную научную базу, существующие исследования характеризуются фрагментарностью. Большинство работ сосредоточены либо на отдельных странах (преимущественно на ОАЭ и Саудовской Аравии), либо на узких сегментах – религиозном, цифровом или сельском туризме. Отсутствует системный подход, охватывающий регион в целом и учитывающий взаимосвязь между культурным наследием, инновационной инфраструктурой, макроэкономическими результатами и принципами устойчивого развития. Особенно слабо изучены вопросы межстрановой координации, трансграничных туристических маршрутов и баланса между модернизацией и сохранением культурной идентичности. Именно этот теоретический пробел и стремится восполнить настоящее исследование, предлагая комплексную оценку туристского потенциала стран Ближнего Востока как основы формирования постнефтяных экономик.

Методология и материалы

Исследование туристского потенциала стран Ближнего Востока и его экономических последствий потребовало применения многоуровневой методологической стратегии, сочетающей качественные и количественные подходы. Основу аналитического инструментария составили системный и сравнительный методы, которые позволили не только описать отдельные компоненты туристической системы, но и выявить их взаимосвязи, а также проследить дифференциацию в стратегиях развития на национальном уровне. Системный подход был задействован для реконструкции структуры туристского потенциала как целостного явления, включающего природные ландшафты, культурно-историческое наследие, инфраструктурную оснащенность и институциональную среду, а также для оценки их совокупного вклада в процессы экономической трансформации.

Сравнительный анализ охватил группу стран – Объединенные Арабские Эмираты, Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль, Катар, Оман и Ливан, – отобранных по признаку гетерогенности: различий в уровне доходов, геополитическом статусе, ресурсной базе и степени открытости туристическому рынку. Такой выбор обеспечил репрезентативность выводов и позволил выделить как общие тенденции, характерные для всего региона, так и национально-

специфические модели развития. Особое внимание уделено государствам Персидского залива, где туризм интегрирован в стратегии постнефтяной модернизации и сопровождается беспрецедентными по масштабу инвестициями.

Количественная составляющая исследования опиралась на статистический анализ данных, полученных из авторитетных международных и национальных источников. В качестве основных баз использовались публикации Всемирной туристской организации³, содержащие динамику международных прибытий, объемы доходов от туризма, а также показатели вклада отрасли в ВВП и занятость. Дополнительно привлекалась официальная статистика министерств туризма и национальных статистических управлений стран региона за период 2019–2024 гг.⁴ Эти данные легли в основу расчета ключевых макроэкономических индикаторов и позволили провести объективную оценку экономического эффекта от развития туризма.

Для интерпретации стратегических установок государственной политики был проведен тематический анализ программных документов, включая “Vision 2030” Саудовской Аравии, “Qatar National Vision 2030” и “Oman Vision 2040”, а также отраслевые туристические стратегии и инвестиционные меморандумы. Этот метод позволил выявить цели, приоритеты и инструменты государственного регулирования, а также проследить эволюцию подходов – от религиозно-ограниченного туризма к многосегментной, ориентированной на глобальный рынок модели.

Теоретическая база исследования была укреплена за счет анализа научных публикаций, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science, а также в российской научной базе РИНЦ. Это обеспечило методологическую рефлексивность и позволило соотнести эмпирические данные с существующими теоретическими рамками – от ресурсно-ориентированного подхода (RBV) до концепций устойчивого и духовного туризма.

³ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

⁴ Saudi Arabia Foreign Direct Investment Report. 2024. URL: <https://misa.gov.sa/app/uploads/2024/03/saudi-arabia-foreign-direct-investment-report-january-2024.pdf> (дата обращения: 09.12.2025); Ministry of Interior, STR and Qatar Tourism. 2023. URL: <https://www.qatartourism.com/content/dam/qatar-tourism/qatar-tourism-reports/qatar-tourism-q1-performance-report-2023.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

Комбинация этих методов – системного и сравнительного анализа, статистической обработки, тематического прочтения стратегических документов и опоры на академическую литературу – позволила сформировать многомерную картину туристического развития Ближнего Востока, избегая как упрощенного экономического редукционизма, так и избыточной культурологической детерминации. Такой подход обеспечил достоверность полученных результатов и их применимость для выработки практических рекомендаций по устойчивому развитию туристской отрасли в условиях глобальной нестабильности и региональной трансформации.

Природный и культурно-исторический потенциал

Туристская привлекательность Ближнего Востока базируется на уникальном сочетании природных контрастов и многотысячелетнего культурного наследия, формирующего многослойный и дифференцированный туристский продукт. Ландшафтная палитра региона охватывает от пустынных равнин до горных массивов и морских побережий, что создает предпосылки для развития разнообразных форм туризма – от экстремального и экологического до курортного и познавательного. Крупнейшая в мире непрерывная песчаная пустыня Руб-эль-Хали, раскинувшаяся на территориях Саудовской Аравии, Омана, Йемена и ОАЭ, представляет собой не только географический феномен, но и объект притяжения для исследователей и любителей пустынного авантюризма [Оришев, Мамедов, Кортунов 2023]. В то же время побережья Красного моря, омывающие Саудовскую Аравию, Иорданию, Израиль и Египет, славятся кристально чистой водой и богатейшими коралловыми рифами, превращая регион в один из мировых центров дайвинга; курорты Акаба и Эйлат давно утвердились в международной туристической карте как премиальные морские направления [Королева 2022]. Горный туризм получает развитие в Омане и ОАЭ, где хребет Аль-Хаджар с его ущельями, террасированными селениями и древними ирригационными системами афладж – объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО – предлагает уникальный синтез природной красоты и культурной аутентичности. Несмотря на экстремальную летнюю жару, ландшафтно-климатические особенности региона позволяют активно развивать зимний и межсезонный туризм, что нашло отражение в национальных стратегиях ОАЭ и Саудовской Аравии [Оришев, Мамедов, Кортунов 2023].

Культурно-исторический потенциал региона обусловлен его ролью как колыбели древних цивилизаций и родины трех авраами-

ческих религий. Сакральное значение Ближнего Востока для миллиардов верующих делает его глобальным центром религиозного туризма. Саудовская Аравия как хранительница исламских святынь Мекки и Медины ежегодно принимает миллионы паломников: по данным национального Министрства туризма, в 2024 г. общее число прибывших превысило 18,5 млн человек⁵, что подчеркивает не только духовную, но и значительную экономическую нагрузку хаджа и умры [Monshi, Scott 2015]. Иерусалим, находящийся на пересечении иудаизма, христианства и ислама, сохраняет статус одной из самых посещаемых духовных точек мира, несмотря на политическую напряженность; паломнические маршруты также включают Вифлеем, Назарет и берега реки Иордан, привлекающие христианские группы из разных стран [Афанасьев, Афанасьева 2019]. Археологическое наследие региона исключительно богато: Петра в Иордании, высеченная в розовом песчанике и включенная в список Нового семи чудес света, ежегодно генерирует существенные валютные поступления для национальной экономики [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. Потенциал Сирии, Ирака и Ливана – с такими объектами, как Пальмира, Библ или шумерские города Месопотамии – остается в значительной степени нереализованным из-за последствий вооруженных конфликтов и нестабильности [Bitusikova 2021].

В то же время страны Персидского залива компенсируют недостаток древнего наследия созданием нового культурного капитала: музейный квартал на острове Саадият в Абу-Даби (включая филиал Лувра), Музей будущего в Дубае и археологический парк Аль-Ула в Саудовской Аравии становятся якорными точками современного культурного туризма [Русакович 2017]. Таким образом, регион предлагает гибридное туристское предложение, сочетающее подлинные реликвии прошлого с инновационными культурными проектами, что позволяет охватить широкий спектр аудиторий – от традиционных паломников и археологов до поклонников современного искусства и технологий [Русакович 2017; Афанасьев, Афанасьева 2019; Timothy 2020].

Инфраструктурное развитие

Трансформация туристической инфраструктуры в странах Ближнего Востока за последние два десятилетия стала одним из

⁵ В Саудовской Аравии рассказали о числе паломников в 2024 г. // Информационное агентство «Красная весна». 25.04.2025. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6f955b99> (дата обращения: 09.12.2025).

самых заметных проявлений региональной стратегии экономической диверсификации, направленной на снижение зависимости от нефтяных доходов. Особенно стремительные изменения наблюдаются в государствах Персидского залива, где формирование современной инфраструктуры рассматривается не как вспомогательная мера, а как системный элемент государственной политики. Объединенные Арабские Эмираты, задавшие вектор развития еще в 2000-х гг., к середине 2010-х сформировали одну из наиболее развитых туристических инфраструктур в мире. Аэропорты Дубая и Абу-Даби, входящие в число крупнейших транзитных хабов глобальной авиации, обеспечивают прямые рейсы более чем в 200 городов, обеспечивая беспрецедентную транспортную доступность региона для туристов со всех континентов [Королева 2022]. Гостиничный сектор охватывает полный спектр – от ультралюксовых объектов вроде Burj Al Arab и Atlantis The Palm до сетей эконом- и среднего сегмента, а также динамично растущего рынка краткосрочной аренды, что позволяет гибко реагировать на запросы разнообразной аудитории [Русакович 2017]. Дубай, в свою очередь, превратился в глобальный центр MICE-туризма благодаря концентрации уникальных объектов: тематических парков (Ferrari World, IMG Worlds of Adventure), крупнейших торговых комплексов (Dubai Mall) и инновационных пространств, таких как Музей будущего и выставочный центр Dubai Exhibition City, созданный к Expo 2020.

Саудовская Аравия, до недавнего времени остававшаяся закрытой для массового международного туризма, с 2019 г. приступила к реализации амбициозной инфраструктурной программы в рамках стратегии “Vision 2030”. Ее центральными элементами стали мегапроекты, выходящие за рамки традиционного понимания туристической застройки: NEOM – умный город будущего стоимостью свыше 500 млрд долларов США на побережье Красного моря, и Red Sea Project – премиальный экокорт, разрабатываемый при участии ведущих международных архитекторов и экологов [Русакович 2017; Оришев, Мамедов, Кортуннов 2023]. Параллельно модернизируется транспортная сеть: строятся скоростные магистрали, расширяется аэропортовая инфраструктура, внедряются цифровые платформы управления туристическими потоками, включая единый портал “Visit Saudi” [Monshi, Scott 2017]. Особое внимание уделяется интеграции современной инфраструктуры в исторические ландшафты – в Аль-Уле создаются туристические маршруты по следам набатейской цивилизации с возведением отелей и музейных комплексов, сохраняющих аутентичность археологической среды [Русакович 2017].

Катар, как принимающая сторона крупных международных событий, включая чемпионат мира по футболу FIFA 2022, совершил рывок в развитии транспортной и гостиничной инфраструктуры: запущен метрополитен, построены отели мировых сетей, сформирован культурный квартал (MIA Park, Национальный музей Катара), а также создан город-спутник Лусаил, предназначенный для проведения глобальных деловых и туристических мероприятий [Kozak, Alain 2009]. В то же время Оман и Иордания делают ставку на экологически деликатную инфраструктуру: в горах Аль-Хаджар и пустыне Уади-Рам разворачиваются эко-лагеря, сочетающие минимальное вмешательство в природную среду с высоким уровнем комфорта и погружением в традиционный уклад жизни [Оришев, Мамедов, Кортунов 2023].

Несмотря на впечатляющие достижения, регион остается глубоко дифференцированным: в то время как страны Персидского залива демонстрируют высокую инфраструктурную зрелость, Ливан, Сирия и Йемен сталкиваются с разрушением или недостаточным обновлением туристических объектов вследствие затяжных конфликтов и экономических кризисов [Воронина, Яценко, Хедер 2023]. Тем не менее общий вектор развития очевиден: государственные инвестиции в транспорт, размещение, развлечения и цифровые сервисы становятся ключевым условием конкурентоспособности на мировом туристическом рынке и фундаментом для реализации постнефтяных экономических стратегий [Русакович 2017; Королева 2022; Hall 2015].

Экономическое влияние туризма

Туристический сектор в странах Ближнего Востока все более уверенно утверждает себя в качестве одного из основных двигателей экономического роста, замещая в структуре доходов традиционную нефтегазовую ренту. Регион демонстрирует один из самых высоких темпов восстановления туристических потоков после пандемии: по данным Всемирной туристской организации (UNWTO), в 2023 г. число международных прибытий превысило 83 млн человек, что на 22% больше, чем в 2022 г., и на 15% выше докризисного уровня 2019 г. Этот рост напрямую транслируется в макроэкономические показатели. В Объединенных Арабских Эмиратах доля туризма в ВВП в 2023 г. составила 11,5%, а занятость в отрасли – как прямая, так и косвенная – превысила 570 тыс. человек, что соответствует почти 10% общей рабочей

силы страны⁶. В Иордании, лишенной собственных энергетических ресурсов, туризм традиционно выполняет стратегическую функцию: по данным Всемирного банка (2023), его вклад в ВВП достиг 14%, а валютные поступления покрывают до четверти дефицита торгового баланса⁷.

Особенно впечатляюща трансформация Саудовской Аравии, которая до 2019 г. фактически не учитывала международный туризм в национальной экономической статистике. Уже в 2023 г. сектор вырос более чем на 32% и внес рекордный вклад в ВВП – 444,3 млрд саудовских риялов (около 118 млрд долларов США), что составляет 11,5% национальной экономики и превышает предыдущий максимум почти на 30%⁸. Этот скачок отражает не просто количественное увеличение потоков, а глубокую интеграцию туризма в новую экономическую модель страны.

Особый интерес с точки зрения экономической политики представляет способность туристического сектора генерировать занятость и привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – два показателя, напрямую отражающих его вклад в социально-экономическое развитие. Согласно данным WTTC, в 2023 г. в Объединенных Арабских Эмиратах в туристической отрасли были задействованы свыше 570 тыс. человек, а в Саудовской Аравии – более 1 млн, включая как прямые, так и косвенные рабочие места в смежных сферах: строительстве, логистике, гостиничном и ресторанным бизнесе (HoReCa). При этом Саудовская Аравия заняла лидирующую позицию по объему ПИИ в туризм среди стран региона – 6,8 млрд долларов США, что непосредственно связано с реализацией стратегических инициатив “Vision 2030”, в частности таких мегапроектов, как NEOM и Red Sea Project, изначально спроектированных с привлечением международного капитала. В совокупности на долю Саудовской Аравии и ОАЭ приходится свыше 75% всех прямых иностранных инвестиций, направляемых в туристический сектор Ближнего Востока, что закрепляет за этими странами статус ключевых инвестиционных хабов региона.

⁶ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

⁷ WV. 1. World Development Indicators: Size of the economy. URL: <https://wdi.worldbank.org/table/WV.1> (дата обращения: 09.12.2025).

⁸ Saudi Arabia Foreign Direct Investment Report. 2024. URL: <https://misa.gov.sa/app/uploads/2024/03/saudi-arabia-foreign-direct-investment-report-january-2024.pdf> (дата обращения: 09.12.2025).

Экономический эффект туризма выходит далеко за рамки прямого вклада в ВВП и валютных поступлений, оказывая мультипликативное влияние на смежные отрасли. В ОАЭ и Саудовской Аравии именно туристические мегапроекты выступают ключевым стимулом для роста строительного сектора и развития инфраструктуры. Так, проект НЕОМ в Саудовской Аравии, совокупный бюджет которого оценивается в 500 млрд долларов США, к 2030 г. должен создать до 380 тыс. новых рабочих мест и привлечь десятки миллиардов частных инвестиций⁹. В то же время в странах с иной моделью развития, таких как Иордания и Оман, туризм становится инструментом территориального выравнивания: программы экотуризма и гастрономического туризма способствуют оживлению сельских районов, сокращению регионального неравенства и укреплению местного предпринимательства, в первую очередь в секторе малого и среднего бизнеса [Оришев, Мамедов, Кортунов 2023].

Вместе с тем высокая зависимость от международного спроса делает отрасль крайне чувствительной к глобальным кризисам. Пандемия COVID-19 привела к резкому сокращению туристических доходов в регионе в 2020 г. – на 60–75% по сравнению с 2019 г., что наглядно продемонстрировало уязвимость экспортно ориентированной туристической модели¹⁰. Этот опыт подчеркнул необходимость диверсификации туристического предложения и активного развития внутреннего и регионального туризма как буфера против внешних шоков. Тем не менее наблюдаемые в последние годы тенденции позволяют утверждать: при условии сбалансированного регулирования и стратегического планирования туризм способен стать устойчивым источником экономического роста, генерации валютных поступлений и социальной стабильности в странах Ближнего Востока, особенно в условиях постепенного снижения глобальной зависимости от ископаемого топлива [Hall 2015].

Барьеры и вызовы

Реализация туристского потенциала Ближнего Востока сдерживается совокупностью структурных ограничений, охватывающих геополитическую, климатическую, социально-культурную

⁹ Ibid.

¹⁰ International tourism highlights: The impact of COVID-19 on tourism (2020–2022). 2023 Edition. UNWTO. URL: https://tourlib.net/wto/WTO_highlights_2023.pdf?ysclid=mix5hk1ntn708478840 (дата обращения: 09.12.2025).

и институциональную сферы. Несмотря на масштабные инвестиции и амбициозные стратегии, регион продолжает ассоциироваться у международной аудитории с зоной повышенного риска. Вооруженные конфликты в Сирии, Йемене и Ираке, а также периодические эскалации на палестино-израильских территориях и в Ливане формируют устойчивый образ небезопасности, который распространяется и на стабильные туристические направления, такие как ОАЭ или Саудовская Аравия, несмотря на их физическую отдаленность от зон боевых действий. Эмпирические данные подтверждают прямую зависимость туристических потоков от восприятия безопасности: даже краткосрочные всплески насилия в соседних странах способны вызывать падение бронирований на 20–30% в ведущих курортах региона [Richter 2003].

Климатические условия представляют собой еще одно системное ограничение. В странах Персидского залива летние температуры регулярно превышают +45–50 °С, что сужает туристический сезон до пяти месяцев – с ноября по март. Такая концентрация потоков создает избыточную нагрузку на инфраструктуру и увеличивает операционные расходы. Хотя государства активно развивают климатизированные пространства – торговые центры, метрополитены, крытые развлекательные комплексы, – это затрудняет развитие открытых природных и культурных маршрутов, которые составляют основу устойчивого экотуризма. Более того, до 70% энергопотребления в туристических зонах ОАЭ и Саудовской Аравии приходится на системы охлаждения, что вступает в противоречие с декларируемыми принципами «зеленого» туризма и увеличивает экологический след отрасли [Карамова 2013].

Социально-культурные нормы также формируют определенные барьеры для широкой аудитории. В Саудовской Аравии, несмотря на либерализацию нравов, сохраняются требования к скромной одежде, запрет на публичное употребление алкоголя и особенности гендерного взаимодействия в общественных местах. Хотя в новых туристических зонах, таких как NEOM или Red Sea Project, правила смягчаются, многие путешественники из Западной Европы и Северной Америки по-прежнему воспринимают эти ограничения как препятствие для свободного передвижения и комфортного отдыха [Шмыткова, Чечётенко 2017]. Парадокс заключается в том, что именно строгое соблюдение традиций обеспечивает успех религиозного туризма, но одновременно тормозит развитие массового светского сегмента, ориентированного на развлечения и пляжный досуг [Афанасьев, Афанасьева 2019].

Институциональные барьеры сохраняются, несмотря на общую тенденцию к либерализации. Если ОАЭ, Саудовская Аравия и Ка-

тар внедрили упрощенные электронные и безвизовые режимы, то в Иордании, Омане и особенно в Ливане процедуры оформления разрешений остаются бюрократически сложными и непрозрачными. Это снижает конкурентоспособность этих стран на фоне более «туристически дружелюбных» регионов – Юго-Восточной Азии или Средиземноморья [Королева 2022].

Отдельную проблему представляет экологическая устойчивость. Масштабные инфраструктурные проекты – от искусственных островов в Дубае до курортов на побережье Красного моря – неизбежно влекут за собой вмешательство в хрупкие экосистемы пустынь и коралловых рифов. Даже при использовании солнечной энергии и опреснительных установок строительство десятков роскошных отелей на необитаемых островах ведет к деградации морской среды [Оришев, Мамедов, КОРТУНОВ 2023].

Наконец, существует риск формирования новой зависимости – уже не от нефти, а от туризма. Чрезмерная ориентация на внешний спрос делает экономики уязвимыми к глобальным кризисам: пандемия COVID-19 практически парализовала отрасль в 2020 г., а геополитическая нестабильность или валютные колебания могут вновь обострить эту уязвимость [Пряникова 2025; Mahate, Parahoo 2022]. Таким образом, устойчивое развитие туризма в регионе возможно только при условии выстраивания сбалансированной модели, которая сочетает экономический рост, социальную инклюзивность и экологическую ответственность.

Устойчивое развитие туризма

В условиях глобального перехода к принципам экологической ответственности и социальной инклюзивности концепция устойчивого туризма становится не просто декларативным ориентиром, а практической необходимостью для стран Ближнего Востока, стремящихся к постнефтяной диверсификации. В регионе, где хрупкие пустынные экосистемы и многотысячелетнее культурное наследие соседствуют с амбициозными инфраструктурными проектами, устойчивость определяет не только экологическую, но и экономическую долгосрочную жизнеспособность туристического сектора. Под устойчивым туризмом здесь понимается модель, которая балансирует между экономическими выгодами, охраной природной среды и уважением к социокультурной идентичности местных сообществ, обеспечивая ресурсную преемственность между поколениями [Hall 2015].

Особое внимание привлекает опыт Саудовской Аравии, где проект Red Sea Project позиционируется как первый в мире ре-

генеративный курорт – не просто нейтральный, а положительно влияющий на окружающую среду. Согласно проектной документации, курорт будет функционировать исключительно на возобновляемой энергии, использовать замкнутый цикл водоснабжения с опреснением морской воды и полной переработкой сточных вод, а 75% островов архипелага останутся нетронутыми, получив статус охраняемой природной территории. Разработчики заявляют, что объект будет поглощать больше углерода, чем производить, превращая его в экспериментальную площадку для региона [Hall 2015]. Схожие подходы применялись и в других странах: при подготовке к чемпионату мира по футболу в Катаре (2022) при строительстве туристической инфраструктуры использовались материалы с низким углеродным следом и энергоэффективные технологии, а в ОАЭ внедряются «умные» системы управления потреблением энергии и воды в гостиничном секторе.

Устойчивость туризма не ограничивается экологическим измерением. В Иордании и Омане все большее распространение получают модели, основанные на вовлечении местных сообществ. В пустыне Уади-Рам и горах Аль-Хаджар создаются туристические кооперативы, в которых коренные жители выступают не в роли обслуживающего персонала, а как собственники эко-лагерей, ремесленных мастерских и гастрономических инициатив. Такой подход не только сохраняет традиционный уклад жизни, но и направляет значительную часть доходов напрямую в локальные экономики, снижая неравенство и укрепляя мотивацию к сохранению природного и культурного наследия [Timothy 2020].

Цифровизация также становится инструментом устойчивого управления. Виртуальные туры, цифровые гиды с геолокацией и системы бронирования, учитывающие экологический след, позволяют снизить физическую нагрузку на уязвимые достопримечательности. Более того, анализ больших данных и применение искусственного интеллекта дают возможность прогнозировать туристические потоки и оперативно регулировать доступ к объектам, предотвращая перегрузку инфраструктуры и деградацию среды [Барини 2023].

Тем не менее между заявленными целями и реальной практикой зачастую сохраняется значительный разрыв. Многие «зеленые» инициативы носят преимущественно маркетинговый характер и не сопровождаются независимым экологическим аудитом или обязательными стандартами. Даже самые технологически продвинутые мегапроекты, по своей сути, предполагают глубокое вмешательство в ландшафт, что ставит под сомнение возможность достижения «нулевого воздействия» [Hall 2015]. Следовательно, подлинная

устойчивость возможна только при условии создания надежных институциональных механизмов: независимого экологического контроля, участия местных сообществ в принятии решений и долгосрочных образовательных программ, формирующих культуру ответственного поведения как у туристов, так и у операторов.

Выводы

Туристический сектор в странах Ближнего Востока переживает качественную трансформацию: из узкоспециализированной, преимущественно религиозной деятельности он превращается в стратегический элемент экономической политики, способный обеспечить диверсификацию, сгенерировать занятость, привлечь иностранный капитал и укрепить международный имидж национальных брендов. Эта эволюция становится возможной благодаря уникальному сочетанию природного разнообразия, многотысячелетнего культурного наследия и масштабных инфраструктурных инициатив, формирующих многоуровневое туристское предложение. Сегодня регион способен удовлетворить запросы широкого спектра путешественников – от паломников и исследователей древностей до поклонников *luxury*-туризма и цифровых инноваций.

Наиболее впечатляющие изменения наблюдаются в Объединенных Арабских Эмиратах и Саудовской Аравии, которые за короткий исторический срок из замкнутых или узко функциональных направлений превратились в глобальные туристические хабы. Этот прорыв стал возможен благодаря последовательной реализации долгосрочных стратегий, в первую очередь саудовской “*Vision 2030*”, в рамках которой туризм закреплён как один из столпов постнефтяной экономики. Однако параллельно с ростом возможностей обозначаются и серьёзные ограничения. Политическая нестабильность в отдельных странах, экстремальные климатические условия, социально-культурные особенности и экологические издержки масштабной застройки хрупких территорий формируют комплекс вызовов, требующих не только технологических, но и институциональных решений.

Будущее туристического развития региона будет определяться способностью государств интегрировать принципы устойчивого туризма – экологической ответственности, социальной инклюзивности и уважения к культурной идентичности – в национальные программы. Не менее важными становятся укрепление регионального сотрудничества, создание трансграничных туристических маршрутов и формирование нового образа Ближнего Востока:

открытого, безопасного и гостеприимного, но при этом сохраняющего связь с собственными традициями. При грамотном стратегическом управлении туризм способен выступить не только двигателем экономического роста, но и инструментом «мягкой силы», способствующим долгосрочной стабильности и процветанию всего региона [Черевичко 2022].

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания от 27 декабря 2023 г. № 075–00096-24-00 на выполнение фундаментального научного исследования по теме: по теме: «Современное состояние международного туризма (с 2000–2024 гг.) во всех странах Ближневосточного региона: статистический, географический и культурологический анализ распределения и использования туристского потенциала в странах Ближнего Востока».

Acknowledgements

The article was prepared under the State Assignment No. 075–00096-24-00 dated December 27, 2023, for the implementation of a fundamental scientific research project on the topic “The Current State of International Tourism (2000–2024) in All Countries of the Middle East Region: A Statistical, Geographical, and Cultural Analysis of the Distribution and Utilization of Tourism Potential in the Middle Eastern Countries”.

Литература

- Афанасьев, Афанасьева 2019 – *Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В.* Религиозный туризм как тренд мировой и российской туриндустрии: концептуальная сущность и модели развития // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т. 13. № 3. С. 7–27.
- Барини 2023 – *Барини Х.* Цифровая трансформация в арабских странах: подходы и направления // *Информация и инновации*. 2023. Т. 18. № 4. С. 47–57.
- Воронина, Яценко, Хедер, 2023 – *Воронина Т.В., Яценко А.Б., Хедер З.* Состояние и факторы развития международного туризма в странах Ближнего Востока // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2023. № 3. С. 55–66.
- Карамова 2013 – *Карамова А.С.* Важность исследования влияния климата на туризм // *Известия Сочинского государственного университета*. 2013. № 4–1 (27). С. 81–83.

- Королева 2022 – *Королева О.В.* Регион Персидского залива как перспективное направление въездного туризма России в условиях новых реалий // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 169–173.
- Оришев, Мамедов, Кортунов 2023 – *Оришев А.Б., Мамедов А.А., Кортунов В.В.* Сельский туризм в арабских странах Ближнего Востока: история и современность // Сервис plus. 2023. Т. 17. № 1. С. 65–77.
- Пряникова 2025 – *Пряникова А.А.* Ближний Восток в условиях продовольственного кризиса (на примерах Иордании, Йемена, ОАЭ) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-102-113
- Русакович 2017 – *Русакович В.И.* Экономическое развитие и диверсификация в странах Персидского залива: современные тенденции // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 3. С. 393–404. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-3-393-404
- Черевичко 2022 – *Черевичко Т.В.* Туризм как инструмент «мягкой силы» международной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 214–218.
- Шмыткова, Чечётенко 2017 – *Шмыткова А.В., Чечётенко Ю.С.* Влияние геополитической обстановки на развитие туризма на Ближнем Востоке в XXI веке // Крымский научный вестник. № 2–3 (14–15). С. 57–65.
- Bitusikova 2021 – *Bitusikova A.* Cultural heritage as a means of heritage tourism development // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2021. No. 1 (9). P. 81–95.
- Hall 2015 – The Routledge handbook of tourism and sustainability / ed. by C.M. Hall, S. Gossling, D. Scott. N.Y.: Routledge, 2015. 548 p.
- Kim 2019 – *Kim B., Kim S.S., King B.E.* Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects // Tourism Recreation Research. 2019. No. 4 (45). P. 1–19.
- Kozak, Alain 2009 – Handbook of tourist behavior: Theory & practice / ed. by M. Kozak, N. Alain, A. Decrop. N.Y.: Routledge, 2009. 286 p.
- Mahate, Parahoo 2022 – *Mahate A., Parahoo S.K.* Exploring the tourism development strategies of Gulf Cooperation Council countries: commonalities, contrasts and clusters // Worldwide Hospitality and Tourism Themes. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 117–130.
- Monshi, Scott 2017 – *Monshi E., Scott N.* Developing event tourism in Saudi Arabia: opportunities and challenges // Tourism in the Arab world: An industry perspective / ed. by H. Almuhrzi, H. Alriyami, N. Scott. Berlin: De Gruyter Brill, 2017. P. 33–55.
- Richter 2003 – *Richter L.K.* International tourism and its global public health consequences // Journal of Travel Research. 2003. Vol. 41. No. 4. P. 340–347.
- Timothy 2020 – *Timothy D.J.* Tourism and the multi-faith heritage of the Middle East and North Africa: A resource perspective // Cultural and heritage tourism in the Middle East and North Africa: Complexities, Management and Practices. Milton Park: Taylor and Francis, 2020. P. 34–53.

References

- Afanasyev, O.E. and Afanasyeva, A.V. (2019), "Religious tourism as a trend in the global and Russian tourism industry: conceptual essence and development models", *Service and Tourism Current Challenges*, vol. 13, no. 3, pp. 7–27.
- Barini, H. (2023), "Digital transformation in Arab countries: approaches and directions", *Informatsiya i innovatsii*, vol. 18, no. 4, pp. 47–57.
- Bitusikova, A. (2021), "Cultural heritage as a means of heritage tourism development", *Muzeológia a Kultúrne Dedičstvo*, vol. 9, no. 1, pp. 81–95.
- Cherevichko, T.V. (2022), "Tourism as an instrument of 'soft power' of international politics", *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 22, iss. 2, pp. 214–218.
- Hall, C.M., Gossling, S. and Scott, D., eds. (2015), *The Routledge handbook of tourism and sustainability*, Routledge, New York, USA.
- Karamova, A.S. (2013), "The importance of climate impact research on tourism", *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 27, no. 4-1, pp. 81–83.
- Kim, B., Kim, S.S. and King, B.E. (2019), "Religious tourism studies: evolution, progress, and future prospects", *Tourism Recreation Research*, vol. 45, no. 4, pp. 1–19.
- Koroleva, O.V. (2022), "The Persian Gulf region as a promising destination for inbound tourism in Russia in the new realities", *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 3, pp. 169–173.
- Kozak, M., Alain, N. and Decrop, A., eds. (2009), *Handbook of tourist behavior: Theory & practice*, Routledge, New York, USA.
- Mahate, A. and Parahoo, S.K. (2022), "Exploring the tourism development strategies of the Gulf Cooperation Council countries: commonalities, contrasts and clusters", *Worldwide Hospitality and Tourism Themes*, vol. 15, no. 2, pp. 117–130.
- Monshi, E. and Scott, N. (2017), "Developing event tourism in Saudi Arabia: opportunities and challenges", in Almuhrzi, H., Alriyami, H. and Scott, N., eds., *Tourism in the Arab world: An industry perspective*, De Gruyter Brill, Berlin, Germany, pp. 117–130.
- Orishev, A.B., Mammadov, A.A. and Kortunov, V.V. (2023), "Rural tourism in the Arab countries of the Middle East: history and modernity", *Service Plus*, vol. 17, no. 1, pp. 65–77.
- Pryanikova, A.A. (2025), "The Middle East in the context of the food crisis (on the examples of Jordan, Yemen, the UAE)", *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science. History. International Relations"*, no. 2, pp. 102–113.
- Richter, L.K. (2003), "International tourism and its global public health consequences", *Journal of Travel Research*, vol. 41, no. 4, pp. 340–347.
- Rusakovich, V.I. (2017), "Economic development and diversification in the Gulf group countries: current trends", *RUDN Journal of Economics*, vol. 25, no. 3, pp. 393–404.

- Shmytkova, A.V. and Chechyotenko Yu.S. (2017), "The impact of geopolitical environment on tourism development in the Middle East in the 21st century", *Krymskii nauchnyi vestnik*, vol. 14–15, no. 2–3, pp. 57–65.
- Timothy, D.J. (2020), "Tourism and the multi-faith heritage of the Middle East and North Africa. A resource perspective", in *Cultural and Heritage Tourism in the Middle East and North Africa. Complexities, Management and Practices*, Taylor and Francis, Milton Park, UK, pp. 34–53.
- Voronina, T.V., Yatsenko, A.B. and Kheder, Z. (2023), "The state and factors of the development of international tourism in the Middle East", *State and Municipal Management. Scholar Notes*, no. 3, pp. 55–66.

Информация об авторах

Елена М. Крюкова, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; lena-krukova@yandex.ru

Виктор М. Заернюк, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе, Россия, Москва; 117997, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 23; zvm4651@mail.ru

Information about the authors

Elena M. Kryukova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 4, Wilhelm Peak St., Moscow, Russia, 129226; lena-krukova@yandex.ru

Viktor M. Zaermyuk, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting, Moscow, Russia; 23, Miklukho-Maklai St., Moscow, Russia, 117997; zvm4651@mail.ru

УДК 327(73+729.1)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-110-122

«Долгий 68-й» в США в репрезентациях кубинской общественности

Алина П. Николаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alinanikolaeff@gmail.com*

Аннотация. Работа посвящена исследованию репрезентации левых движений второй половины 1960 – начала 1970-х гг. в кубинских СМИ и среди политических элит. Рассматриваются различные способы освещения событий, происходящих в США. В ходе работы было выявлено, что пример США использовался как способ пропаганды, направленной против американских властей и для большего разжигания недовольств среди манифестантов. Подконтрольные правительству периодические издания систематически публиковали статьи, посвященные проблеме расовой дискриминации в США, негодованию населения по поводу «империалистической» войны во Вьетнаме. К той же риторике часто прибегал и лидер Кубинской революции Ф. Кастро. В итоге в массовом сознании на Кубе искусственно создавалась дихотомия, где в оплоте капитализма США назревали и усугублялись социальные проблемы, в то время как на Кубе эти проблемы были решены с победой Кубинской революции и впоследствии с установлением социалистического строя. В то же время американские левые активисты восхищались Кубинской революцией и ее героями, однако кубинцы, помня о неокOLONIALной политике США в 1950-х гг., не были готовы изменить свой взгляд на американцев, симпатизировавшим им.

Ключевые слова: Куба, американско-кубинские отношения, Долгий 68-й, протесты

Для цитирования: Николаева А.П. «Долгий 68-й» в США в репрезентациях кубинской общественности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 110–122. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-110-122

© Николаева А.П., 2026

“The USA’s Long 1968” in the Cuban public discourse

Alina P. Nikolaeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, alinanikolaeff@gmail.com*

Abstract: The study is devoted to the investigation of the representation of the leftist movements in the second half of the 1960s – early 1970s in the Cuban press and among the political elites. The various ways of covering events which took place in the USA were studied in particular. The research revealed that the example of the United States was used as a method of propaganda directed against the American authorities and to further incite discontent among the demonstrators. The government-controlled periodicals systematically published the articles on the problem of racial discrimination in the United States and the resentment of the population over the “imperialist” war in Vietnam. The leader of the Cuban Revolution, F. Castro, often resorted to the same rhetoric. As a result, a dichotomy was artificially created in the mass consciousness in Cuba, where social problems were brewing and worsening in the heart of capitalism – the United States, while in Cuba those problems were resolved with the victory of the Cuban Revolution and subsequently with the establishment of the socialist system. At the same time, American leftist activists admired the Cuban Revolution and its heroes, but Cubans, remembering the neocolonial policy of the United States in the 1950s, were not ready to change their minds about the Americans who sympathized with them.

Keywords: Cuba, US-Cuban relations, The Long '68, protests

For citation: Nikolaeva, A.P. (2026), “ ‘The USA’s Long 1968’ in the Cuban public discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 110–122, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-110-122

Введение

«Долгий 68-й» – термин, характеризующий эпоху подъема гражданской активности в западных странах и начало массовых народных выступлений, вызванных недовольством консервативностью и стабильностью 1950-х гг. [Пленков 2023, с. 189] На американский «Долгий 68-й» во многом повлияла война во Вьетнаме (1964–1973 гг.), а также массовые протесты различных слоев населения за расширение свобод [Farber 1994, p. 5]. Впервые понятие было введено в научный оборот французскими историками

в 1980-е гг., относя его к периоду с 1962 г. – завершения войны в Алжире – до начала первого президентского срока Ф. Миттерана в 1981 г. [Вайнен 2020, с. 37].

Временные рамки данного периода размыты, так как нет события, которое являлось бы однозначной точкой начала подъема протестных движений. Так, британский профессор Р. Вайнен предлагает включить в «Долгий 68-й» период со второй половины 1960-х гг. до первой половины 1970-х гг. [Вайнен 2020, с. 11], при этом подчеркивая, что в зависимости от страны начальная и конечная точка могут различаться. Для Италии, например, концом эпохи «Долгого 68-го» были выборы 1976 г. В случае с США в различных исследованиях приводятся разные хронологические рамки. Американский исследователь К. Стрэйн характеризует «Долгие 60-е» как период расширения гражданских свобод, поэтому использует период с 1955 по 1973 гг. [Strain 2016, p. VIII]. Т. Андерсон предлагает иную периодизацию и точкой отсчета выдвигает забастовку чернокожих студентов в Гринсборо в 1960 г., а событием, положившим конец эпохе 1960-х гг. называет поправку о равных правах (ERA), принятую Конгрессом в 1972 г., и параллельно с этим происходящий процесс вывода войск из Вьетнама [Anderson 1995, p. XVI]. В рамках данного исследования интерес представляет период, предложенных Т. Андерсоном, где ключевыми событиями выделяется борьба за расширение гражданских прав и война во Вьетнаме, что обусловлено высоким интересом кубинской общественности к этим двум вопросам в американской политике.

На Кубе пристально следили за тем, что происходило в США, и события «турбулентных 1960-х» на острове интерпретировали на свой манер, в итоге используя их как способ пропаганды. Стоит отметить, что кубинские периодические издания не отличались объективностью, так как были подвержены правительственной цензуре, из-за чего характер содержания был схож, и коррелировал с правительственной точкой зрения, а поляризация мнений фактически не наблюдалась [Horowitz 2018, p. 358].

Историографический массив по теме исследования не велик, так как основной целью работы ставится исследование первоисточников для выявления позиции кубинских СМИ и политической элиты в отношении американских протестов. Были использованы работы, описывающие сущность феномена «Долгого 68-го» – его политические, культурные и социальные воплощения, а также наиболее известных деятелей протестных движений [Вайнен 2020; Пленков 2023; Anderson 1995]. Также были привлечены монографии, посвященные определенным моментам кубинской истории, важным для понимания обстановки,

в которой формировался кубинский взгляд на США¹. В рамках работы большую важность представили биографические исследования участников «Долгого 68-го»².

Источниками работы выступают, во-первых, материалы кубинских СМИ, в которых были представлены анализы событий, происходящих на Западе. В первую очередь это культурный журнал *Bohemia*, а также газеты *HOY*, *Granma* – все эти печатные издания публиковали материалы, поддерживающие официальную правительственную позицию. Кроме того, был привлечен журнал *Tricontinental* – издание, публикуемое под эгидой Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки, с издательским центром в Гаване. Помимо материалов СМИ, в рамках работы были использованы публицистические работы американских интеллектуалов, в которых они излагали свой взгляд на постреволюционное устройство Кубы. К таким работам относится книга Р. Дебре «Революция в революции?»³.

Вьетнам как оплот идеологического противостояния Кубы американскому империализму

Одним из главных мотивов американских протестов в 1960-е гг. была война США во Вьетнаме. Многие молодые люди были не согласны с радикальной политикой США в Юго-Восточной Азии, что выразилось в многочисленных выступлениях.

Внимание к Вьетнаму со стороны Кубы было вызвано прежде всего характером войны. Как и на Кубе 1950-х гг., и в Южной и Центральной Америке 1950–1960-х гг., во Вьетнаме воевали партизаны, и это было одним из идеологических оснований для солидарности между Кубой и Северным Вьетнамом. В конце 1960-х гг. Э. Че Гевара произнес свою знаменитую фразу «Создадим два, три, много Вьетнамов»⁴, – эта фраза появилась в выпуске журнала *Tricontinental*, где была изложена его речь на конференции организации со-

¹ Che Guevara reader: Writings on politics and revolution / ed. by D. Deutschmann. New Delhi: LeftWord, 2004. См. также [Horowitz 2018].

² Todd A. Che Guevara: The romantic revolutionary. Barnsley: Pen and Sword History, 2024. См. также [Treviño 2017].

³ Debray R. Revolution in the revolution? Armed struggle and political struggle in Latin America. Harmondsworth: Penguin, 1968.

⁴ Create two, three, many Vietnams – that is the watchword // *Tricontinental*. 1967. April 16. P. 5.

лидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки⁵. Фраза стала популярной среди кубинцев и привлекла еще большее внимание к войне во Вьетнаме, так как Э. Че Гевара на Кубе был одним из наиболее глубоко почитаемых героев революции, а сама фраза, как сообщил кубинский политик и близкий соратник кубинского лидера Ф. Кастро М. Пиньейро, была написана Э. Че Геварой во время его пребывания в тренировочном лагере в кубинском городе Пинар-дель-Рио⁶. Идеи, изложенные в той статье для журнала *Tricontinental*, можно заметить в теории фокизма, впоследствии развиваемой французским философом Р. Дебре, чьи идеи были крайне популярны в США⁷. Сам Э. Че Гевара не использовал такой термин, как «фоко», но он излагал свои взгляды касательно способов ведения войны. Он говорил: «Нужно нести войну в каждый угол, где есть враг. <...> Необходимо не дать ему ни минуты покоя, ни минуты тишины вне его казарм или даже внутри; мы должны атаковать его, где бы он ни находился; заставить его чувствовать себя загнанным в угол зверем»⁸.

Война во Вьетнаме также широко освещалась в кубинской прессе, сведения о ее ходе попадали практически в каждый выпуск по второй половине 1960-х гг. в главные периодические издания Кубы. Когда в августе 1964 г. началось военное вторжение во Вьетнам, *Bohemia* прокомментировала это как «акт вооруженного вмешательства, похожий на вторжение Гитлера и попирающий на глазах всего мира Устав ООН»⁹. В течение всей войны во Вьетнаме кубинская периодика косвенно проводила дихотомию между США, учиняющими насилие и бедствие¹⁰, и странами социалистического блока, прежде всего самой Кубой, честно защищающими соратников по борьбе с империализмом¹¹.

Несмотря на яростное осуждение войны во Вьетнаме, кубинцы практически не обращали внимания на пацифистские протесты в США. К примеру, хиппи на Кубе представлялись скорее как зажиточные заскучавшие подростки, принадлежащие к среднему классу¹². Особенно тревожило пристрастие к наркотическим и психотропным

⁵ *Todd A.* Op. cit. P. 183.

⁶ *Che Guevara reader...* P. 4.

⁷ *Debray R.* Op. cit. P. 29.

⁸ *Create two, three, many Vietnams...* P. 18.

⁹ *La agresión yanqui a Vietnam del Norte // Bohemia.* 1964. 14 Aug. P. 68.

¹⁰ *Llamas en el Mundo // Bohemia.* 1966. 11 Nov. P. 48.

¹¹ *Diaz Castro T.* *Dos Escuelas // Bohemia.* 1968. 31 May P. 114.

¹² *Villares R.* *¿Rebeldes o escapistas? Los hippies. Un problema interno del imperialism // Bohemia.* 1968. 24 May. P. 18.

препаратам – на Кубе наркотики были под строгим запретом. И все же потенциально хиппи представляли интерес как «огромный человеческий потенциал, который, если бы действительно стал левым, мог бы начать гражданскую войну или революцию»¹³.

Наибольший интерес на Кубе вызывали радикальные социальные волнения. Если хиппи прошли практически незаметно для Кубы и были восприняты скорее негативно, то студенческие протесты против войны во Вьетнаме были встречены с большим энтузиазмом. Организация «Студенты за демократическое общество» (СДО), являющаяся одним из крупнейших левых объединений американских студентов в 1960-х гг., считалась соратником афроамериканцев в борьбе за справедливость в США: «Негодование молодежи и бунт чернокожих положат конец империи янки»¹⁴. Считалось, что агрессия во Вьетнаме и непрекращающаяся расовая дискриминация являлись двумя факторами, спровоцировавшими протест американцев, и предполагалось, что в итоге набирающие обороты протесты выльются в полномасштабную гражданскую войну.

Расовая дискриминация в США как часть кубинской пропаганды

Выступления афроамериканцев отличались радикальностью, сама история дискриминации сделала афроамериканцев бескомпромиссно настроенными против американских властей, поэтому апеллировать к афроамериканцам и разжигать в них большую ненависть казалось правильной стратегией. Ф. Кастро в своих речах обращался к афроамериканцам как к тем, кто пострадал от политики американского империализма ничуть не меньше, чем латиноамериканцы¹⁵.

В 1963 г. в кубинской газете *НОУ* вышла статья, посвященная полицейскому насилию в отношении афроамериканцев. Фотография, на которой был изображен полицейский, грубо держащий за пальто американского борца за гражданские права М.Л. Кинга, была подписана как «Демонстрация “показательной демократии”»

¹³ Ibid.

¹⁴ *Cárol T.* El mito de oportunidad, derecho e igualdad en U.S.A // *Bohemia*. 1966. 30 Sept.

¹⁵ *Castro F.* 10th anniversary of 26th of July // *Bohemia*. 1963. 26 July; *Idem.* Guns, yes! And who is taking them away from the people? 1960. 28 Nov. URL: <https://genius.com/Fidel-castro-guns-yes-and-who-is-taking-them-away-from-the-people-annotated> (дата обращения: 19.02.2026).

в США»¹⁶. В кубинской периодике часто упоминались случаи задержаний на демонстрациях, организованных афроамериканцами. В 1961 г. в той же газете вышла статья авторства колумбийского писателя Г. Гарсии Маркеса, озаглавленная как «долгая ночь ужаса». В ней автор описывает американскую политику сегрегации, делая акцент на южных штатах, а также непосредственно протесты, упоминая жестокие подробности. В конце Г. Гарсия Маркес выражает надежду, что новообразовавшееся движение «путешественников свободы», организованное в 1961 г. в южных штатах, в итоге сможет достичь равенства в США¹⁷.

Статья Г. Гарсии Маркеса, несмотря на жестокие подробности в некоторых местах, имела конечной целью выразить поддержку американским борцам против расовой дискриминации. Однако часто выходили и статьи, которые посредством описания насилия со стороны защитников правопорядка в отношении афроамериканцев фактически обвиняли США. Статьи подобного характера культивировали в кубинском обществе еще большее отторжение к США.

Та же тенденция продолжалась и во второй половине 1960-х гг. В 1968 г. в популярном культурном кубинском журнале *Bohemia* была представлена статья, содержащая интервью жителей американского гетто, преимущественно Гарлема. Все опрошенные афроамериканцы рассказывали ужасающие подробности проживания в гетто – «Люди лежат там как собаки, а запах стоит как в свинарнике, <...> Но если присмотреться, то можно заметить там только латиноамериканцев. И негров»¹⁸. Кроме нечеловеческих условий, описывались и полицейские. Они представлялись как «садисты»¹⁹, получающие удовольствие от мучений афроамериканцев.

Та жестокость, которая описывалась в газетах и журналах, в корне расходилась с идеалами, которые постулировали революционеры. Читая подобные статьи, кубинец невольно проводил параллель с Кубой, и вывод напрашивался сам собой. Подобный инструмент пропаганды был крайне действенным и повышал лояльность к режиму.

Американские борцы против расовой дискриминации также пользовались популярностью и поддержкой среди кубинцев. Отдельно стоит выделить одного из наиболее известных борцов за

¹⁶ Muestra de la “Democracia Representativa” en los EE.UU // HOY. Un diario al servicio del pueblo. 1963. P. 11.

¹⁷ Márquez G.G. El Drama de Integracion Racial en los E.U. Una Larga Noche de Terror // HOY. Un diario al servicio del pueblo. 1961. Junio 11.

¹⁸ Ghetto Negro // Bohemia. 1968. Diciembre 13. P. 6.

¹⁹ Ibid.

права чернокожих – С. Кармайкла. В 1967 г. он впервые посетил Кубу, куда был приглашен как почетный гость, чтобы принять участие в конференции Латиноамериканской солидарности, однако на острове о нем знали еще до конференции. На Кубе восхищались не только его борьбой против расовых притеснений²⁰, но и его позицией в отношении войны во Вьетнаме²¹. Вызывала восхищение также его деятельность в составе Студенческого координационного комитета ненасильственных действий (СККНД). О нем писали: «Пройдет несколько лет, и в США его имя будут произносить с восхищением и ужасом, во многом благодаря созданию Студенческого координационного комитета ненасильственных действий»²².

4 августа 1967 г. в газете *Bohemia* вышло интервью со С. Кармайклом, где его называют воинственным борцом против американского империализма, который «является лидером не только молодежи, но и миллионов людей, составляющих чернокожую американскую нацию, ставшую жертвой расизма»²³. Там же С. Кармайкла назвали «законным представителем революционеров, выделяющегося среди эксплуатируемых и дискриминируемых»²⁴. Ф. Кастро на церемонии, посвященной годовщине Монкады, также отметил значимость С. Кармайкла, назвав его «самым престижным лидером борьбы за гражданские права в США»²⁵, а произнося речь на открытии конференции Латиноамериканской солидарности, он вновь подчеркнул важность С. Кармайкла как борца за права чернокожих и, что немаловажно, союзника Кубы в деле искоренения расовой дискриминации, исходящей от «американского империализма»²⁶.

Помимо С. Кармайкла, на Кубе большое внимание уделялось еще одному американскому борцу за права чернокожих – М.Л. Кингу. С начала 1960-х гг. за его деятельностью пристально следили в кубинской прессе. Часто появлялись упоминания о насильственных действиях со стороны властей в его отношении²⁷. Вызывала

²⁰ Llamas en el Mundo // *Bohemia*. 1966. Noviembre 11. P. 33.

²¹ Esta humanidad ha dicho: basta... // *Bohemia*. 1966. Noviembre 18. P. 83.

²² *Carol Y.* El joven Stokely Carmichael // *Bohemia*. 1967. 28 Apr. P. 92.

²³ *Hernandez G.* A los imperialistas hay que crearles problemas donde quera que esten Stokely Carmichael // *Bohemia*. 1967. Agosto 4. P. 72.

²⁴ Lucharemos ahora fieramente hasta vencer o caer en el intent // *Bohemia*. Agosto 11. 1967.

²⁵ *Castro F.* 14th anniversary attack on Moncada barracks. 1967. July 26.

²⁶ *Castro F.* Speech to the OLAS Conference. 1967. August 11.

²⁷ Nuevos atropellos en EE.UU. contra negros // *HOY*. Un diario al servicio del pueblo. 1963. Junio 10. P. 8.

восхищение не только его общественной деятельностью в отношении чернокожих и его знаменитые автобусные забастовки²⁸, но и позиция Кинга относительно американской внешней политики. В апреле 1967 г. он выступил с докладом в Нью-Йорке, где решительно осудил американскую агрессию во Вьетнаме и подрывную деятельность в Гватемале, Колумбии и Перу²⁹. Это еще больше повышало его престиж среди кубинцев, так как для них тема Вьетнама и партизанских войн имела большое значение.

Его смерть 4 апреля 1968 г. создала большой резонанс на Кубе. *Bohemia* охарактеризовала его гибель как «внезапную и абсурдную»³⁰. В статье общая идея сводилась к тому, что со смертью М.Л. Кинга в США начнется «партизанская война в городах»³¹. Внимание заострялось на многочисленных беспорядках, ставших естественной реакцией на убийство Кинга, и выражалось мнение о том, что это было лишь началом, дальше беспорядки будут набирать все большую силу. Выражение сочувствия смерти Кинга американскими властями в статье преподносилось как «лицемерие и сарказм»³².

Интерпретация идей американских радикалов на Кубе

Важной частью кубинской пропаганды была дискредитация всего, что было связано с США, на самой Кубе были ярко выражены антиамериканские настроения, особенно в отношении внешней политики США. Несмотря на это, Ф. Кастро охотно встречался с американскими и европейскими писателями и журналистами, для того чтобы объяснить им свою позицию по отношению к государственному строю и экономике.

Интересным примером можно назвать американского экономиста Э. Бурстайна. Будучи уроженцем Нью-Йорка, он был яростно привержен идеям Кубинской революции. *The Village Voice* назвал его «экономистом Кастро»³³, фактически он являлся им с 1960 по

²⁸ El drama de la integracion racial en E.U. // HOY. Un diario al servicio del pueblo. 1961. Junio 14.

²⁹ Luther King abdica de la no violencia // *Bohemia*. 1967. Abril 14.

³⁰ Martin Luther King // *Bohemia*. 1968. Abril 12. P. 44.

³¹ *Ibid.* P. 46.

³² *Ibid.* P. 48.

³³ *Brandon J. Edward Boorstein: The New York – Chile Connection* // *The Village Voice*. 1974. Jan. 16. P. 12.

1963 г. В работе «Экономическая трансформация Кубы» его мысли были основаны на опыте работы в министерстве иностранной торговли на Кубе, а также в качестве советника заместителя министра экономики³⁴. Э. Бурстайн состоял в хороших отношениях с Че Геварой, он работал с ним в Национальном банке Кубы³⁵.

Пример Э. Бурстайна был скорее исключением, ведь как правило иностранцев не пускали настолько глубоко в политику Кубы. Но Ф. Кастро часто беседовал с западными интеллектуалами и объяснял им свои идеи. Ч.Р. Миллс (1916–1962 гг.) – американский социолог – был одним из них, и Ф. Кастро нравилась его работа «Слушайте, янки!»³⁶, ставшая одним из первых исследований, посвященных постреволюционной Кубе [Тревиño 2017, р. 131]. Однако в действительности мнение кубинцев было иным. Ч.Р. Миллса считали несколько чужаковатым и слишком демонстративным защитником революции. В *Bohemia* о нем писали: «Он предпочитает называть себя радикалом <...> Но на деле он относится к традиции литературных чужаков», «его мнения часто типичны»³⁷.

Экзальтированное превознесение революции не позволяло воспринимать его работу всерьез ни его соотечественниками, ни кубинцами. Даже Ф. Кастро в 1971 г. в интервью выразил недоумение касаясь того, почему Ч.Р. Миллс назвал книгу именно «Слушайте, янки!»³⁸, так как название не отражало полностью того, что планировалось передать через эту книгу. Однако на момент начала 1960-х гг. в США был повышенный интерес к Кубе в связи с распространяющейся идеей о «красной угрозе в 90 милях», но было не так много авторов, готовых предоставить обширное исследование нынешней ситуации на острове, поэтому работа Ч.Р. Миллса расходилась широкими тиражами, несмотря на предубеждение к автору³⁹.

В январе 1965 г. на Кубу прибыл еще один видный американец того времени – поэт-битник А. Гинсберг (1926–1997 гг.). Он дол-

³⁴ *Boorstein E.* The economic transformation of Cuba: firsthand account. N.Y.: Modern Reader Paperbacks, 1968. P. VIII.

³⁵ Testimony of Thomas Edward Mosher. Hearings, Ninety-second Congress, First Session. United States. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Subcommittee to Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. 1971. P. 48.

³⁶ En la Huella de los Dólares // *Bohemia*. 1961. Enero 1. P. 191.

³⁷ *Taber B.* “Escucha, yanqui” “Yo estoy con la Revolución Cubana” // *Bohemia*. 1960. Diciembre 18. P. 90.

³⁸ *Castro F.* Castro holds conference before leaving Chile. 1971. December 3.

³⁹ En la Huella de los Dólares // *Bohemia*. 1961. Enero 1. P. 60.

жен был стать одним из судей на конкурсе писателей, который был устроен *Casa de las Americas*. Он был единственным членом жюри из США – остальные были латиноамериканцами⁴⁰.

Его приезд запомнился не самим конкурсом, а количеством скандалов, в которых писатель был замешан. Как писал кубинский журналист Х. Родригес для издания *Mundo Nuevo*, камнем преткновения в его визите был вопрос о легализации марихуаны и о сексуальной свободе. По каждому из этих вопросов А. Гинсберг отстаивал достаточно радикальное и неприемлемое для Кубы того времени мнение⁴¹. В итоге А. Гинсберг был арестован, когда начали распространяться слухи о том, что якобы он давал оскорбительные комментарии в адрес Э. Че Гевары, в результате чего он был депортирован в середине 1965 г. в Прагу. В письме, адресованном его коллеге и другу, чилийскому поэту Н. Парро, А. Гинсберг писал о том, что причина его депортации не была названа. Милиционеры, ворвавшиеся в его номер, заявили, что «он сам знает, какие законы нарушил»⁴². Позже официально было объявлено, что арест произошел в связи с хранением А. Гинсбергом марихуаны, однако дальнейшие работы поэта демонстрируют, что обвинения касавшиеся Че Гевары были небезосновательны⁴³.

Несмотря на общие гомофобные настроения на Кубе, приезд А. Гинсберга и его радикальная позиция в отношении сексуальной свободы всколыхнули кубинское общество и, в частности, так называемых *los enfermitos*, среди которых было много борцов за сексуальную свободу⁴⁴. В кубинской периодике второй половины 1960-х гг. разгорелась полемика касавшаяся более глобальной проблемы – культуры в новом революционном обществе⁴⁵. Но несмотря на то что приезд А. Гинсберга смог вдохновить небольшие подпольные группы «культурных диссидентов», в целом эти скандалы повлияли негативно на образ США на Кубе. А. Гинсберг был единственным представителем американских литераторов на Кубе

⁴⁰ Ciclo Premio Kiterario 1965 // HOY. Un diario al servicio del pueblo. 1965. Febrero 2. P. 8.

⁴¹ *Rodríguez J.M.* Allen Ginsberg en la Habana // *Mundo Nuevo*. Abril, 1969.

⁴² *Ginsberg A.* Morgan B. *The letters of Allen Ginsberg*. Philadelphia: Da Capo Press, 2008 P. 390.

⁴³ *Ginsberg A.* *The fall of America: poems of these states. 1965–1971*. City Lights, 1983. P. 70.

⁴⁴ *Rodríguez J.M.* Op. cit.

⁴⁵ *Guevara A., Pogolotti G.* *Polémicas culturales de los 60*. Habana: Editorial Letras Cubanas, 2006.

на конкурсе Casa de las Americas, но его фривольное, несдержанное и неуместное поведение лишь укоренило в сознании кубинцев образ аморальной и разлагающейся американской культуры.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно отметить, что, хотя в США идеи Кубинской революции превозносились в леворадикальных кругах, а Э. Че Гевара был возведен до идола и примера для подражания, кубинцы не были готовы забыть отношение американцев к дореволюционной Кубе. Американские интеллектуалы искали более близких контактов с Кубой, приезжали на остров с целью самолично увидеть «утопический» мир, где империализм и капитализм были побеждены. Однако на Кубе отношение к американцам сохранялось перманентно отрицательным. Национальная обида на западного соседа за несколько десятилетий тотального доминирования над островом, еще живые воспоминания о диктатуре Ф. Батисты, вторжение в бухту Кочинос – только этого уже было достаточно, чтобы у американских радикалов практически не оставалось возможности завоевать симпатии на Кубе.

Отдельно можно выделить лишь активистов за права чернокожих, которые пользовались большой поддержкой на Кубе, однако их поддержка скорее была возможностью деструктивного воздействия на США «изнутри», чем искренним желанием установления свободы. Кубинская пресса стремилась показать расовую проблему в США в наихудшем свете, часто добавляя жесткие подробности в свои репортажи. В то же время официальный политический курс декларировал равенство, считая расовую дискриминацию пережитком прошлого, оставшуюся на задворках истории вместе с диктатурой Ф. Батисты. К тому же инструменту пропаганды можно отнести и студенческие протесты против войны во Вьетнаме. Все это повышало лояльность не только кубинцев, но и в целом латиноамериканцев к режиму Ф. Кастро и укрепляло неприятие США.

Литература

- Вайнен 2020 – *Вайнен Р.* Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М.: Альпина Паблишер, 2020. 627 с.
- Пленков 2023 – *Пленков О.Ю.* «Революция 1968-го»: Эпоха, феномен, наследие. М.: Владимир Даль, 2023. 473 с.

- Anderson 1995 – *Anderson T.* The movement and the sixties: Protest in America from Greensboro to Wounded Knee. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 544 p.
- Farber 1994 – *Farber D.* The age of great dreams: America in the 1960s. N.Y.: Hill and Wang, 1994. 296 p.
- Horowitz 2018 – *Horowitz I.L.* Cuban communism, 1959–2003. L.: Routledge, 2018. 735 p.
- Strain 2016 – *Strain Ch.* The long sixties: America, 1955–1973. Chichester: Wiley Blackwell, 2016. 224 p.
- Treviño 2017 – *Treviño A.J. C.* Wright Mills and the Cuban revolution: An exercise in the art of sociological imagination. Chapel Hill: UNC Press Books, 2017. 232 p.

References

- Vinen, R. (2020), *Dolgi '68: Radikal'nyi protest i ego vragi* [The Long '68: Radical protest and its enemies], Alpina Publisher, Moscow, Russia.
- Plenkov, O.Yu. (2023), “*Revolutsiya 1968-go*”: *Epokha, fenomen, nasledie* [The 1968 revolution: Era, phenomenon, legacy], Vladimir Dal, Moscow, Russia.
- Anderson, T. (1995), *The movement and the sixties: Protest in America from Greensboro to Wounded Knee*, Oxford University Press, New York, USA.
- Farber, D. (1994), *The age of great dreams: America in the 1960s*, Hill and Wang, New York, USA.
- Horowitz, I.L. (2018), *Cuban communism, 1959–2003*, Routledge, London, UK.
- Strain, C. (2016), *The long sixties: America, 1955–1973*, Wiley Blackwell, Chichester, UK.
- Treviño, A.J.C. (2017), *Wright Mills and the Cuban revolution: An exercise in the art of sociological imagination*, UNC Press Books, Chapel Hill, USA.

Информация об авторе

Алина П. Николаева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; alinanikolaeff@gmail.com

Information about the author

Alina P. Nikolaeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; alinanikolaeff@gmail.com

Стратегии КНР и США в отношении Тайваня в XXI в.

Рамазан Элимхаджиев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, elim.ramzan@gmail.com*

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы объясняется все возрастающим напряжением в отношениях между Вашингтоном и Пекином, а также важностью Тайваня для мировой экономики. Сохранение влияния на Тайвань является для Вашингтона ключевым фактором поддержания собственных позиций в регионе и сдерживания усиления влияния Китая. Несмотря на то что официально США придерживаются принципа «одного Китая», их трактовка этого принципа прямо противоречит официальной позиции китайских властей. Вероятность конфликта усугубляется тем обстоятельством, что занявший пост президента США Д. Трамп воспринимает КНР как основную угрозу экономическому и политическому влиянию Вашингтона. Однако политика «стратегической неопределенности», избранная еще при Дж. Картере, оставляет пространство для маневра: у США нет прямой обязанности вступаться за Тайвань в случае военного столкновения. В статье рассматриваются юридические и исторические основания позиций двух государств, эволюция их официальной и фактической позиции по вопросу суверенитета Тайваня, подходы к продвижению своих интересов на острове, а также отношение и готовность к военному столкновению, которое некоторые эксперты считают вероятным, если не неизбежным.

Ключевые слова: Тайвань, стратегическая неопределенность, политика одного Китая, «одна страна, две системы»

Для цитирования: Элимхаджиев Р. Стратегии КНР и США в отношении Тайваня в XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 123–139. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-123-139

China and the United States' strategies toward Taiwan in the 21st century

Ramazan Elimkhajiyev

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, elim.ramzan@gmail.com*

Abstract. The relevance of the topic under consideration is explained by the increasing tension in the relations between Washington and Beijing, as well as by the importance of Taiwan for the global economy. Maintaining influence over Taiwan is a key factor for Washington in preserving its own position in the region and containing China's growing influence. Although the United States officially adheres to the "one China" principle, its interpretation of this principle directly contradicts the official position of the Chinese authorities. The likelihood of an armed conflict is compounded by the fact that the incumbent president of the United States, D. Trump, views China as the main threat to Washington's economic and political influence. However, the policy of "strategic uncertainty," adopted under J. Carter, leaves room for maneuver: the United States has no direct obligation to defend Taiwan in the event of a military clash. The article examines the legal and historical foundations of the positions of the two states, the evolution of their official and the de facto positions on the issue of Taiwan's sovereignty, their approaches to promoting their interests on the island, as well as their attitude and readiness for a military confrontation, which some analysts consider likely, if not inevitable.

Keywords: Taiwan, strategic ambiguity, one-China policy, "one country, two systems"

For citation: Elimkhajiyev, R. (2026), "China and the United States' strategies toward Taiwan in the 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 123–139, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-123-139

Введение

Тайваньский вопрос является фактором, осложняющим отношения между США и Китаем с того самого момента, после основания КНР в 1949 г., когда сторонники Гоминьдана были вынуждены покинуть материковый Китай и обосновались на территории. С тех пор Тайвань, отстаивая свою независимость, во многом опирался именно на поддержку США. При этом позиция последних претерпевала изменения в зависимости от текущей политической ситуации. Так, в рамках холодной войны позиция США относительно

выстраивания отношений с Тайванем и Китаем основывалась на американо-китайских коммюнике, подписанных в 1972 (1), 1979 (2) и 1982 (3) гг. соответственно:

- 1) США признают факт существования одного Китая, и Тайвань является его частью;
- 2) США признают, что официальным правительством Китая является правительство КНР, и привержены идее «одного Китая», однако планируют также продолжать осуществление «неофициальных» культурных и экономических взаимоотношений с Тайванем;
- 3) «В 1982 г. США не стремятся проводить долгосрочную политику поставок оружия на Тайвань, американские поставки оружия на Тайвань не будут ни количественно, ни качественно превышать уровень поставок предыдущих лет с момента установления дипломатических отношений, речь также шла о сокращении объемов поступаемого вооружения» [Кашин 2021].

Китай, в свою очередь, последовательно заявляет о своем намерении воссоединить страну, подчеркивая, что такое воссоединение должно произойти путем мирного решения вопроса. Подобная точка зрения была изложена в Письме тайваньским соотечественникам, опубликованном 28 января 1979 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей.

Для США вопрос независимости Тайваня имеет ключевое значение по ряду причин.

Во-первых, следует учитывать экономический фактор, а именно долю Тайваня на мировом рынке производства полупроводников, несмотря на то что США предприняли меры, направленные на снижение зависимости от Тайваня в этом вопросе (такие как принятие Закона о чипах 2022 г. – Chips and Science Act).

Во-вторых, остров обладает исключительно важным военно-стратегическим значением для США и их союзников. Он контролирует ключевую цепь островов, протянувшуюся в западной части Тихого океана от Борнео до Филиппин. Эта островная линия служит барьером против масштабных военных операций НАОАК в данном регионе Тихого океана. Владение данной акваторией является неотъемлемой частью американской стратегии сдерживания Китая и обеспечения региональной безопасности.

В-третьих, как подчеркивают аналитики, с геополитической точки зрения США и Япония стремятся удерживать Тайвань в сфере своего влияния, поскольку его возможное объединение с материковым Китаем может существенно усилить позиции КНР и нарушить сложившийся в регионе баланс сил и стратегическое равновесие [Морозов 2024].

Теоретическую основу исследования составляют работы специалистов в области международных отношений и китаистики, таких как В. Кашин [Кашин 2021], А. Ломанов [Ломанов 2022], Т. Полякова¹ и др. Анализ стратегии КНР и США проводится на основании изучения законодательных актов и программных документов соответствующих государств, а также международных организаций и исследований, проводимых аналитическими центрами. Методологическую основу составляют системный и сравнительный методы.

Принцип «одного Китая» в современных условиях

Говоря о современном состоянии конфликта, важно отметить, что, хотя политика «одного Китая» признается практически повсеместно, даже у основного союзника Тайбэя – США – существуют различные ее интерпретации, многие из которых противоречат официальной позиции Пекина, неоднократно закрепляемой в правовых актах и заявлениях представителей КНР. Так, в 2022 г. Китайская Народная Республика выпустила «Белую книгу» под названием «Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эпоху». Документ содержит следующие ключевые положения:

- Резолюция 2758 представляет собой политический документ, обладающий очевидной юридической силой, и признана во всем мире. Однако власти КНР используют указанную резолюцию в качестве «инструмента принуждения», который в свою очередь помогает в сдерживании международных устремлений Тайваня и тем самым закрепляет необходимость неприсоединения Тайваня к Организации Объединенных Наций или любой другой международной организации;
- китайские СМИ и представители власти заявляют, что концепция «одного Китая» является результатом достижения международного согласия;
- для обеспечения объединения следует не забывать, что Китай и Тайвань обладают своими отдельными социальными устоями, которые не должны служить основанием для препятствий или оправданий сепаратистских действий².

¹ Полякова Т. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между США и КНР. М.: МГИМО-Университет, 2014. 31 с.

² The “One-China Principle”: China’s “Norm” versus Global Realities // Global Taiwan Institute. 2024. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/02/the-one-china-principle-chinas-norm-versus-global-realities/> (дата обращения: 08.07.2025).

28 сентября 2024 г. министр иностранных дел Ван И, выступая на заседании 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отметил, что Тайвань принадлежит Китаю. В обоснование своих слов представитель КНР ссылаясь на положения Каирской и Потсдамской деклараций, где четко указано, что «украденные Японией китайские территории», включая Тайвань и архипелаг Пэнху, должны быть возвращены Китаю, что является важной частью международного порядка после Второй мировой войны. Он также призвал опираться на резолюцию 2758. По словам политика, эта резолюция «раз и навсегда решила вопрос о представительстве всего Китая, включая Тайвань, в ООН, ясно дав понять, что не существует “двух Китаев” и “одного Китая, одного Тайваня”»³.

Документ подчеркивает, что представители правительства Китайской Народной Республики занимают легальное место в Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности. Решение звучало как «немедленно выдворить представителей Чан Кайши с того места, которое они незаконно занимают в Организации Объединенных Наций...»⁴. Принятие этой резолюции стало переломным моментом в тайваньском вопросе, поскольку до 1971 г. именно правительство Чан Кайши воспринималось мировым сообществом как легитимный представитель всего Китая и занимало соответствующее место в международных организациях, включая ООН.

Китай немедленно реагирует на любые попытки бросить вызов общепринятому толкованию резолюции 2758, которые особенно часто исходят от представителей Вашингтона. Например, МИД Китая решительно осудил визит спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань, о чем говорится в заявлении внешнеполитического ведомства⁵, которое заявило, что Соединенные Штаты «должны прекратить искажать, затемнять и выхолащивать принцип одного Китая» и предпринять заслуживающие доверия действия для строгого соблюдения этого принципа. Отмечалось

³ Ван И: В резолюции 2758 нет серой зоны и пространства для двусмысленности // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 29.09.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202410/t20241003_11502532.html (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций // ООН. Генеральная Ассамблея (26-я сессия: 1971). Резолюция 2758 (XXVI). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

⁵ МИД Китая осудил визит Пелоси на Тайвань // Lenta.ru. 2.08.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/02/neletisyuda/> (дата обращения: 15.11.2025).

даже, что Соединенные Штаты сознательно бросили вызов международным правилам, подрывая статус Организации Объединенных Наций в международной системе⁶.

Что касается вопроса о всеобщем признании принципа «одного Китая» в международных отношениях, можно отметить, что лишь несколько государств открыто оспаривают его. Тем не менее в отношении ряда государств необходимо учитывать существенные оговорки, с которыми они признают суверенитет КНР над островом. Принято выделять десять основных групп, объединяющих страны в зависимости от их позиции по тайваньскому вопросу⁷.

№ n/n	Позиция	Государства	Число государств
1	Признают КНР единственным законным правительством Китая, представляющим весь китайский народ, а Тайвань – частью Китая	Албания, Андорра, Ангола, Антигуа и Барбуда, Армения, Азербайджан, Багамские Острова, Беларусь, Боливия, Босния и Герцеговина, Ботсвана, Коста-Рика, Хорватия, Чехия, Доминика, Доминиканская Республика, Эритрея, Эстония, Франция, Грузия, Гвинея-Бисау, Израиль, Иордания, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Лесото, Литва, Мальдивы, Молдова, Черногория, Намибия, Никарагуа, Нигер, Ниуэ, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Южная Африка, Южный Судан, Судан, Швейцария, Таджикистан, Тимор-Лешти, Тонга, Туркменистан, Уганда, Вьетнам	51

⁶ The “One-China Principle”: China’s “Norm” versus Global Realities // Global Taiwan Institute. 2024. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/02/the-one-china-principle-chinas-norm-versus-global-realities/> (дата обращения: 08.07.2025).

⁷ The Many “One Chinas”: Multiple approaches to Taiwan and China // Carnegie China. February 9, 2023. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2023/02/the-many-one-chinas-multiple-approaches-to-taiwan-and-china?lang=en> (дата обращения: 12.11.2025). *Данная статья написана иностранным агентом «Фонд Карнеги за международный мир» либо касается деятельности иностранного агента.*

Продолжение табл.

<i>№ п/п</i>	<i>Позиция</i>	<i>Государства</i>	<i>Число государств</i>
2	Признают КНР единственным законным правительством Китая; признают заявление КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая.	Австралия, Острова Кука, Фиджи, Малайзия, Новая Зеландия, Испания, Таиланд, Великобритания, Самоа	9
3	Признают КНР единственным законным правительством Китая и «принимают к сведению» заявление КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая.	Аргентина, Бельгия, Бразилия, Венесуэла, Греция, Исландия, Италия, Канада, Колумбия, Кот-д'Ивуар, Ливан, Мальта, Перу, Уругвай, Чили, Эквадор	16
4	Признают КНР единственным законным правительством Китая; «понимают и уважают» заявление КНР о том, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая.	Дания, Венгрия, Япония, Филиппины	4
5	Уважает и поддерживает позицию КНР в отношении Тайваня.	Россия	1
6	Признают КНР единственным законным правительством Китая и «уважают» заявление КНР о том, что Тайвань является провинцией КНР.	Нидерланды, Южная Корея	2

Окончание табл.

№ п/п	Позиция	Государства	Число государств
7	Признает КНР единственным законным правительством Китая и «признает» позицию КНР о том, что Тайвань является частью Китая.	США	1
8	Признают КНР единственным законным правительством Китая без прямого упоминания суверенитета Тайваня.	Австрия, Барбадос, Белиз, Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гренада, Гайана, Джибути, Индонезия, Иран, Ирландия, Камерун, Кипр, Коморские острова, Кувейт, Либерия, Люксембург, Маврикий, Мадагаскар, Микронезия, Норвегия, Нигерия, Оман, Руанда, Чад, Эфиопия, Экваториальная Гвинея, Ямайка, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Саудовская Аравия, Сенегал, Сейшельские Острова, Сьерра-Леоне, Суринам, Того, Турция, Украина, Узбекистан, Вануату	41
9	Не признают КНР единственным законным правительством Китая, но и не упоминают суверенитет Тайваня.	Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Бурунди, Гамбия, Германия, Гана, Демократическая Республика Конго, Кабо-Верде, Катар, Конго, Куба, Кирибати, Ливия, Мали, Марокко, Мексика, Мозамбик, Папуа – Новая Гвинея, Сингапур, Тринидад и Тобаго, Объединенные Арабские Эмираты, Центральноафриканская Республика, Швеция, Йемен, Зимбабве	27
10	Признают Китайскую Республику (Republic of China, ROC).	Белиз, Эсватини, Гватемала, Гаити, Гондурас, Маршалловы острова, Науру, Палау, Парагвай, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Тувалу, Ватикан (Святой Престол)	14

США же выдвигают собственную трактовку вышеуказанной резолюции. Они утверждают, что в тексте резолюции 2758 Генеральной Ассамблеи ООН нет упоминания о статусе Тайваня. По мнению Вашингтона, в основе его политики «единого Китая» лежат три совместных коммюнике США и КНР, Закон об отношениях с Тайванем (TRA) и Шесть гарантий, подразумевающих, что⁸:

- «США не соглашались установить финальную дату для окончания продаж оружия Тайваню;
- США не соглашались обсуждать с КНР поставки оружия на Тайвань;
- США не будут выступать в роли посредника в отношениях острова и материка;
- США не соглашались пересматривать Закон об отношениях с Тайванем;
- США не меняли свою позицию по вопросу суверенитета над Тайванем;
- США не будут оказывать давление на Тайвань с целью побудить его к переговорам с КНР» [Кашин 2021].

TRA обязует США поддерживать Тайвань рядом вооружений оборонительного характера и в том числе «поддерживать способность Соединенных Штатов противостоять любому применению силы или другим формам принуждения, которые могли бы поставить под угрозу безопасность либо социальную, либо экономическую систему народа Тайваня»⁹.

Основополагающий документ, определяющий американскую внешнюю политику, – Стратегия национальной безопасности – также касается вопросов взаимоотношений США с Китаем и, в частности, их разногласий по вопросу Тайваня. Так, в Стратегии 2017 г. было заявлено о намерении поддерживать прочные связи с Тайванем, выполнять обязательства, взятые на себя в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем, при этом подчеркивалась приверженность политике «одного Китая»¹⁰.

⁸ The “One-China Principle”: China’s “Norm” versus Global Realities // Global Taiwan Institute. 2024. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/02/the-one-china-principle-chinas-norm-versus-global-realities/> (дата обращения: 08.07.2025).

⁹ Taiwan Relations Act. Public Law 96-8. 96th Congress. 10 April 1979 // American Institute in Taiwan. URL: <https://www.ait.org.tw/taiwan-relations-act-public-law-96-8-22-u-s-c-3301-et-seq/> (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁰ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // The White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

В Стратегии, принятой администрацией Байдена–Харрис в 2022 г., также подтверждается, что принцип «одного Китая» является основой политики в отношении Тайваня. Согласно этому документу, США выступают против любых односторонних изменений установившегося статус-кво, независимо от того, кто является инициатором таких изменений. Прямо говорится, что США не поддерживают независимость Тайваня. Таким образом, обе администрации избегают заявлений и формулировок, которые могли бы значительно ухудшить отношения с Китаем или спровоцировать его на более активные действия. Однако Пекин в нынешних условиях и доктринальных документах подчеркнуто называется единственным соперником Соединениях Штатов Америки и при этом сопоставимым с ними по силам, в этой связи США будут всеми силами стараться противодействовать предпринимаемы Китаем попыткам распространить свой контроль над Южно-Китайским морем, поддерживая своих «союзников и партнеров в регионе»¹¹.

При этом в Стратегии Б. Обамы использовались более мягкие формулировки – «Мы будем способствовать дальнейшему снижению напряженности в отношениях между Китайской Народной Республикой и Тайванем». Сам Китай объявлялся партнером, с которым необходимо наладить конструктивный диалог, невзирая на существенные разногласия¹². Эту позицию подтверждала и Госсекретарь Х. Клинтон. Она заявляла, что прагматичные и эффективные отношения между Соединенными Штатами и Китаем необходимы для решения основных задач XXI в. Поэтому США были нацелены на снижение напряженности как в своих отношениях с КНР, так и в отношениях КНР с Тайванем¹³.

Текущий президент США, по мнению ряда исследователей и специалистов, будет проводить более жесткий курс в отношении Китая, чем его предшественники. Мнения основываются на

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. October 2022 // The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

¹² National Security Strategy of the United States of America. May 2010 // The White House. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

¹³ *Clinton H.R.* Remarks by Secretary of State Hillary Rodham Clinton on the Obama Administration's National Security Strategy. May 27, 2010 // The Brookings Institution. Washington, D.C. URL: <https://web.archive-2017.ait.org.tw/en/officialtext-ot1015.html> (дата обращения: 12.11.2025).

действиях президента в предыдущие сроки нахождения у власти. Примером может служить решение Трампа совершить звонок президенту Тайваня в декабре 2016 г., что идет вразрез с требованиями КНР не выходить на прямой контакт с островом [Лексютина 2017]. Кроме того, с 2018 г. корабли США заходили на территорию Тайваньского пролива. Активизировался процесс наращивания взаимодействия между США и Тайванем, многие местные жители выступали за организацию референдума о независимости острова [Живора 2020].

Необходимо подчеркнуть, что администрация Д. Трампа увеличила поддержку Тайваня до масштабов, не существовавших с 1971 г.

Сюда можно отнести:

- поставку и продажу истребителей Ф-16 в 2020 г.;
- снятие ограничений в рамках выстраивания двухсторонних связей (экономических, культурных, политических) между странами в 2021 г.;
- ряд законов, принятых в промежутке между 2017 и 2020 гг., – «Закон о полномочиях национальной обороны», «Закон о поездках на Тайвань», «Закон о гарантиях Тайваня»¹⁴.

Кроме того, в прошлую каденцию Д. Трампа Соединенные Штаты активно поддерживали участие Тайваня в установлении международных отношений. 26 марта 2020 г. президент подписал «Акт о международной инициативе по защите и усилению союзников Тайваня от 2019 г.». Документ наделяет власти США полномочиями применять санкции против государств, не желающих вести диалог на международном уровне с островом. 16 мая 2018 г. Тайвань был приглашен к участию во Всемирной ассамблее здравоохранения в качестве наблюдателя (World Health Assembly, WHA) [Сунь 2021].

Впрочем, как подчеркивает И.А. Цветков, идти по пути эскалации в полной мере не был готов даже Д. Трамп. «Так, несмотря на острое противостояние с КНР, обмен официальными визитами между США и Тайванем в 2018–2020 гг. осуществлялся в весьма ограниченном режиме, в основном на уровне замминистров.

¹⁴ *Овчинский В.* США, Китай и Тайвань: тень военного конфликта // Завтра. 2021. 20 окт. URL: https://zavtra.ru/blogs/ssha_kitaj_i_tajvan_ten_voennogo_konflikta (дата обращения: 15.11.2025); *Blackwill R.D., Zelikow P.* The United States, China, and Taiwan: A strategy to prevent war. Council special report. No. 90 // Council of Foreign Relations. Feb. 2021. URL: <https://www.cfr.org/report/united-states-china-and-taiwan-strategy-prevent-war> (дата обращения: 12.11.2025).

Только однажды, в августе 2020 г., Тайвань посетил министр здравоохранения США Алекс Азар для обмена опытом борьбы с распространением COVID-19». Кроме того, ряд решений Трампа носил скорее символический характер, а их принятие было связано с попытками оказать давление на КНР, в то время как готовность оказать реальную военную помощь оставалась под вопросом. Так, в марте 2021 г. президент США отметил, находясь на расстоянии 8 тысяч миль, что не сможет ничего сделать, если Китай нападет на Тайвань [Цветков 2021].

Помимо действий, непосредственно направленных на укрепление международного статуса Тайваня и его обороноспособности, имеет смысл обратить внимание на риторику представителей Вашингтона. Так, бывший постпред США при ООН Никки Хейли призвала сделать Тайвань полноправным членом ООН. Она добавила, что «Тайвань является жертвой великой несправедливости более 50 лет», ссылаясь на упоминавшуюся несколько раз резолюцию Генеральной Ассамблеи¹⁵.

Тем не менее во время президентской кампании 2024 г. Д. Трамп высказывался в отношении Тайваня достаточно критически. Он выражал недовольство, в частности, тем, что Тайвань тратит слишком малый процент своего бюджета на оборону. Также он заявлял, что Тайвань «украл бизнес по производству чипов и просит от США защиты». После угрозы введения тарифов тайваньская компания по производству полупроводников (TSMC) объявила о новых инвестициях в Соединенные Штаты. Сложно однозначно сказать, ожидал ли президент такого результата изначально или же рассматривал возможность сокращения или даже прекращения поддержки Тайваня в случае, если тот не станет тратить больше на оборонную сферу. Однако представляется, что политика неопределенности свойственна Трампу, причем не только на рассматриваемом направлении, в связи с чем сложно предсказывать действия Вашингтона в случае начала военных действий в регионе¹⁶.

При этом само начало таких действий выглядит более чем вероятным. Так, В. Кашин, рассуждая о возможных сценариях военного конфликта на острове, писал, что «нападение, вероятно, начнется

¹⁵ Хейли призвала сделать Тайвань полноправным членом ООН // ТАСС. 21.08.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21656183> (дата обращения: 12.11.2025).

¹⁶ *Shattuck T.J.* The return to strategic ambiguity: Assessing Trump's Taiwan stance // Foreign Policy Research Institute (FPRI). May 2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/05/the-return-to-strategic-ambiguity-assessing-trumps-taiwan-stance/> (дата обращения: 20.07.2025).

под прикрытием крупномасштабных учений, которые КНР начала проводить в Тайваньском проливе регулярно в последние годы» [Кашин 2021]. В будущем аналитики предполагают возможное начало столкновений сторон, в ходе которого ВВС и НОАК зададутся целью установить доминирование над островом.

В пользу военного сценария говорят и недавние шпионские скандалы, разразившиеся на острове. Широкомасштабное расследование, проводимое рядом агентств национальной безопасности Тайваня с 2023 г., выявило новую шпионскую сеть. Список дел включал обвинения, связанные с передачей секретных разведывательных данных о ключевых военных объектах, а также с подготовкой и развертыванием войск. Кроме того, речь шла о создании пропагандистских материалов, призванных побудить военнослужащих Тайваня сдаться НОАК в случае вторжения¹⁷.

По данным американской разведки, президент КНР Си Цзиньпин дал указание НОАК быть готовым к вторжению на Тайвань к 2027 г.¹⁸

Дэвид Финкельштейн, аналитик Центра военно-морского анализа, считает, что Китай не откажется от возможности применения силы в отношении Тайваня. «Военный вариант висит над Тайваньским проливом, как дамоклов меч», – заключает он¹⁹.

На самом острове все отчетливее слышны голоса, призывающие к отделению от Китая. Так, бывший президент Тайваня Ма Инцзю не раз заявлял о своих намерениях начать нормализацию отношений по обе стороны пролива путем создания обеими сторонами общего рынка, установления прямого воздушного сообщения с КНР, а также снятия других ограничений на контакты по обе стороны пролива. Он призвал к «дипломатическому перемирию» с КНР и обязался прекратить использовать «дипломатию доллара»²⁰.

¹⁷ Recent Chinese Spy Cases in Taiwan: Knowns, Unknowns, and Implication // Global Taiwan Institute. September 4, 2024. URL: <https://globaltaiwan.org/2024/09/recent-chinese-spy-cases-in-taiwan/> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁸ Despite readiness plans, China has doubts on ability to invade Taiwan, CIA chief says // Los Angeles Times. February 27, 2023. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2023-02-27/china-doubts-ability-invade-taiwan-cia-burns-says> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁹ Finkelstein D. How DC became obsessed with a potential 2027 Chinese invasion of Taiwan // Defense News. 7 мая 2024. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2024/05/07/how-dc-became-obsessed-with-a-potential-2027-chinese-invasion-of-taiwan/> (дата обращения: 11.07.2025).

²⁰ Полякова Т. Указ. соч.

«На последних выборах победу одержала Демократическая прогрессивная партия (ДПП), ведущая политику по достижению независимости Тайванем. В 2024 г. Китай не отреагировал так резко на победу данной партии». В.Б. Кашин считает, что победа ДПП на президентских выборах ставит под вопрос перспективы стратегии Пекина по мирному воссоединению острова с материком [Кашин и др. 2024].

При этом в одном из интервью, где была затронута тема Тайваня и возможного военного сценария развития конфликта, Хиллари Клинтон заявила, что правительство Китая пристально наблюдало за ходом военных действий на Украине, и эти события показали возможные риски вторжения, по крайней мере отсрочив подобные действия со стороны КНР²¹.

Несмотря на то что нельзя сделать окончательный вывод о готовности Китая к вторжению на остров, это сценарий, к которому готовятся все стороны конфликта. В случае развертывания подобного сценария неизбежны последствия как для мировой экономики, так и для расстановки политических сил в регионе и во всем мире, учитывая значимость задействованных акторов.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить следующее: противоречия между США и Китаем в рассматриваемом вопросе будут только нарастать. Для Китая его территориальная целостность является не только одним из пунктов текущей повестки, но и фундаментальным принципом, имеющим исторические корни и юридическое обоснование согласно международному праву. Для США Тайвань имеет решающее стратегическое значение, являясь форпостом Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подобно тому как Израиль является таковым на Ближнем Востоке.

Китай провозглашает свое намерение присоединить Тайвань мирными средствами. Тем не менее в последние годы все чаще звучат прогнозы (например, в упоминавшихся работах В. Кашина), предполагающие военный способ разрешения территориального конфликта. Возможность воплощения такого сценария будет зависеть от многих факторов: общей геополитической обстановки и готовности США оказать военную помощь. Последний фактор

²¹ Hillary Clinton says Ukraine war has set back China's plans for Taiwan // Financial Times. 2024. URL: <https://www.ft.com/content/08546c35-1c14-43e9-8ee3-4aca5187a0fd> (дата обращения: 11.07.2025).

во многом зависит от объема и необходимости выполнения обязательств Вашингтона перед остальными союзниками. Тем не менее И.А. Цветков подчеркивает, что положение Тайваня нельзя сравнивать с другими союзниками США [Цветков 2021].

Президент Д. Трамп на данный момент продолжает политику «стратегической неопределенности», что объясняется в том числе важностью экономических связей с Пекином. Представитель Пентагона Джон Кирби в октябре 2021 г. заявлял, что Соединенные Штаты «не занимают никакой позиции» в отношении суверенитета Тайваня. Аналогичным образом высказался представитель Госдепартамента Нед Прайс. Однако эксперты по Тайваньскому вопросу считают, что такая формулировка не отражает позиции США. В действительности позиция США состоит в том, что статус Тайваня «не определен», как заявил президент Трумэн. Разница между двумя формулировками заключается в следующем: придерживаясь позиции, согласно которой статус Тайваня не определен, они тем самым не соглашаются с Пекином, однозначно считающим Тайвань частью Китая [Lee 2022]. При этом для Д. Трампа характерен подход к внешней политике, основанный на заключении сделок (transactional foreign policy). Таким образом, готовность предоставить защиту Тайваню во многом будет зависеть от того, насколько выгодно сотрудничество с островом с экономической точки зрения.

Что касается позиции Китая, он готовится к возможному военному конфликту, но пытается воздействовать на Тайвань дипломатическими методами. А. Ломанов цитирует видных китайских исследователей, которые считают, что следует углублять китайско-американское сотрудничество и не бросать вызов США; подобное поведение свидетельствовало бы о переоценке КНР своих сил. Исходя из тезиса о зависимости экономики Тайваня от КНР, китайский эксперт ставит на первое место задачи углубления экономической интеграции между двумя сторонами пролива [Ломанов 2022]. Более осторожный подход действительно способен оправдать себя, особенно если у власти окажутся силы, настроенные на углубление сотрудничества с Китаем, а не на отделение.

И для Китая, и для США было бы целесообразно заручиться поддержкой других государств в обоснование собственного трактования принципа «одного Китая», что и происходит в настоящий момент. Так, Датский институт международных исследований (DIIS) отмечает, что Китай оказывает давление на правительственные учреждения скандинавских стран с целью заставить их однозначно заявить о признании Тайваня частью Китая, отказавшись от использования наименования «Китайская Республика» [Цветков 2021].

Существующая в мире неопределенность может способствовать дальнейшей интенсификации конфликта. Вместе с тем именно необходимость урегулировать уже существующие противоречия и ликвидировать их последствия способна сдерживать государства от вступления в новые столкновения.

Тайвань продолжает оставаться наиболее вероятным очагом «горячего» конфликта с участием США и Китая, учитывая его стратегическую значимость и общую геополитическую напряженность.

Литература

- Живора 2020 – *Живора Л.И.* Эволюция геополитической ситуации в зоне Тайваньского пролива // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 177–190.
- Кашин 2021 – *Кашин В.Б.* Тайваньская проблема: военно-политические аспекты и последствия для российско-китайского военно-технического сотрудничества // Экспорт вооружений. 2021. № 5. С. 4–14.
- Кашин и др. 2024 – *Кашин В.Б., Пятачкова А.С., Гончаренко В.А., Александрова А.В.* Стратегии тайваньских политических партий в период предвыборной кампании 2023–2024 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 3. С. 9–26.
- Лексютина 2017 – *Лексютина Я.В.* США и политика «Одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 99–115.
- Ломанов 2022 – *Ломанов А.* От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2 (63). С. 150–174.
- Морозов 2024 – *Морозов Ю.В.* Тайвань как «яблоко раздора» во взаимоотношениях КНР и США // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. 2024. Вып. 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tayvan-kak-yabloko-razdora-vo-vzaimootnosheniyah-kr-i-ssha> (дата обращения: 12.11.2025).
- Сунь 2021 – *Сунь Ц.* Политика США по отношению к Тайваню в эпоху Д. Трампа // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2021. № 2 (251). С. 64–69.
- Цветков 2021 – *Цветков И.А.* Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 4. С. 393–408.
- Lee 2022 – *Lee J.* The One-China policy in transition // Georgetown Journal of International Affairs. 2022. Nov. 7. URL: <https://gjia.georgetown.edu/2022/11/07/the-one-china-policy-in-transition> (дата обращения: 12.11.2025).

References

- Kashin, V.B. (2021), "The Taiwan issue: military-political aspects and consequences for Russian-Chinese military-technical cooperation", *Arms Exports*, no. 5, pp. 4–14.
- Kashin, V.B., Pyatachkova, A.S., Goncharenko, V.A. and Aleksandrova, A.V. (2024), "Strategies of Taiwanese political parties during the 2023–2024 election campaign", *Far Eastern Studies*, no. 3, pp. 9–26.
- Lee, J. (2022), "The One-China policy in transition", *Georgetown Journal of International Affairs*, Nov. 7, available at: <https://gjia.georgetown.edu/2022/11/07/the-one-china-policy-in-transition> (Accessed 12 Nov. 2025).
- Leksyutina, Ya.V. (2017), "The U.S. and its 'One China' policy", *Outlines of Global Transformations*, vol. 10, no. 5, pp. 99–116.
- Lomanov, A. (2022), "From reunification to national revival: China's contemporary approach to the Taiwan problem", *Pathways to Peace and Security*, vol. 63, no. 2, pp. 150–174.
- Morozov, Yu.V. (2024), "Taiwan as a 'bone of contention' in relations between China and the USA", *Kitai v mirovoi i regional'noi politike: Istoriya i sovremennost'*, iss. 29, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tayvan-kak-yabloko-razdora-vo-vzaimootnosheniyah-knr-i-ssha> (Accessed 12 Nov. 2025).
- Sun, J. (2021), "US policy on Taiwan in the era of Trump", *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filozofiya*, vol. 251, no. 2, pp. 64–69.
- Tsvetkov, I.A. (2021), "The problem of US international obligations after withdrawal from Afghanistan: Is America ready to defend Taiwan?", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, iss. 4, pp. 393–408.
- Zhivora, L.I. (2020), "The evolution of the geopolitical situation in the Taiwan strait", *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, vol. 23, no. 1, pp. 177–190.

Информация об авторе

Рамазан Элимхаджиев, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; elim.ramzan@gmail.com

Information about the author

Ramazan Elimkhajiyev, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; elim.ramzan@gmail.com

УДК 327.8(529)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-140-149

Эволюция внешнеполитического курса Тайваня: отношения с США и Японией

Никита К. Панько

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, nik.panko.1999@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу внешнеполитического курса Тайваня в период с 2016 по 2025 г., охватывающему президентские сроки Цай Инвэнь и Лай Циндэ. За рассматриваемый период Тайвань оказался в эпицентре нарастающей геополитической турбулентности: рост напряженности в Тайваньском проливе, изменения глобального баланса сил и углубление соперничества между КНР и США. Особое внимание уделяется трансформации стратегических приоритетов Тайбэя, направленных на выстраивание более тесного сотрудничества с ключевыми партнерами – прежде всего Соединенными Штатами и Японией. В статье рассматриваются такие направления взаимодействия, как оборонная сфера, экономические инициативы и вопросы региональной безопасности. Цель статьи – определить основные направления эволюции внешнеполитического курса Тайваня в 2016–2025 гг. Основные задачи исследования включают: определение внешнеполитических приоритетов Тайбэя после прихода к власти Демократической прогрессивной партии (ДПП), а также оценку характера и степени взаимодействия с основными внешнеполитическими партнерами – США и Японией. Результаты исследования демонстрируют постепенное усиление активного внешнеполитического подхода Тайваня, направленного на укрепление международной субъектности в условиях ограниченного дипломатического признания.

Ключевые слова: Тайвань, США, Япония, Азиатско-Тихоокеанский регион, Тайваньский пролив, внешняя политика, Цай Инвэнь, Лай Циндэ

Для цитирования: Панько Н.К. Эволюция внешнеполитического курса Тайваня: отношения с США и Японией // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 140–149. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-140-149

© Панько Н.К., 2026

Evolution of the foreign policy course of Taiwan: relations with the United States and Japan

Nikita K. Panko

RUDN University, Moscow, Russia, nik.panko.1999@mail.ru

Abstract. The article analyzes Taiwan's foreign policy course from 2016 to 2025, covering the presidential terms of Tsai Ing-wen and Lai Ching-te. During that period, Taiwan found itself at the epicenter of the growing geopolitical turbulence characterized by the rising tensions in the Taiwan Strait, the shifts in the global balance of power, and the deepening of the U.S. – China rivalry. Special attention is given to the transformation of Taipei's strategic priorities, which are currently focused on fostering closer cooperation with the key partners – primarily the United States and Japan. The article examines the areas of interaction such as defense, economic initiatives, and the regional security issues. The purpose of this study is to identify the main directions of the evolution of Taiwan's foreign policy course in 2016–2025. The key objectives include analyzing the transformation of Taipei's foreign policy priorities following the Democratic Progressive Party's (DPP) rise to power, identifying the factors that influenced the changes in the strategic trajectory, and assessing the nature and extent of Taiwan's cooperation with its main partners: the U.S. and Japan. The findings demonstrate the gradual strengthening of Taiwan's proactive foreign policy aimed at enhancing its international entity in the context of limited diplomatic recognition.

Keywords: Taiwan, United States, Japan, Asia-Pacific region, Taiwan Strait, foreign policy, Tsai Ing-wen, Lai Ching-te

For citation: Panko, N.K (2026), "Evolution of the foreign policy course of Taiwan: relations with the United States and Japan", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 140–149, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-140-149

Введение

За последние 10 лет внешнеполитический курс Тайваня претерпел значительные изменения. С приходом к власти Цай Инвэнь в 2016 г. и последующим избранием Лай Циндэ в 2024 г. Тайвань отошел от консенсуса 1992 г.¹ Этот процесс знаменуют собой переход к более самостоятельной внешнеполитической линии, ориен-

¹ Термин «Консенсус 1992 г.» – неформальная договоренность между КНР и КР о признании существования одного Китая при сохранении разных интерпретаций этого принципа.

тированной на развитие отношений с ключевыми партнерами-единомышленниками, прежде всего с США и Японией.

Трансформация внешней политики острова происходит в условиях смещения баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе в сторону КНР, а также нарастающего политического и экономического противостояния между Пекином и Вашингтоном. США, рассматривающие Тайвань как инструмент сдерживания КНР, предоставляют Тайбэю оружие, политическую и экономическую поддержку. Законодательные инициативы Вашингтона, такие как закон о поездках на Тайвань, способствуют углублению двусторонних связей и демонстрируют стратегическую значимость острова в контексте американо-китайской конкуренции. Параллельно Япония расширяет сотрудничество с Тайванем, рассматривая его как важный элемент региональной безопасности и экономического партнерства.

Исследование эволюции внешнеполитического курса Тайваня не только соответствует актуальности с точки зрения анализа внешнеполитической стратегии Тайбэя, но и отражает более широкие процессы перераспределения сил в АТР.

Цель статьи – определить основные направления эволюции внешнеполитического курса Тайваня в 2016–2025 гг. В задачи исследования входят: анализ трансформации внешнеполитических приоритетов Тайбэя после прихода к власти Цай Инвэнь и Лай Циндэ, а также проведение оценки характера и степени взаимодействия Тайваня с основными внешнеполитическими партнерами – США и Японией.

Методология исследования базируется на структурно-функциональном и сравнительно-историческом подходах с элементами анализа внешнеполитических дискурсов и официальных документов.

Исследование американо-тайваньских отношений опирается на научные труды В.В. Харичкова и Т.Дж. Шаттака. Значительный вклад в изучение сотрудничества Тайваня и Японии внесли работы В.О. Кистанова и Э. Чаня.

Сотрудничество Тайваня с США на современном этапе

Период президентства Цай Инвэнь и Лай Циндэ (2016–2025 гг.) стал важной вехой в эволюции американо-тайваньских отношений. Несмотря на сохранение политики стратегической неопределенности, в рамках которой правительство США остав-

ляет за собой право на реагирование в случае вторжения КНР на остров, в годы администраций Д. Трампа (2016–2020 гг.) и Джо Байдена (2020–2024 гг.) наметился отход от прежней модели сдержанного подхода Вашингтона к тайваньской проблеме, что связано с вступлением США в стратегическую конкуренцию с КНР [Харичков 2024, с. 115].

Существенным шагом в развитии неофициальных двусторонних отношений стало принятие Конгрессом США Закона о поездках на Тайвань², легитимизировавшим визиты должностных лиц всех уровней правительства США. Кульминацией принятого закона стал визит спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси на остров в 2022 г., вызвавший сильный протест со стороны КНР. Кроме того, был принят стратегически важный документ – Закон «о международной инициативе союзников Тайваня по защите и укреплению», также известный как “TAIPEI Act”. Закон предусматривает санкционные меры против стран, которые под давлением КНР прекратят отношения с Тайванем³.

В связи с обострением стратегической конкуренции между КНР и США, а также сменой политического курса Цай Инвэнь, направленного на снижение экономической зависимости от Китая, значительно расширилось экономическое сотрудничество между Вашингтоном и Тайбэем. С 2022 по 2024 г. на этом фоне заметно увеличилась доля экспорта в США. По данным Министерства финансов КР, в 2024 г. этот показатель составил рекордных 111,4 млрд долларов, увеличившись на 46,1%, что стало восьмым годом непрерывного роста⁴. В данном контексте американские инвестиции стали важным источником экономического роста. Компания TSMC – мировой лидер по производству микрочипов, получила грант от США в размере 6,6 млрд долларов на строительство трех современных фабрик в Аризоне. Общий объем инвестиций составил 65 млрд долларов, включая создание исследовательского центра и упаковочных линий. Эти инвестиции позволят создать более 6 тыс. высококвалифицированных

² H.R.535 Taiwan Travel Act // Congress.gov. 2017–2018. URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text?utm_source (дата обращения: 22.01.2026).

³ Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative (TAIPEI) Act // Congress.gov. 23.05.2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1678> (дата обращения: 08.10.2025).

⁴ Annual External Trade Report in 2024 // Ministry of Finance, R.O.C. 2024. URL: https://service.mof.gov.tw/public/Data/statistic/bulletin/114/113年我國出進口貿易概況_英文版_上網.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

рабочих мест и свыше 20 тыс. мест в строительной отрасли, а США получат возможность локального производства самых передовых 4 и 2 нанометровых чипов к 2028 г.⁵

Важным аспектом двусторонних отношений является вовлечение Тайваня в региональные инициативы по сдерживанию Китая в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии США [Харичков 2024, с. 117]. Начиная с 2019 г. администрация США одобрила серию крупных сделок по продаже вооружений на сумму 8 млрд долларов⁶. В дополнение к продаже вооружений США оказали Тайваню прямую финансовую помощь. В 2023 г. в рамках программы Foreign Military Financing (FMF) Тайваню было перераспределено 55 млн долларов⁷. При этом военное сотрудничество ориентировано на развитие асимметричной обороны, предполагающей развитие мобильных, высокоточных и относительно недорогих средств сдерживания, призванных компенсировать количественное превосходство НОАК.

Дополнительным фактором, влияющим на динамику американо-тайваньских отношений, стало избрание Лай Цинлэ в 2024 г. Новый глава администрации рассматривается в Вашингтоне как продолжатель курса Цай Инвэнь. С приходом к власти Д. Трампа в 2025 г. США, по мнению Томаса Дж. Шаттака, вернулись к стратегической двусмысленности. Однако отношение к Тайваню у новой администрации не столь однозначно положительное, как у предыдущих. Д. Трамп неоднократно критиковал Тайбэй за низкий уровень оборонных расходов, обвинял Тайвань в якобы краже американских рабочих мест. Такие жесткие заявления стали неожиданностью для администрации новоизбранного президента Лай Циндэ. Дж. Шаттак считает, что в целом, несмотря на провокационную риторику, США не отошли от своей прежней политики в отношении острова [Shattuck 2025].

⁵ TSMC begins producing 4-nanometer chips in Arizona, Ramondo says // Reuters. 11.01.2025. URL: <https://www.reuters.com/technology/tsmc-begins-producing-4-nanometer-chips-arizona-raimondo-says-2025-01-10/> (дата обращения: 08.10.2025).

⁶ США передали Тайваню первый из 66 заказанных истребителей F-16 // ТАСС. 30.03.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23549171> (дата обращения: 08.10.2025).

⁷ Wicker comments on foreign military financing reprogramming for Taiwan // Press Releases. 14.09.2023. URL: <https://www.wicker.senate.gov/2023/9/wicker-comments-on-foreign-military-financing-reprogramming-for-taiwan> (дата обращения: 08.10.2025).

Д. Сакс более скептически относится к нынешней политике администрации. Автор считает, что такой подход потенциально может воодушевить Пекин решить тайваньский вопрос силой⁸. Отчасти такие опасения могут быть обусловлены публикацией новой Национальной стратегии безопасности, где на первый взгляд отражено смещение акцента на соперничество великих держав, характерное для двух предыдущих администраций, на отказ от претензий на глобальное доминирование. В документе нет нового курса в отношении Тайваня. Изменения касаются прежде всего значимости Индо-Тихоокеанского региона, однако формулировки, посвященные острову, в целом соответствуют прежнему курсу и не свидетельствуют об ослаблении американской поддержки. В рамках нового подхода заинтересованность США в Тайване описывается в терминах материального интереса. Подчеркивается значение географического положения острова, обеспечивающего доступ ко Второй островной цепи и разделяющего Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию на два самостоятельных театра, а также важность полупроводниковой промышленности для устойчивости глобальных цепочек поставок⁹. Подобная риторика, с одной стороны, отражает реалистский характер внешнеполитического мышления администрации Д. Трампа, а с другой – ведет к инструментализации Тайваня как элемента широкой региональной стратегии США. Таким образом, несмотря на общую декларацию избирательного подхода к вмешательству за рубежом по сравнению с предыдущими правительствами США, эти изменения не получили последовательного отражения в практической плоскости. Администрация Трампа продолжила практику поставок вооружений Тайваню и не заняла новых позиций по вопросу суверенитета острова¹⁰.

⁸ *Sacks D.* Trump is making Taiwan More Vulnerable // Council on Foreign Relations. 2025. URL: <https://www.cfr.org/blog/trump-making-taiwan-more-vulnerable> (дата обращения: 29.09.2025).

⁹ National Security Strategy of the United States of America // The White House. 03.11.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 25.01.2026)

¹⁰ Taiwan and the Trump Administration's National Security Strategy // IGCC. 22.01.2026. URL: <https://ucigcc.org/blog/taiwan-and-the-trump-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 25.01.2025).

Сотрудничество Тайваня с Японией на современном этапе

Отношения между Тайванем и Японией в период президентства Цай Инвэнь и Лай Циндэ также существенно укрепились. В 2017 г. было переименовано японское де-факто посольство на Тайване. Вместо “Interchange Association” («Ассоциация взаимобмена») оно стало называться “Japan – Taiwan Exchange Association” («Японско-тайваньская ассоциация обмена»), что воспринималось как символическое повышение статуса связей. В мае того же года первый замминистра внутренних дел Японии Джиро Акама посетил Тайвань для участия в японской туристической ярмарке. Как отмечает профессор Токийского университета Ясухиро Мацуда, хотя официальные встречи японского замминистра с его тайваньским коллегой или другими должностными лицами организованы не были, сам факт визита можно рассматривать как «важный прорыв» во взаимоотношениях Японии с островом со времен разрыва дипломатических отношений в 1972 г.¹¹

В период, совпадающий с премьерством Синдзо Абэ, а затем Ёсихидэ Суги, Япония продолжала укреплять гуманитарные и торгово-экономические связи с Тайбэем. Одним из ключевых эпизодов стало предоставление Тайваню партий вакцины AstraZeneca в 2021 г. в разгар пандемии COVID-19¹². Кроме того, Япония активно поддерживала участие Тайваня в международных организациях, включая Всемирную организацию здравоохранения¹³.

Поворотным моментом стало официальное упоминание Тайваньского пролива в Белой книге по обороне Японии в 2020 г., что трактовалось как завуалированная поддержка Тайваня на фоне растущей угрозы со стороны КНР¹⁴.

¹¹ Japan-Taiwan relations under Beijing’s watchful eye // East Asia Foun. 06.05.2017. URL: <https://eastasiaforum.org/2017/05/06/japan-taiwan-relations-under-beijings-watchful-eye/> (дата обращения: 08.10.2025).

¹² Exclusive Interview Taiwan’s President Tsai Ing-wen Seeks security talks with Japanese Government // Politics & Security. 2019. URL: <https://japan-forward.com/exclusive-interview-taiwans-president-tsai-ing-wen-seeks-security-relationship-with-japan/> (дата обращения: 08.10.2025).

¹³ Japan’s Foreign Policy that Takes a Piratic Perspective of the World Map // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2020. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2020/html/chapter2/c020103.html> (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁴ The Japanese Government’s Shifting Rhetoric about Taiwan and Its Significance // The Asian Forum. 2021. URL: <https://theasianforum.org/10882-2/> (дата обращения: 24.08.2025).

Экономическое сотрудничество между обеими сторонами в период президентства Цай Инвэнь и Лай Циндэ также активно развивалось, особенно в таких сферах, как двусторонняя торговля, инвестиции, высокие технологии, полупроводники, машиностроение, химическая промышленность, сфера научных разработок. Был реализован ряд масштабных совместных проектов. В 2021 г., например, тайваньская корпорация TSMC при поддержке японского правительства и компаний Sony, Denso и Toyota приступила к строительству завода по производству полупроводников «JASM» в префектуре Кумамото. Стоимость проекта составила около 1,1 трлн йен (8,6 млрд долларов США), из которых почти половина суммы будет выделена японским правительством в виде субсидий¹⁵.

Чрезвычайно важным аспектом двусторонних отношений является сотрудничество в сфере безопасности. Как отмечает руководитель Центра японских исследований в Институте Китая и современной Азии РАН В.О. Кистанов, в последние годы подход японского руководства к отношениям с Тайванем претерпел существенные изменения: на фоне растущего противостояния США и КНР, смещением баланса в регионе в пользу КНР, а также ухудшения отношений между материком и островом, в Японии как на уровне экспертов, так и на уровне политического руководства активизировалось обсуждение роли «Страны восходящего солнца» в урегулировании Тайваньского кризиса [Кистанов 2022, с. 29].

Эта тенденция нашла отражение и в «Белой книге обороны», где Тайвань впервые был прямо обозначен как фактор безопасности для Японии, а КНР впервые была названа «величайшим стратегическим вызовом»¹⁶. В отчете по обороне, представленном в 2025 г., Токио и вовсе охарактеризовал это как наращивание военной активности КНР у побережья как «самую значимую стратегическую угрозу», а также увеличил темпы закупки оборонительного оружия и ракетных систем¹⁷. Кроме того, как отмечают эксперты, законодательные реформы в Японии расширили возможности ее самообороны: теперь теоретически возможен ответ на кризисы,

¹⁵ Japan fab to cement TSMC lead: analysts // Taipei Times. 2025. 25.02. URL: <https://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2024/02/25/2003814057> (дата обращения: 08.10.2025).

¹⁶ National Security Strategy of Japan 2022 // Ministry of Defense of Japan. 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/pdf/security_strategy.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

¹⁷ Japan's defense white paper highlights China's military drills around Taiwan // Focus Taiwan. 2025. 15.07. URL: <https://focustaiwan.tw/cross-strait/202507150029> (дата обращения: 24.08.2025).

включающие потенциальную эскалацию в Тайваньском проливе, что ранее ограничивалось реакцией только на прямую угрозу японской территории [Chan 2022, pp. 4–7].

Заключение

Период президентства Цай Инвэнь и Лай Циндэ (2016–2025 гг.) ознаменовался беспрецедентным укреплением связей между Тайванем и США. Это проявилось как в сфере обороны – через масштабные поставки вооружений и обучение, так и в экономике через инвестиции, диверсификацию торговли и развитие технологического партнерства. США выступали ключевым партнером Тайваня в условиях геополитического давления со стороны КНР, в то время как Тайвань становился все более важным экономическим и стратегическим союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Новый срок Д. Трампа показал, что США и дальше будут следовать своей политике стратегической неопределенности, что означает, что США и сохраняют гибкость и непредсказуемость в своем подходе к тайваньскому вопросу.

В то же время отношения между Тайванем и Японией претерпели существенную эволюцию: от ограниченного неформального взаимодействия к устойчивому политико-экономическому и полуофициальному стратегическому партнерству. Не придавая двусторонним отношениям официальный статус, стороны смогли нарастить сотрудничество в областях, где это возможно: публичная и культурная дипломатия, гуманитарное сотрудничество, сотрудничество в сфере торговли и инвестиций. Кроме того, Япония, особенно после 2020 г., все активнее выражала обеспокоенность нарастающим кризисом между КНР и Тайванем, что отражалось в изменении риторики официальных документов. Можно констатировать, что подход, избранный руководством Тайваня и Японии для развития двусторонних отношений, позволил Тайваню усилить внешнюю поддержку, оставаясь в рамках ограничений, связанных с международным статусом, а Японии – сохранять баланс между обязательствами перед партнерами и осторожностью в связи с необходимостью соблюдать политику «одного Китая».

Литература

Кистанов 2022 – Кистанов В.О. Тайвань и безопасность Японии: анатомия японских подходов к Тайваньскому вопросу // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 28–43.

- Харичков 2024 – Харичков В.В. Эволюция отношений США и Тайваня: история и современность // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. № 2. С. 107–226.
- Chan 2022 – Chan E. The future of Taiwan–Japan defense cooperation // *Global Taiwan Brief*. Vol. 7. Iss. 6. P. 4–7.
- Shattuck 2025 – Shattuck T.J. The return to strategic ambiguity: Assessing Trum’s Taiwan stance // Foreign Policy Research Institute. 2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/05/the-return-to-strategic-ambiguity-assessing-trumps-taiwan-stance/> (дата обращения: 9.12.2025).

References

- Chan, E. (2022), “The future of Taiwan–Japan defense cooperation”, *Global Taiwan Brief*, vol. 7, iss. 6, pp. 4–7.
- Kistanov, V.O. (2022), “Taiwan and Japan’s security: anatomy of Japanese approaches to the Taiwan issue”, *Far Eastern Studies*, no. 6, pp. 28–43.
- Kharichkov, V.V. (2024), “The evolution of US–Taiwan relations: history and the present day”, *Pacific Rim APR: Economics, Politics, Law*, no. 2, pp. 107–226.
- Shattuck T.J. (2025), “The return to strategic ambiguity: Assessing Trump’s Taiwan stance”, *Foreign Policy Research Institute*, available at: <https://www.fpri.org/article/2025/05/the-return-to-strategic-ambiguity-assessing-trumps-taiwan-stance/> (Accessed 9 Dec. 2025).

Информация об авторе

Никита К. Панько, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; nik.panko.1999@mail.ru

Information about the author

Nikita K. Panko, postgraduate student, RUDN University, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklai St., Moscow, Russia, 117198; nik.panko.1999@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 323.2(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-150-167

Проблема дезинформации в консервативном дискурсе во время электоральной кампании–2024 и второго президентского срока Д. Трампа

Павел Г. Кошкин

*Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН (ИСКРАН),
Москва, Россия, pasha.koshkin@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются республиканские нарративы на предмет наличия недостоверных и ложных сведений во время президентских выборов в прошлом году и в первые месяцы после возвращения Д. Трампа в Белый дом. Хронологические рамки – с января 2024 по июнь 2025 г. С опорой на теоретические и практические материалы автор проводит выборочный анализ публикаций в ряде СМИ правого толка (телеканал “Fox News”, газета “Washington Times”, таблоид “New York Post”), а также материалов Конгресса, выступлений и официальных документов Белого дома. Отдельно рассматривается активность миллиардера И. Маска и действующего президента США в социальных сетях. Для достижения поставленных научных целей использует метод верификации и опровержения, равно как и анализ первоисточников, дискурс-анализ, а также «кейс-стади» и повествовательно-нарративный метод. В заключение делаются выводы о политических и социальных первопричинах роста сомнительной и неточной информации в дискурсе трампистов. Дается объяснение, почему американцы в последнее время часто полагаются на консервативные и зачастую недостоверные источники информации вместо умеренных и более качественных СМИ.

Ключевые слова: дезинформация, пропаганда, выборы – 2024, Дональд Трамп, Илон Маск, американские СМИ, консерваторы, демократы, метод верификации, анализ первоисточников, кейс-стади, США

Для цитирования: Кошкин П.Г. Проблема дезинформации в консервативном дискурсе во время электоральной кампании–2024 и второго президентского срока Д. Трампа // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 150–167. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-150-167

© Кошкин П.Г., 2026

The problem of disinformation in the conservative discourse during the 2024 electoral campaign and Donald Trump's second presidential term

Pavel G. Koshkin

*Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia,
pasha.koshkin@gmail.com*

Abstract: The current article is dedicated to increasing disinformation in the Republican narratives during the 2024 presidential election and after Donald Trump's return to the White House. The chronological framework ranges from January 01, 2024 to June 10, 2025. Based on the theoretical and empirical materials, this publication selectively analyzes the articles in some rightwing media outlets (the Fox News, the Washington Times, the New York Post) as well as the Congressional hearings transcripts and the official White House records. In the paper, separate consideration is given to Elon Musk's and the incumbent President's media activity. The author, to reach his scientific goals, uses the method of verification and refutation, the analysis of primary sources, the discourse analysis, the case studies and the narrative approach. In conclusion, the author sums up his theses, with digging into the socio-political roots of the growth of dubious information in the conservative discourse and at the same time presenting an explanation of why Americans have been increasingly relying on disinformation since early 2024, instead of looking into the centrist and quality media.

Keywords: disinformation, propaganda, 2024 elections, Donald Trump, Elon Musk, American media, conservatives, democrats, verification method, primary sources analysis, case studies, USA

For citation: Koshkin, P.G. (2026), "The problem of disinformation in the conservative discourse during the 2024 electoral campaign and Donald Trump's second presidential term", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 150–167, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-150-167

Введение

В условиях общественно-политической поляризации в США обостряется и проблема дезинформации в СМИ, как в прессе, так на телевидении и в интернете. Во время президентских выборов-2024 и после избрания Д. Трампа на второй срок ситуация еще больше усугубилась. Республиканцы начали против демократов «крестовый подход» в ответ на регулярные информационные

атаки со стороны либералов в отношении консерваторов. Все это сопровождалось существенным ростом недостоверных или как минимум непроверенных сведений и ошибок во многих изданиях, нередко даже в уважаемых¹.

Показательным примером является повсеместное тиражирование неверифицированных «утечек» о плачевном состоянии умственно-физического здоровья экс-президента Дж. Байдена или же сюжеты про острый конфликт в лагере либералов вокруг выдвижения «некомпетентной» К. Харрис на высший пост в разгар электорального цикла-2024 (в частности, после выхода бывшего президента с гонки вследствие провальных дебатов с Д. Трампом 27 июня). Все это можно было отнести к разряду неподтвержденных теорий или просто предвзятых мнений, однако отдельные журналисты и комментаторы нередко подавали данную информацию как неопровержимый факт. Более того, бездоказательно констатировали якобы целенаправленное сокрытие демократами неудобной правды о когнитивном упадке отставного главы государства из электоральных соображений².

¹ В августе 2024 г. ведущая левоцентристского телеканала PBS Дж. Вудрафф извинилась за то, что в эфире озвучила неподтвержденную гипотезу о якобы сговоре на тот момент кандидата в президенты Д. Трампа и премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в целях затягивания мирных переговоров вокруг Сектора Газа, чтобы не дать претенденту на высший пост от демократов К. Харрис заработать на этом электоральные очки. Подобные версии распространяли авторитетные издания – интернет-ресурс Axios и информационное агентство Reuters. Однако впоследствии они были опровергнуты. См.: PBS' Judy Woodruff apologizes for an on-air remark about peace talks in Israel // The Associated Press. 2024. August 22. URL: <https://apnews.com/article/pbs-woodruff-israel-gaza-apology-578b61c242332439d0064cce9090ff15> (дата обращения: 25.05.2025).

² См.: *Rudy M.* Biden cognitive health concerns: What did Kamala Harris know? Experts warn of denial dangers // Fox News. 2024. August 01. URL: <https://www.foxnews.com/health/biden-cognitive-health-concerns-kamala-harris-experts-warn-denial-dangers> (дата обращения: 25.05.2025); *King R.* New details emerge about Biden's mental state – and the steps staffers take to shield the “10am to 4pm president” // New York Post. 2024. June 30. URL: <https://nypost.com/2024/06/30/us-news/disturbing-new-details-emerge-about-bidens-mental-state-and-the-steps-staffers-go-to-hide-them/> (дата обращения: 25.05.2025); *Mordock J.* Hiding in plain sight: Biden's mental, physical decline on display from the start // Washington Times. 2024. July 10. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2024/jul/10/hiding-in-plain-sight-joe-bidens-mental-physical-d/> (дата обращения: 25.05.2025).

В свете масштабных реформ Д. Трампа в госаппарате и смены внешнеполитического вектора США недостоверные или неточные сведения в масс-медиа по-прежнему множатся и становятся скорее нормой, чем отклонением на фоне роста популярности так называемой гражданской или блоговой журналистики вкупе с дефицитом медиаграмотности населения³. Ситуация вряд ли изменится в свете нарастающих «идеологических войн» между либералами и консерваторами. Тем более по мере приближения промежуточных выборов в Конгресс, а потом и очередной президентской гонки (в ноябре 2026, 2028 гг.).

Поэтому данная работа представляется весьма актуальной. В последнее время ощущается заметная нехватка академических публикаций, в которых проблема дезинформации рассматривалась бы в контексте внутривнутриполитической динамики Соединенных Штатов с упором на консервативный дискурс. Хотя, следует отметить, данная тема является далеко не новой в научной среде: ей посвящено немало учебных пособий, монографий и статей, в том числе работ, принадлежащих перу автора этой публикации [Кошкин 2019; Макашова 2023; Диреев 2025].

В целом в качестве источников используются не только публикации в американских СМИ, но и материалы парламентских расследований, исполнительные указы Белого дома, расшифровки слушаний в Конгрессе и отдельные законопроекты, в которых прослеживаются признаки дезинформации. Цель – выявить примеры распространения недостоверных сведений в консервативном дискурсе и объяснить, почему подобные нарративы популярны среди населения, политиков и госслужащих. Задачи – задействовать комплексную методологию для анализа различных аспектов американской журналистики, а также деятельности законодателей, Д. Трампа и его сторонников.

Методология, терминология и хронология

В настоящей статье используется комплексный подход – применяется несколько научных инструментов. Среди них – «кейс-стади» в целях рассмотрения конкретных примеров

³ Prothero A. Many adults did not learn media literacy skills in high school. What schools can do // Education Week. 2022. September 19. URL: <https://www.edweek.org/teaching-learning/many-adults-did-not-learn-media-literacy-skills-in-high-school-what-schools-can-do-now/2022/09> (дата обращения: 25.05.2025).

распространения недостоверных сведений в прореспубликанских СМИ [Варганова 2006]. А также – метод верификации и опровержения, включая фактчекинг, проверку истинности или ложности утверждений политиков, публичных деятелей и журналистов вкупе с анализом первоисточников – оригинальных материалов в СМИ, цитат и документов [Ульбашова 2019; Поппер 2024; Калинина 2020; Корнев 2020]. Кроме того, в методологическую «базу» входят описание и повествование, а именно – подача актуальных событий в хронологическом порядке [Афанасьев, Афанасьева, Павленко 2022], дискурсивный анализ или выявление определенных нарративов вокруг резонансных историй [Wodak, Meyer 2002].

Вместе с тем терминологический аппарат включает в себя несколько довольно часто употребляемых понятий при исследовании массовых коммуникаций. Речь прежде всего о «пропаганде» (целенаправленная медийная кампания в попытках изменения мировоззрения у аудитории), «дезинформации» (умышленное распространение лжи, неподтвержденных или сфабрикованных новостей для дискредитации оппонентов или достижения политической, электоральной и экономической выгоды), «постправде» (абсолютизация личного мнения и эмоций в ущерб объективным фактам и научному знанию) и «имиджевой войне» (взаимная дискредитация двух или более конфликтующих сторон с помощью современных коммуникационных технологий) [Кошкин 2019; Журавлева 2012]. Как видно из представленных определений, все они отличаются друг от друга и имеют свои нюансы. Важно также понимать, что непреднамеренные ошибки и прочие сопутствующие неточности при освещении тех или иных событий («мисинформация») не равносильны целенаправленному тиражированию недостоверных сведений⁴.

Хронологические рамки – элективный анализ онлайн-публикаций в консервативных медиа (“Fox News”, “New York Post”, “Washington Times”, соцсети политиков) с января 2024 г. по июнь 2025 г. Данный период выбран, поскольку весь 2024 год шла идеологическая борьба между демократами на фоне всеобщих выборов (избирались президент, весь состав Палаты представителей, треть Сената и часть губернаторского корпуса, не считая борьбу за места

⁴ “Misinformation” vs. “Disinformation”: Get informed on the difference // Dictionary.com. August 15, 2022. URL: <https://www.dictionary.com/e/misinformation-vs-disinformation-get-informed-on-the-difference/> (дата обращения: 26.05.2025).

в местные муниципалитеты⁵). Тогда как в 2025 г. прослеживается очередное обострение между либералами и консерваторами после возвращения Д. Трампа в Белый дом.

Дезинформация во внутренней информационной борьбе США

В силу высокой конкурентности американской избирательной системы и де-факто непрерывности электоральных циклов (к выборам здесь готовятся постоянно и в режиме реального времени) политическая система США имеет ряд уязвимостей. Во-первых, встроенный в нее принцип состязательности предусматривает наличие внутреннего конфликта, в худшем случае может обострить поляризацию и привести к социальному, пусть и регулируемому, напряжению. Во-вторых, подобная «токсичность» данной среды неизбежно создает благоприятную почву для распространения дискредитирующих и зачастую недостоверных сведений о публичных деятелях и кандидатах на те или иные посты в государственных институтах. По сути, выступает механизмом «естественного отбора»: побеждают наиболее компетентные фигуры, подготовленные к информационному противоборству и «культурным войнам»⁶.

Источниками дезинформации, как правило, являются политизированные СМИ и другие онлайн-ресурсы, такие как соцсети, тематические форумы, подкасты и блоги. Нередко сами политики осуществляют «вбросы», чтобы ввести оппонентов в заблуждение или очернить их. При этом используются традиционные методы: внутренние анонимные «утечки» в стремлении бросить тень на соперников⁷, поиск и масштабирование компромата на недоброжелателей, фабрикация новостей, подача резонансных сюжетов вне контекста, тиражирование сенсаций и неподтвержденных теорий, целенаправленное смещение оценок и мнений с фактами [Вишня 2017; Mettler, Mondak 2024; Walter, Salovich 2021]. Особенно по-

⁵ United States, general elections, 5 November 2024: Final report // Organization for security and co-operation in Europe. 2025. April 05. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/e/588772.pdf> (дата обращения: 26.05.2025).

⁶ Термин «культурные войны» ввел в 1991 г. американский социолог Джеймс Дэвидсон Хантер [Hunter 1991].

⁷ Dealing with leaks in the age of AI and disinformation // Harvard Kennedy School. 2025. June 12. URL: <https://www.hks.harvard.edu/events/dealing-leaks-age-ai-and-disinformation> (дата обращения: 27.05.2025).

пулярен фрейминг – подача информации под определенным углом вкуче с тиражированием частично достоверных, но неподтвержденных и, соответственно, потенциально ложных данных⁸.

В ход идут и более инновационные приемы, такие как создание группами интереса фальшивого аудиовизуального контента («дипфейки») в попытках дискредитировать оппонентов. Так, во время электоральной кампании – 2024 в соцсетях неоднократно появлялись видеоматериалы, на которых кандидат от демократов К. Харрис изображалась в состоянии опьянения⁹. С аналогичной проблемой сталкивался и Дж. Байден во время праймериз Демократической партии в Нью-Гэмпшире в январе 2024 г.: его конкуренты-однопартийцы инициировали автоматизированный аудиозвонок американским избирателям, в котором голосом бывшего президента призывали воздержаться от голосования в ходе первичных выборов либералов¹⁰.

Вместе с тем каналами дезинформации или непроверенных сведений становились и инициированные консерваторами заседания в Конгрессе, нередко превращавшиеся в подобие реалити-шоу в последние полтора года. По сути, Капитолий становился идеологизированной трибуной для выяснения отношений между демократами и республиканцами. На слушания приглашались не только политики и госслужащие, но и знаменитые эксперты, ученые-профессора и журналисты-разоблачители. Парламентский ресурс регулярно был задействован консерваторами или демократами как инструмент в имиджевой войне¹¹.

⁸ *Быстрицкая К.* Как создается дезинформация? // Российский совет по международным делам. 2023. 21 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/kak-sozdaetsya-dezinformatsiya/> (дата обращения: 26.05.2025).

⁹ Fact Check: Video of Harris was slowed down to make her appear drunk // Reuters. 2024. September 24. URL: <https://www.reuters.com/fact-check/video-harris-was-slowed-down-make-her-appear-drunk-2024-09-24/> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁰ *Seitz-Wald A.* Telecom company agrees to \$1M fine over Biden deepfake // NBC News. 2024. August 21. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/telecom-company-agrees-1-million-fine-biden-deepfake-rca167564> (дата обращения: 27.05.2025).

¹¹ См.: House Hearings transcripts // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/house-hearing-transcripts/> (дата обращения: 28.05.2025); Congressional Hearings // GovInfo. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/chrg> (дата обращения: 28.05.2025); Congressional Committee Hearings: Research guides // Library of Congress. URL: <https://guides.loc.gov/finding-government-documents/congressional-committee-hearings> (дата обращения: 28.05.2025).

Республиканцы, например, часто задействовали сюжеты вокруг нелегальной иммиграции, роста преступности, «насаждения» расово-гендерной, репродуктивной и климатической повесток. Вменяли демократам использование административного ресурса и правосудия для «обеления» собственного образа и подавления политических оппонентов, вплоть до труднодоказуемых обвинений в адрес Дж. Байдена за якобы организацию антитрамповских уголовных расследований¹².

Более того, консерваторы инициировали серию парламентских расследований о коррупционных связях экс-президента с иностранными государствами с прицелом на его импичмент. Однако опирались на недостоверные источники при формировании доказательной базы в данном процессе (либералы обвиняли оппонентов в политизации законодательной власти из электоральных соображений)¹³. Вполне ожидаемо весь это ультраправый дискурс транслировали симпатизирующие Д. Трампу издания и телеканалы.

Показательный пример – неоднократные выступления известного обозревателя и автора издания *Rolling Stone* Мэтта Тайбби перед законодателями в Палате представителей (по сути, в интересах республиканцев). Самые резонансные – по масштабной политической цензуре, в том числе в соцсети Twitter якобы с подачи Демократической партии и спецслужб в целях «обеления» Дж. Байдена и фильтрации компрометирующих сюжетов о политике и членах его семьи. Из недавнего – нападки журналиста на Агентство по международному развитию USAID и другие госведомства, которое при демократах якобы активно контролировали производство новостей в СМИ и аналитики в мозговых центрах,

¹² CNN Staff. Fact checking Trump and Johnson's election integrity announcement // CNN. 2024. April 12. URL: <https://edition.cnn.com/2024/04/12/politics/fact-check-trump-johnson-elections> (дата обращения: 28.05.2025).

¹³ См.: *Farrington D.* Here's what House Republicans are alleging in their impeachment inquiry against Biden // National Public Radio. 2023. Sept. 28. URL: <https://www.npr.org/2023/09/28/1202210240/biden-impeachment-inquiry-house-republicans-allegations-evidence> (дата обращения: 30.05.2025); *Benen S.* Why the GOP ignored warnings about their key anti-Biden witness // MSNBC. 2024. Feb. 26. URL: <https://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/maddowblog/gop-ignored-warnings-key-anti-biden-witness-rcna140488> (дата обращения: 30.05.2025); *Facts on Republicans' sham impeachment* // House Committee on Oversight and Government Reform Democrats. URL: <https://oversightdemocrats.house.gov/facts-on-republicans-sham-impeachment> (дата обращения: 30.05.2025).

под предлогом фактчекинга нередко создавали новые мифы и вводили общественность в заблуждение, блокируя консервативный нарратив и характеризуя альтернативные точки зрения как дезинформацию или «российскую пропаганду»¹⁴.

Кейс-стади в консервативном дискурсе: Три примера дезинформации

Кейс № 1: Теории заговора вокруг Дж. Байдена. Личность бывшего президента всегда была в фокусе внимания консерваторов. Д. Трамп при любой удобной возможности критиковал своего предшественника, перекадывая на него ответственность за всевозможные проблемы в стране, включая иммиграционный кризис, тяжелую криминогенную обстановку, экономические трудности и инфляцию. Республиканец осуждал демократа за внедрение в правительстве программ расово-гендерного равенства и климатические инициативы, одновременно вменяя коррупционные связи с иностранным бизнесом и использование административного ресурса для покрывательства преступлений сына Хантера (последний столкнулся с перспективой уголовной судимости за хранение оружия и неуплату налогов и впоследствии был помилован отцом).

Самым популярным сюжетом в ультраправом дискурсе стало умственно-физическое состояние отставного главы государства на фоне его регулярных публичных оговорок и курьезов. Именно предположения о старческих изменениях Дж. Байдена легли в основу многочисленных теорий заговора, которые распространяли не только консервативные СМИ, но и нынешний лидер нации. Так, в начале июня 2025 г. особый резонанс вызвала сомнительная и откровенно провокационная публикация Д. Трампа в социальной

¹⁴ «Файлы Twitter»: Как руководство соцсети цензурировало публикации и продвигало идею о «кремлевских ботах» // RTVI. 2023. Февр. 01. URL: <https://rtvi.com/stories/fajly-twitter-kak-rukovodstvo-soczseti-cenzurovalo-publikacii-i-prodvigalo-ideyu-o-kremlevskih-botah/> (дата обращения: 28.05.2025); House Judiciary Hearing on the Weaponization of the Federal Government // Congress.gov. 2023. November 30. URL: <https://www.congress.gov/event/118th-congress/house-event/116615> (дата обращения: 28.05.2025); The Censorship-Industrial complex // U.S. House of Representatives. 2025. Feb. 12. URL: <https://docs.house.gov/Committee/Calendar/ByEvent.aspx?EventId=117881> (дата обращения: 28.05.2025).

сети Truth Social о том, что его предшественник якобы был казнен в 2020 г. и впоследствии заменен клонами, двойниками и «роботизированными бездушными существами»¹⁵. Цель – подтвердить тезис о существовании мифического «глубинного государства», управляющего Америкой.

Из этой же серии – тиражируемая нынешним президентом США дезинформация о существовании теневого правительства во времена правления Дж. Байдена. Согласно данной версии вместо экс-главы США государством управляло его ближайшее окружение (супруга Джилл и советники), реализуя прогрессистские проекты – от политики «открытых границ» до насаждения климатических программ и расово-гендерных инициатив. Поводом для подобных теорий стала публикация книги либеральных журналистов Дж. Таппера из телеканала CNN и А. Томсона из онлайн-издания Axios «Первородный грех»¹⁶. Дополнительный импульс им придала новость об обнаружении у отставного лидера нации рака.

Кейс № 2: Информационно-пропагандистская активность И. Маска. В первые месяцы правления Д. Трампа главным распространителем дезинформации выступал миллиардер И. Маск – де-факто глава Департамента эффективности правительства (DOGE). Данная структура занималась оптимизацией госрасходов и сокращением кадрового состава федеральных ведомств (формально ее возглавляла Э. Глисон). Сам предприниматель стал госслужащим со специальным статусом (до 31 мая 2025 г.)¹⁷.

¹⁵ См.: *Kanno-Youngs Z.* Trump amplifies another outlandish conspiracy theory: Biden is a robotic clone // The New York Times. 2025. June 01. URL: <https://www.nytimes.com/2025/06/01/us/politics/trump-biden-conspiracy-theory.html> (дата обращения: 01.06.2025); *King R.* Trump shares wild conspiracy theory that Joe Biden was replaced by 'soulless, mindless' clones // New York Post. 2025. June 01. URL: <https://nypost.com/2025/06/01/us-news/trump-shares-wild-conspiracy-theory-that-joe-biden-was-replaced-by-soulless-mindless-clones/> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁶ *McEntyre N.* Trump claims “treasonous thugs” took advantage of Biden’s mental decline to open borders: “Wanted to destroy our country” // New York Post. 2025. May 21. URL: <https://nypost.com/2025/05/21/us-news/trump-defends-biden-in-truth-social-post-calling-out-treasonous-thugs-that-took-advantage-of-white-house/> (дата обращения: 27.05.2025).

¹⁷ *Кошкин П.* Илон и его команда: как функционирует DOGE и каковы политические последствия для США // Российский совет по международным делам (РСМД). 2025. 27 февр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ilon-i-ego-komanda-kak-funktsioniruet-doge-i-kakovy-politicheskie-posledstviya-dlya-ssha/> (дата обращения: 27.05.2025).

Чтобы представить обоснование своей деятельности в правительстве, владелец SpaceX и Tesla не только значительно завышал собственные показатели на новом посту, но и регулярно тиражировал неподтвержденные сведения о расточительстве демократов. Обвинял либералов в реализации «беспольных» гуманитарных проектов и якобы нецелевом использовании госбюджета при Дж. Байдене, в том числе через «теневые» схемы в рамках программ социального обеспечения населения (Social Security). Голословно утверждал, что бывший руководитель Агентства по международному развитию USAID Саманта Пауэр незаконно обогатилась (за год накопила до 30 млн долл., что дало повод для подозрений в ее коррумпированности). Тогда как само ведомство, по его словам, тратило деньги налогоплательщиков на поездки американских знаменитостей на Украину для создания положительного образа президента Владимира Зеленского¹⁸.

Аналогичную пропагандистско-диверсионную кампанию запустил И. Маск и против других госструктур. Речь – о Федеральном агентстве по чрезвычайным ситуациям (Federal Emergency Management Agency, FEMA). Сопатник Д. Трампа вменил данной правительственной организации растрату бюджетных средств (почти 60 млн долл.) на размещение нелегальных мигрантов в дорогих отелях Нью-Йорка вместо того, чтобы купировать последствия стихийных бедствий. Подобные претензии в целом созвучны популярным среди консерваторов теориям заговора о том, что после обрушившихся на Флориду осенних ураганов FEMA отказалась оказывать помощь тем округам, в которых проживали сторонники Д. Трампа¹⁹.

Миллиардер также инициировал информационную кампанию против известных изданий, которые его небезосновательно критиковали. Обвинил, например, информационное агентство Reuters в целенаправленном сотрудничестве с Пентагоном для «обмана насе-

¹⁸ Dale D. Fact check: Eight ways Elon Musk has misled Americans about government spending // CNN. 2025. February 23. URL: <https://edition.cnn.com/2025/02/23/politics/government-spending-elon-musk-doge> (дата обращения: 30.05.2025).

¹⁹ См.: Dale D. Op. cit.; Elliot D. Florida sues FEMA for discrimination accusing it of denying aid to Trump supporters // National Public Radio. 2024. November 14. URL: <https://www.npr.org/2024/11/14/g-s1-34188/florida-discrimination-lawsuit-fema-trump-supporters> (дата обращения: 30.05.2025); Jingnan H. How FEMA tries to combat rumors and conspiracy theories about Milton and Helene // National Public Radio. 2024. October 9. URL: <https://www.npr.org/2024/10/09/nx-s1-5146475/milton-helene-fema-rumors-conspiracy-theories> (дата обращения: 30.05.2025).

ления» и отмывания денежных средств. Умышленно вводил аудиторию в заблуждение: заявлял, что многие качественные мейнстримовые СМИ (Politico, The New York Times и Associated Press) были «подконтрольны государству» при Дж. Байдене (намекал на то, что они финансово зависели от демократической администрации)²⁰.

По иронии судьбы, после внезапного конфликта с Д. Трампом в начале июня И. Маск приступил к дискредитации уже действующего президента. Опубликовал в своей соцсети X бездоказательное сообщение о связях главы США с Дж. Эпштейном, который получил уголовную судимость за торговлю людьми и растление малолетних. Однако впоследствии, видимо, во избежание судебного разбирательства за клевету и для снижения эскалации в противостоянии с руководителем государства, удалил данную публикацию²¹.

Кейс № 3: Миф об «украденных выборах» и его развенчание. Вместе с тем во время электоральной кампании консерваторы распространяли весьма спорные сведения об уязвимости американской избирательной системы перед фальсификациями, ссылаясь на дефицит прозрачности. 12 апреля 2024 г. на тот момент кандидат в президенты Д. Трамп и спикер Палаты представителей М. Джонсон выступили на совместной пресс-конференции, в ходе которой озвучили свои подозрения в том, что демократы поступательно реализуют политику «открытых границ» в целях использования нелегальных мигрантов для искусственного создания преимущества на выборах. Аналогичные вбросы делал И. Маск, безосновательно утверждавший, что либералы ради повышения явки своих избирателей интегрируют беженцев в американское общество путем расширения их гражданских привилегий, в том числе прав на соцобеспечение²².

²⁰ Dale D. Op. cit.

²¹ Schneid R. Musk's major allegation against Trump disappears from social media: "That post has been deleted" // Time Magazine. 2025. June 07. URL: <https://time.com/7291898/elon-musk-donald-trump-epstein-files-allegation-deleted-post/> (дата обращения: 08.06.2025).

²² См.: CNN Staff. Fact checking Trump and Johnson's election integrity announcement...; Aratani L. Musk echoes rightwing conspiracy theories to defend social security cuts // The Guardian. 2025. March 19. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/mar/19/musk-democrats-social-security-fraud> (дата обращения: 28.05.2025); Rutenberg J., Conger K. Elon Musk is spreading election misinformation, but X's fact checkers are long gone // The New York Times. 2024. January 2025. URL: <https://www.nytimes.com/2024/01/25/us/politics/elon-musk-election-misinformation-x-twitter.html> (дата обращения: 28.05.2025).

Одновременно республиканцы критиковали практику дистанционного и досрочного волеизъявления, усматривая в ней риски фальсификаций и вбросов. Более того, известный журналист и бывший ведущий телеканала “Fox News” Такер Карлсон тиражировал скорее ложные сведения о том, что автоматизированные устройства по электронному голосованию компании “Dominion Voting Systems” в 2020 г. были взломаны и стали инструментом фабрикаций результатов выборов в руках групп интереса²³.

Собственно, все эти предположения легли в основу до сих пор циркулирующего мифа об «украденной победе» у Д. Трампа, что дало повод действующему главе США предпринять попытку по усилению контроля над электоральными процессами. 25 марта 2025 г. он принял соответствующий указ в стремлении обязать всех американцев доказывать наличие гражданства при волеизъявлении (с учетом того, что в 15 штатах голосование разрешено без удостоверения личности, а в 12 достаточно предъявить документ без фотографии, включая выписку из банка). Также поручил значительно ограничить практику дистанционного голосования, прекратить подсчет отправленных по почте бюллетеней после «супервторника» (ряд регионов ориентируется по дате отправления конверта) и выявлять случаи участия мигрантов в избирательном процессе. Дошло до попыток консерваторов закрепить данную инициативу в отдельном законе *Safeguard American Voter Eligibility Act* (одобрена в Палате представителей, но ее шансы на прохождение в Сенате пока неясны)²⁴.

Все эти теории республиканцев об уязвимости электорального процесса можно вполне опровергнуть, проведя базовую проверку на достоверность (в рамках метода верификации). Достаточно

²³ *Coster H. Tucker Carlson leaves “Fox News” days after Dominion lawsuit settlement // Reuters. 2023. April 25. URL: <https://www.reuters.com/business/media-telecom/fox-news-media-tucker-carlson-part-ways-2023-04-24/> (дата обращения: 28.05.2025).*

²⁴ *Preserving and protecting the integrity of American elections // The White House. 2025. March 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/preserving-and-protecting-the-integrity-of-american-elections/> (дата обращения: 28.05.2025); Voter identification laws by state // Ballotpedia. URL: https://ballotpedia.org/Voter_identification_laws_by_state (дата обращения: 28.05.2025); Voter ID laws // The National Conference of State Legislatures. URL: www.ncsl.org/elections-and-campaigns/voter-id (дата обращения: 28.05.2025); H.R.22 – SAVE Act // Congress.gov. 2025. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/22> (дата обращения: 10.06.2025)*

ознакомиться с американским законодательством, которое запрещает голосовать иностранцам на выборах под угрозой уголовного преследования. Обращение к статистике также свидетельствует о том, что участие мигрантов в волеизъявлении крайне редкое и едва возможное явление, в том числе и по рутинным бюрократическим причинам (проголосовать нельзя без первоначальной регистрации, для чего требуется подтверждение личности даже в либеральных штатах)²⁵.

Собственно, демократы приводят аналогичные аргументы. Дополнительно резонно подчеркивают, что «чрезмерный» электоральный контроль является посягательством на гражданские права уязвимых групп населения, включая ассимилировавшихся в стране мигрантов, которые в исключительных случаях имеют право на голос в ряде штатов (если живут там долго, работают и выплачивают налоги)²⁶.

Заключение

Общественная поляризация и недобросовестная политическая конкуренция являются фундаментальными движущимися силами дезинформации в США²⁷. Об этом ясно свидетельствуют приведенные в настоящей статье примеры и индивидуальные случаи. Культурно-идеологические войны неизбежно порождают стремление к дискредитации оппонентов путем поиска или фабрикации компромата на конкурентов. Подобная характеристика

²⁵ *Morales-Doyle S.* Noncitizen voting isn't affecting state or federal elections – here's why // Brennan Center for Justice. 2024. April 12. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/noncitizens-are-not-voting-federal-or-state-elections-heres-why> (дата обращения: 28.05.2025); *Joffe-Block J.* 6 facts about false noncitizen voting claims and the election // National Public Radio. 2024. November 05. URL: <https://www.npr.org/2024/10/12/nx-s1-5147789/voting-election-2024-noncitizen-fact-check-trump> (дата обращения: 28.05.2025).

²⁶ *Laws permitting noncitizens to vote in the United States* // Ballotpedia. URL: https://ballotpedia.org/Laws_permitting_noncitizens_to_vote_in_the_United_States (дата обращения: 28.05.2025).

²⁷ *Roscini F.* How The American media landscape is polarizing the country // The Pardee Atlas Journal of Global Affairs. 2025. May 14. URL: <https://sites.bu.edu/pardeeatlas/advancing-human-progress-initiative/back2school/how-the-american-media-landscape-is-polarizing-the-country/> (дата обращения: 28.05.2025).

свойственна как демократам, так и республиканцам. В заданных условиях обе стороны ставят во главу угла «электоральную выживаемость».

При этом именно информационная война либеральной прессы против Д. Трампа, инициированная в 2015–2016 гг., спровоцировала обратную реакцию со стороны независимого электората и консерваторов, которые отвернулись от мейнстримных медиа в пользу локальных и альтернативных онлайн-ресурсов. К слову, по данным неправительственной организации Gallup, уровень доверия среди населения к ведущим изданиям и телеканалам снизился до 31%, а скептицизм возрос до почти 70% (особенно среди республиканцев, в их лагере фиксируется почти шестикратное падение по этим показателям с 1972 г. – с 68 до 12%)²⁸. Тогда как интерес и благожелательность к соцсетям, напротив, заметно возросли – с 34% в 2016 г. до 41% в 2025 г., по данным исследовательского центра Pew Research Center²⁹. В сухом остатке – подрыв доверия к институту американской журналистики в целом – на фоне социального раскола [Ognyanova et al. 2020].

Трамписты в большей степени полагаются на создание и тиражирование недостоверных сведений об оппонентах. Так, согласно опросам, в поисках информации или удобных для себя мнений политики и граждане правых взглядов чаще обращаются к соцсетям, переполненным фальшивыми новостями и теориями заговора. При этом демонстрируют более скептическое отношение и иногда открытое недоверие к традиционным изданиям и телеканалам: зачастую под предлогом фактчекинга и развенчания мифов консерваторы нередко создавали новые легенды. Почти 40% потребителей новостного контента в США неосознанно публикуют «фейки» на своих личных аккаунтах³⁰. Впрочем, некоторые делают это умышленно, например, И. Маск, в свое время также разочаровавшийся демпартией и поддержавший консерваторов.

²⁸ *Brenan M.* Americans' trust in media remains at trend low // Gallup. 2024. October 14. URL: <https://news.gallup.com/poll/651977/americans-trust-media-remains-trend-low.aspx> (дата обращения: 28.05.2025).

²⁹ *Shearer E., Eddy K.* Republicans have become more likely since 2024 to trust information from news outlets, social media // Pew Research Center. 2025. May 8. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/05/08/republicans-have-become-more-likely-since-2024-to-trust-information-from-news-outlets-social-media/> (дата обращения: 28.05.2025).

³⁰ *Konopliov A.* Key statistics on fake news & misinformation in media in 2024 // Redline Digital. 2024. June 26. URL: <https://redline.digital/fake-news-statistics/> (дата обращения: 28.05.2025).

В условиях широкого доступа к информационным ресурсам и новым технологиям в интернете данная проблема усугубляется и приобретает более масштабный и инновационный характер. На этом фоне растет роль так называемых «дипфейков» – сфабрикованных аудиовизуальных материалов, поддельвающих голоса и изображения публичных фигур. В 2022–2023 гг. их количество увеличилось примерно в три раза. Порядка 500 тыс. раз пользователи соцсетей делились ими на своих личных страницах³¹.

Таким образом, проблема роста дезинформации в консервативном дискурсе – следствие комплекса объективных социально-политических причин, а также технологических факторов в современных коммуникациях. Причем эта тенденция носит долгосрочный характер, поскольку в перспективе ни общественная поляризация в США, ни инновационный прогресс никуда не денутся. Единственный способ по исправлению ситуации – это повышение медиаграмотности населения вкупе с поступательным устранением экономического неравенства как одного из основных первоисточников раскола.

Литература

- Афанасьев, Афанасьева, Павленко 2022 – *Афанасьев В.В., Афанасьева И.В., Павленко А.А.* Описательно-повествовательный метод как субстанциональное начало научного исследования // Антропологическая дидактика и воспитание. 2022. Т. 5. № 1. С. 23–45.
- Варганова 2006 – *Варганова Г.В.* Кейс-стадис как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 2. С. 36–42.
- Вишня 2017 – *Вишня Д.* Источники ДЕЗинформации: Распознавание и противодействие. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 70 с.
- Диреев 2025 – *Диреев И.Д.* Дезинформация в средствах массовой информации: проблемы, вызовы и пути решения // *Litera*. 2025. № 1. С. 106–119,
- Журавлева 2012 – *Журавлева В.И.* Русский «Другой» в американской политической карикатуристике: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. Серия: «Международные отношения. Регионоведение». 2012. № 7 (87). С. 64–96.
- Калинина 2020 – *Калинина Н.В.* Фактчекинг в работе современного журналиста и СМИ // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 88. С. 122–124.
- Корнев 2020 – *Корнев М.С.* Фактчекинг: от термина и понятия к словоупотреблению // Вестник РГГУ. Серия: «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 6. С. 72–78.

³¹ Ibid.

- Кошкин 2019 – *Кошкин П.Г.* Американская журналистика и постправда. М.: Весь мир, 2019. 288 с.
- Макашова 2023 – *Макашова В.В.* Дезинформация как предмет научного анализа: традиционные и новые подходы // Меди@льманах. 2023. № 6 (119). С. 16–22.
- Поппер 2024 – *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: АСТ: Ермак, 2004. 638 с.
- Ульбашова 2019 – *Ульбашова Ф.А.* Критерий фальсификации Карла Поппера // Экономика и социум. 2019. № 12 (67). С. 1018–1021.
- Hunter 1991 – *Hunter J.D.* Culture wars: The struggle to define America. N.Y.: Basic Books, 1991. 432 p.
- Mettler, Mondak J2024 – *Mettler M., Mondak J.J.* Fact-opinion differentiation // Harvard Kennedy School Misinformation Review. 2024. Vol. 5. Iss. 2. URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2024/03/mettler_fact_opinion_differentiation_20240307.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
- Ognyanova et al. 2020 – *Ognyanova K., Lazer D., Robertson R.E., Wilson Ch.* Misinformation in action: Fake news exposure is linked to lower trust in media, higher trust in government when your side is in power // Harvard Kennedy School Misinformation Review. 2020. Vol. 1. Iss. 4. URL: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2020/06/Misinformation-in-action-Ognyanova-et-al-2020.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).
- Walter, Salovich 2021 – *Walter N., Salovich N.* Unchecked vs. Uncheckable: How opinion-based claims can impede corrections of misinformation // Mass Communication and Society. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 500–526.
- Wodak, Meyer 2002 – *Wodak R., Meyer M.* Methods of critical discourse analysis. Thousand Oaks: SAGE, 2002. 200 p.

References

- Afanashev, V.V., Afanasyeva, I.V. and Pavlenko, A.A. (2022), “Descriptive and narrative method as a substantial beginning of scientific research”, *Antropologicheskaya didaktika i vospitanie*, vol. 5, no. 1, pp. 23–45.
- Direev, I.D. (2025), “Bisinformation in the media: problems, challenges and solutions”, *Litera*, no. 1, pp. 106–119.
- Hunter, J.D. (1991), *Culture wars: The struggle to define America*, Basic Books, New York, USA.
- Kalinina, N.V. (2020), “Fact-checking in the work of the modern journalist and the media”, *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, iss. 88, pp. 122–124.
- Kornev, M.S. (2020), “Fact-checking: from term and concept to word usage”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 72–78.
- Koshkin, P.G. (2019), *Amerikanskaya zhurnalistika i postpravda* [American journalism and post-truth], Ves’ mir, Moscow, Russia.

- Makashova, V.V. (2023), “Disinformation as an object of scholarly analysis: Traditional and new approaches”, *Medi@l'manakh*, vol. 119, no. 6, pp. 16–22.
- Mettler, M. and Mondak, J.J. (2024), “Fact-opinion differentiation”, *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, vol. 5, iss. 2, available at: https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2024/03/mettler_fact_opinion_differentiation_20240307.pdf (Accessed 10 Aug. 2025).
- Ognyanova, K., Lazer, D., Robertson, R.E. and Wilson, Ch. (2020), “Misinformation in action: Fake news exposure is linked to lower trust in media, higher trust in government when your side is in power”, *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, vol. 1, iss. 4, available at: <https://misinforeview.hks.harvard.edu/wp-content/uploads/2020/06/Misinformation-in-action-Ognyanova-et-al-2020.pdf> (Accessed 10 Aug. 2025).
- Popper, K.R. (2004), *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* (Conjectures and refutations. The growth of scientific knowledge), AST, Ermak, Moscow, Russia.
- Ulbasheva, F.A. (2019), “Karl Popper falsification criteria”, *Ekonomika i Sotsium*, vol. 67, no. 12, pp. 1018–1021.
- Varganova, G.V. (2006), “Case-studies as a method of scientific research”, *Bibliosphere*, no. 2, pp. 36–42.
- Vishnya, D. (2017), *Istochniki DEZinformatsii: Raspoznanie i protivodeistvie* [Sources of disinformation: Sources of disinformation], Izdatel'skie resheniya, Ekaterinburg, Russia.
- Walter, N. and Salovich, N. (2021), “Unchecked vs. uncheckable: How opinion-based claims can impede corrections of misinformation”, *Mass Communication and Society*, vol. 24, no. 4, pp. 500–526.
- Wodak, R. and Meyer, M. (2002), *Methods of critical discourse analysis*, SAGE, Thousand Oaks, USA.
- Zhuravleva, V.I. (2012), “The Russian ‘Other’ in American political cartoons: from the 19th century to the 21st century”, *RSUH/RGGU Bulletin. Series: International Relations. Regional Studies*, vol. 87, no. 7, pp. 64–96.

Информация об авторе

Павел Г. Кошкин, кандидат филологических наук, доцент, Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН (ИСКРАН), Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3; pasha.koshkin@gmail.com

Information about the author

Pavel G. Koshkin, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia; 2/3, Khlebnyi Line, Moscow, Russia, 121069; pasha.koshkin@gmail.com

УДК 324(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-168-187

Роль дезинформации в электоральных кампаниях:
анализ президентских выборов в США
в 2016 и 2024 гг.

Иван А. Возмитель

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия, 1142240465@rudn.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния дезинформации на современные электоральные процессы в США. В статье проанализированы как более общее понятие – дезинформация, так и ее различные формы – ложные новости, дипфейки. Целью исследования является рассмотрение роли дезинформации, ее методов и последствий применения, в частности, в ходе президентской кампании Дональда Трампа на выборах в США в 2016 и 2024 гг. Актуальность работы обусловлена ростом влияния информационных технологий на электоральные процессы, а также эволюции форм дезинформации, которые представляют собой угрозу для демократических институтов. В статье используется социологический подход, включающий в себя вторичный анализ данных в качестве метода исследования. Работа основана на анализе открытых статистических данных, результатов опросов, материалов СМИ. Результаты исследования показали, что дезинформация сыграла свою роль в президентских выборах в США в 2016 и 2024 гг. и приобрела новые формы и механизмы применения, а также способствовала победе Дональда Трампа на выборах. Выводы автора свидетельствуют о значимости механизмов дезинформации в современном политическом процессе, особенно в период электоральных кампаний.

Ключевые слова: США, выборы президента, дезинформация, Дональд Трамп, ложные новости, искусственный интеллект

Для цитирования: Возмитель И.А. Роль дезинформации в электоральных кампаниях: анализ президентских выборов в США в 2016 и 2024 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 168–187. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-168-187

© Возмитель И.А., 2026

The role of disinformation in electoral campaigns: analysis of the US presidential elections in 2016 and 2024

Ivan A. Vozmitel

RUDN University, Moscow, Russia, 1142240465@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of disinformation on modern electoral processes in the United States. The article analyzes both a more general concept – disinformation, and its various forms – fake news, deepfakes. The purpose of the study is to examine the role of disinformation, its methods and the consequences of its use, in particular, during the presidential campaign of Donald Trump in the US elections in 2016 and 2024. The relevance of the work is due to the growing influence of information technology on electoral processes, as well as the evolution of forms of disinformation that pose a threat to democratic institutions. The article uses a sociological approach that includes secondary data analysis. The work is based on the analysis of open statistical data, survey results, and media materials. The results showed that disinformation played a role in the US presidential elections in 2016 and 2024 and acquired new forms and mechanisms of application, as well as helped Donald Trump win the election. The author's conclusions indicate the importance of disinformation mechanisms in the modern political process, especially during electoral campaigns.

Keywords: USA, presidential election, disinformation, Donald Trump, fake news, artificial intelligence

For citation: Vozmitel, I.A. (2026), “The role of disinformation in electoral campaigns: analysis of the US presidential elections in 2016 and 2024”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 168–187, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-168-187

Введение

Дезинформация в избирательных процессах становится в наше время все более острой проблемой в глобальном масштабе, что во многом обусловлено стремительной цифровизацией. В свою очередь, быстрая эволюция правил в информационном поле заставила традиционные медиа адаптироваться к новым условиям. Цифровая трансформация не только изменила способ распространения контента, но и повлияла на его восприятие и способы его монетизации [Зотов и др. 2023].

Электоральный период по своей природе является беспокойным, и на это влияет множество факторов, один из них – повсемест-

ная дезинформация, которая становится в этот период главным инструментом борьбы за власть, при этом даже самая абсурдная дезинформация, но повторяемая постоянно в медиапространстве, становится истиной в глазах избирателей¹.

Для того чтобы разобраться в дезинформации, необходимо проводить многогранный анализ, который охватит изучение распространения разных нарративов, их взаимосвязей, применяемых приемов манипуляции и динамики их трансформации в период ключевых избирательных событий². Множество социологических исследований показывают, что использование дезинформации в ходе электоральных кампаний вызывает недоверие к СМИ и ощущение встревоженности [Виноградова 2024, с. 55–60].

В последние годы дезинформация стала повсеместной, и особенно в ходе выборов. В преддверии президентских выборов в США 2024 г. данный вопрос встал более остро, поскольку, вспоминая президентские выборы 2016 г. в США, которые считаются «переломными», именно в 2016 г. дезинформация в связке с «вирусными» технологиями распространения могла поставить под сомнение политическую карьеру Д. Трампа, атакованного волной различных проявлений «фальшивых новостей» [Стригунов, Манойло, Фэнли 2022, с. 24]. Особую значимость исследование приобретает в связи с ролью дезинформации в политических кампаниях Д. Трампа, поскольку его электоральные успехи часто связываются различными исследователями с использованием информационных технологий.

В основе исследования лежит обзор понятий, таких как «дезинформация», «фейковые новости», «дипфейк и технологии искусственного интеллекта», и анализ эволюции механизмов применения дезинформации на президентских выборах в США 2016 и 2024 гг. В работе используется социологический подход, включающий в себя вторичный анализ данных в качестве метода исследования. Анализ данных будет проводиться как в предвыборный период (по результатам опросов граждан США в 2016 и 2024 гг.), так и в поствыборный период.

¹ Дезинформация как оружие политиков в избирательных кампаниях: «Даже оперируя реальными данными можно сгенерировать фейк» // Mediacritica. 2024. 9 сент. URL: <https://mediacritica.md/ru/дезинформация-как-оружие-политиков-в/> (дата обращения: 10.07.2025).

² Дезинформация и электоральные процессы: технологии манипуляции общественным мнением // FactcheckBy. 2025. 14 марта. URL: https://factcheck.by/news/dynamic_disinfo_narratives/ (дата обращения: 12.07.2025).

Актуальность данного исследования обусловлена постоянным ростом и эволюцией форм дезинформации в информационном пространстве. С одной стороны, обычные граждане имеют доступ ко всей информации и могут самостоятельно анализировать новости, выступления кандидатов, различные публикации и т. д. Однако, с другой стороны, в последнее время качество фальсификации информации достигло такого уровня, что обычному гражданину найти «реальную» новость уже может показаться сложнейшей задачей.

Теоретическую значимость исследование приобретает с необходимостью анализа новых форм политических коммуникаций и с пониманием того, как информационные технологии трансформируют уже сформировавшиеся традиционные механизмы электоральных процессов.

Объектом исследования выступает понятие «дезинформация», которое все более глубоко проникает в политическую жизнь, в частности в электоральную жизнь, становясь ее неотъемлемой частью, и все чаще оказывает прямое влияние на ход событий. В центре эмпирического исследования лежат президентские выборы в США 2016 и 2024 гг., на основе которых будет рассмотрена эффективность применения дезинформации.

Причины и методы использования дезинформации в ходе электоральной кампании

Развитие различных онлайн-платформ и СМИ способствовало открытому распространению дезинформации в медиапространстве, в частности социальные сети стали массовым оружием в рассылке дезинформации в обход СМИ. В современном медиапространстве рассылка дезинформации через СМИ и социальные сети приобрела глобальный масштаб, став действенным инструментом продвижения нарративов, выгодных определенным политическим акторам. В контексте избирательного процесса основными такими акторами выступают кандидаты, стремящиеся сформировать нужный им политический дискурс [Stachofsky, Schaupp, Crossler 2023].

Стоит понимать, что формирование мнения у отдельного гражданина происходит в рамках политической коммуникации. Политическая коммуникация в данном случае может рассматриваться в качестве инструмента создания и обмена политической информацией [Суворова 2017, с. 106]. В свою очередь, политико-коммуникационные технологии объединяют правила, способы и методы информационного влияния на избирателей, которые

направлены на создание конкретного мнения о кандидате в ходе электорального процесса [Логинов 2022].

Дать четкое определение понятию «дезинформация» сложно, поскольку в разных контекстах и способах применения значение может быть различным. В настоящей статье под дезинформацией будет пониматься информационный вброс, который направлен на создание заранее продуманных резонансных и провокационных инфоповодов. Основной целью применения дезинформации является сбор внимания и создание информационного шума вокруг конкретной новости, которая может повлиять, рассматривая электоральный процесс, на имидж и кампанию кандидата. Однако важно отметить тот факт, что информация может быть не только ложной (например, искаженной), а правдивой, но вырванной из контекста кандидата, например, во время его публичного выступления [Манойло, Стригунов 2020]. В качестве основной задачи дезинформации в медиапространстве в ходе электоральных процессов можно назвать перехват внимания избирателя и изменение сознания гражданина, который поверил в искаженную информацию. Услышав или прочитав ложную новость, человек может как сразу поменять мнение о кандидате, так и запомнить негативный аспект кампании кандидата.

Исследователи отмечают, что дезинформация является узко специализируемым инструментом в управлении сознанием граждан [Стригунов, Манойло, Фэнли 2022, с. 24]. Она может быть использована не только в ходе исследуемых в данной статье электоральных процессах, но также и для дискредитации публичных деятелей или политиков, создания «паники» в обществе, массовых несанкционированных акций и т. д.

Социальные сети, как было сказано ранее, являются новым инструментом в распространении дезинформации, а также обеспечивают высокую степень доверия и распространения. Исследования показывают, что дезинформация распространяется активнее, чем достоверные сведения, и этот показатель может быть выше на 70% во всех категориях контента³. В социальных сетях ключевую роль в масштабировании ложного контента играют интернет-боты, автоматизирующие процессы его распространения [Shao et al. 2018]. Например, публикация в «канале-миллионнике» может позволить создать информационный шум в течение нескольких секунд. В зависимости от типа публикуемого контента, было вы-

³ *Dizikes P.* Study: On Twitter*, false news travels faster than true stories // MIT News Office. March. 8, 2018. URL: <https://news.mit.edu/2018/study-twitter-false-news-travels-faster-true-stories-0308> (дата обращения: 15.07.2025).

делено в различных исследованиях, что распространение ложной информации было более выражено в политических новостях, чем в новостях о природных катаклизмах, науке или финансовой обстановке в стране [Vosoughi, Roy, Agar 2018].

Дезинформация в СМИ старается замаскироваться под реальную и законную журналистику. В современном контексте также под дезинформацией понимается «сфабрикованная информация, которая имитирует содержание новостных СМИ по форме, но не по организационному процессу или намерениям» [Lazer, Baum, Benkler 2018]. СМИ также меняют формат подачи информации, используя распространение новостей в различных социальных сетях, в основе которых лежат «кликбейтные» заголовки [Guo, Vargo 2020].

Ключевой формой дезинформации являются ложные новости, или «фейковые новости». Несмотря на множественность определений этого понятия, под ним обычно понимают контент, имитирующий новостной формат, но не соответствующий целям и стандартам традиционных медиа. Важно отметить, что фейковые новостные агентства лишены редакционных норм и процедур, которые в традиционных СМИ гарантируют точность и достоверность информации [Lazer, Baum, Benkler 2018].

Если рассматривать электоральный период, то в нем фейковые новости можно считать за дезинформацию в контексте пропаганды кампании кандидата или дискредитации оппонента с целью оказания влияния на результаты выборов. Люди часто в период выборов сталкиваются с дезинформацией, однако обычный гражданин не может отличить ее от верной информации. Важно понимать, что ложные новости могут быть созданы в любой момент времени и кем угодно, даже обычным пользователем сети Интернет [Bader 2018].

Если брать в пример выборы президента в США в 2016 г., то исследования показывают, что за несколько недель до президентских выборов 2016 г. каждый четвертый гражданин США заходил на сайты, распространяющие ложные новости⁴. Механизмы использования дезинформации в электоральный период 2016 и 2024 гг. в США будут рассмотрены в следующих частях данного исследования.

⁴ *Guess A.M., Nyhan B., Reifler J.* Selective exposure to misinformation: Evidence from the consumption of fake news during the 2016 U.S. Presidential campaign // European Research Council. 2018. Jan. 9. URL: <https://securityandtechnology.org/wp-content/uploads/2020/07/guess-selective-exposure-to-misinformation-evidence-presidential-campaign-2018.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

*Использование дезинформации
во время президентских выборов США
в 2016 г.*

Рассмотренные в первой части данной статьи фейковые новости начали свое распространение и стали глубоко изучаться общественностью в ходе президентских выборов в США в 2016 г. Данные президентские выборы носили противоречивый характер на фоне распространения фейковых новостей, так как они считались одной из основных причин поражения Х. Клинтон, в то время как победивший на выборах Д. Трамп обвинял американские СМИ в распространении в свою сторону ложных новостей.

В общем и целом феномен фейковых новостей и дезинформации в ходе электоральных процессов в 2016 г. в США стал считаться темой национального обсуждения после выборов [Ключникова 2019]. Важно отметить, что фейковые новости в 2016 г. стали не просто стоять на периферии, а заполнять основной политический дискурс. Стоит подчеркнуть тот факт, что в 2016 г. в США на президентских выборах ложные новости вызывали у граждан большую заинтересованность, чем правдивые⁵. В социальных сетях фейковый контент стал распространяться и просматриваться большим количеством пользователей, чем контент новостных каналов. На тот момент, в 2016 г., такие данные показывали на то, что избиратели не могли отличить фейковую новость от реальной, что искажало информацию в действительно важных вопросах. В выборах 2016 г. в Германии и Франции также сообщалось о проблемах, связанных с неконтролируемым распространением фейковой информации в социальных сетях⁶. Поскольку многие избиратели сталкивались с трудностями в распознавании фейковых новостей, это обстоятельство вызывало серьезную обеспокоенность в связи с его потенциальным негативным влиянием на демократические процессы, а также ставило вопросы о честности проведения выборов [Prajarati, Kumar, Srivastava 2024, pp. 1–5].

⁵ *Silverman C.* This analysis shows how viral fake election news stories outperformed real news on facebook* // BuzzFeed News. 2016. Nov. 17. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook>* (дата обращения: 14.07.2025).

⁶ *Bradshaw S., Howard P.N.* Challenging truth and trust: A global inventory of organized social media manipulation // The computational propaganda project. 2018. 20. Jul. URL: <https://demtech.oii.ox.ac.uk/research/posts/challenging-truth-and-trust-a-global-inventory-of-organized-social-media-manipulation/> (дата обращения: 14.07.2025).

Очевидно, что в 2016 г. в США обстановка в ходе президентских выборов отличалась от других в американской истории. Поляризация американского общества, продолжающаяся в тот период, усиливала на тот момент роль и влияние фейковых новостей на граждан⁷. Выборы 2016 г. стали ярким примером их воздействия на общественное мнение и продемонстрировали методы их распространения и восприятия.

В первую очередь стоит отметить, что большую роль в победе Д. Трампа способствовала социальная сеть Facebook*, благодаря которой фейковые новости получили широкое распространение. Интересно отметить тот факт, что в основном в кампании 2016 г. фейковые новости распространяли пожилые люди – согласно исследованию, опубликованному в *Science Advances* исследователями из университетов Принстона и Нью-Йорка, доля людей старше 65 лет составляла 11% в распространении ложной информации, а людей от 18 до 29 лет 3%⁸. Выборка состояла из 3500 человек, из которых всего 8,5% делились ссылками на сайты с фейковыми новостями. В ходе исследования также обнаружилась интересная зависимость в распространителях фейковых новостей – среди распространявших ложные новости 18,1% были республиканцами, а демократов было 3,5% [Guess, Nagler, Tucker 2019].

Для идентификации фейковых новостей исследователи полагались на список доменов, собранный журналом BuzzFeed News, наиболее активно освещавшим эту проблему в 2016 г.⁹ К этому списку были добавлены сведения из других источников, которые впоследствии были опровергнуты организациями по проверке подлинно-

⁷ *Barthel M., Mitchell A., Holcomb J.* Many Americans believe fake news is sowing confusion // Pew Research Center. 2016. Dec. 15. URL: <https://www.pewresearch.org/journalism/2016/12/15/many-americans-believe-fake-news-is-sowing-confusion/> (дата обращения: 14.07.2025).

*Принадлежит корпорации Meta, которая внесена в перечень организаций, причастных к терроризму и экстремизму, и запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ *Devitt J., Kelly R.* Fake news shared by very few, but those over 65 more likely to pass on such stories, new study finds // Princeton School of Public and International Affairs. 2019. Jan. 7. URL: <https://spia.princeton.edu/news/fake-news-shared-very-few-those-over-65-more-likely-pass-such-stories-new-study-finds> (дата обращения: 14.07.2025).

⁹ *Silverman C.* This analysis shows how viral fake election news stories outperformed real news on facebook* // BuzzFeed. Nov. 17, 2016. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook> (дата обращения: 14.07.2025).

сти фактов¹⁰. В данном журнале также интересно обратить внимание на подсчеты, которые показали, что за последние три месяца кампании сайты с фейковыми новостями собрали под 9 миллионов репостов, лайков и комментариев в Facebook*, а самые популярные новостные каналы СМИ только около 7,4 миллиона. Важно также подчеркнуть, что социальные сети, хотя и сыграли значительную роль, не являлись главным источником информации о выборах для большинства американцев, ведь лишь 14% респондентов назвали социальные сети своим главным источником новостей¹¹. Также исследование Принстонского университета показало, что социальная сеть Facebook* была «одним из трех сайтов, которые респонденты посещали в течение предыдущих 30 секунд, для 22,1% статей с сайтов, публикующих фейковые новости, которые мы наблюдаем в наших веб-данных»¹².

Рассматривая конкретно фейковые новости, важно остановиться на еще одном исследовании 2017 г., в котором была собрана крупная база фейковых новостей и при ее анализе говорилось о том, что 115 фейковых новостей, которые были в поддержку Трампа, были опубликованы в Facebook* 30 миллионов раз, в то время как за Клинтон – только 41 фейковая новость, и они были опубликованы около 7,6 миллионов раз [Allcott, Gentzkow 2017].

М. Цукерберг, генеральный директор Facebook*, в свою очередь, после президентских выборов опроверг тот факт, что распространение фейковых новостей в ленте новостей стало причиной победы Трампа. «Лично я считаю, что идея о том, что фейковые новости – которых не так много – повлияли на выборы, довольно безумна»¹³. Однако после такого заявления администрация Facebook* пообещала заняться этой проблемой всерьез и отойти от кон-

¹⁰ Основными распространителями фейковых новостей в ходе президентских выборов 2016 г. в США оказались старики // ТАСС. 2019. 9 янв. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6816477> (дата обращения: 14.07.2025).

¹¹ *Georgacopoulos C., Mores G.* How fake news affected the 2016 Presidential election // Louisiana State University. 2020. July. URL: <https://faculty.lsu.edu/fakenews/elections/sixteen.php> (дата обращения: 14.07.2025).

¹² *Kurtzleben D.* Did fake news on Facebook* help elect Trump? Here's what we know // National Public Radio. 2018. April 11. URL: <https://www.npr.org/2018/04/11/601323233/6-facts-we-know-about-fake-news-in-the-2016-election> (дата обращения: 18.07.2025).

¹³ *Solon O.* Facebook's* fake news: Mark Zuckerberg rejects 'crazy idea' that it swayed voters // The Guardian. 2016. Nov. 11. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/nov/10/facebook-fake-news-us-election-mark-zuckerberg-donald-trump> (дата обращения: 20.07.2025).

цепочки доверия к своим пользователям, а также создать алгоритм автоматического определения фейковых новостей.

В результате анализа фейковых новостей среди представителей электората Б. Обамы, согласно опросу YouGov, можно выделить следующие: «Клинтон была очень слаба из-за серьезного заболевания» и «Клинтон является международным продавцом оружия». Из тех, кто не поверил ни одной из фейковых новостей, 89% проголосовали за Клинтон, а из тех, кто поверил в одну ложную новость, проголосовали 61%¹⁴.

Теперь стоит рассмотреть две популярные и вирусные фейковые новости, которые также распространялись в социальных сетях и могли повлиять на результаты выборов. Первый кейс, связанный с распространением фейковых новостей, заключается в том, что за несколько дней до выборов было обнаружено, что около 150 сайтов, которые распространяли фейковые новости в поддержку Трампа, зарегистрированы в Северной Македонии. Данными сайтами управляли подростки в возрасте 16 лет, которые брали заведомо ложную информацию и перепечатывали ее у себя с более громким заголовком и распространяли в Facebook*, тем самым увеличивая охват новостной статьи¹⁵. Американцы, желающие почитать свежие и провокационные новости, попадали в информационную «ловушку», а подростки, используя поддельные аккаунты в Facebook*, в группах, поддерживающих Трампа, распространяли ссылки на фейковые новости, что приводило к хорошей посещаемости.

Второй пример связан с автором заведомо ложных новостей П. Хорнером. Он заявил в интервью “The Washington Post”, что он «виноват» в том, что на выборах в США победу одержал Д. Трамп¹⁶. По словам Хорнера, который сам себя считает скорее активистом

¹⁴ Trump may owe his 2016 victory to ‘fake news’, new study suggests // The Conversation. 2018. Feb. 15. URL: <https://theconversation.com/trump-may-owe-his-2016-victory-to-fake-news-new-study-suggests-91538> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁵ Silverman C., Alexander A. How teens in the Balkans are duping Trump supporters with fake news // BuzzFeed. 2016. Nov. 4. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/how-macedonia-became-a-global-hub-for-pro-trump-misinfo#.ldxg5Z4M5> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁶ Dewey C. Facebook* fake-news writer: “I think Donald Trump is in the White House because of me” // The Washington Post. 2016. Nov. 17. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-intersect/wp/2016/11/17/facebook-fake-news-writer-i-think-donald-trump-is-in-the-white-house-because-of-me/> (дата обращения: 20.07.2025).

и сатириком, а не «лжецом», Трамп стал президентом именно потому, что люди не проверяли факты¹⁷.

В период предвыборной кампании Хорнер активно придумывал новости на актуальные политические темы, которые были ложными, а, например, агрегатор Google News индексировал его выдумки как настоящие новости. Но такой итог был достаточно очевидным, поскольку его интернет-ресурсы являлись копиями известных телеканалов, поэтому доверие к нему у избирателей было. Его последняя ложная история, например, о том, что Б. Обама аннулирует итоги выборов 2016 г., набрала более 100 тысяч репостов¹⁸.

На основе данных примеров и результатов исследований тяжело делать однозначные выводы и утверждать, что конкретно фейковые новости могли повлиять на исход выборов. В частности вопрос, как именно данные факты повлияли на три колеблющиеся штата, которые обеспечили победу Трампу в 2016 г. – Мичиган, Пенсильванию и Висконсин, остается до сих пор открытым¹⁹. Однако если взять тот факт, что Клинтон проиграла в данных штатах менее чем на один процент, может означать, что любой фактор, включая фейковые новости, мог изменить результат голосования²⁰.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что «идеологически фейковые новости подтверждаются наличием фактических фейковых новостей» [Lee 2019, pp. 15–20]. Данная часть показала масштабность применения фейковых новостей в ходе президентских выборов в США в 2016 г., а также эффективность инструмента политической борьбы. Как было уже сказано, однозначного вывода

¹⁷ Hedegaard E. How a fake newsman accidentally helped Trump win the White House // Rolling Stone. 2016. Nov. 29. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/how-a-fake-newsman-accidentally-helped-trump-win-the-white-house-110039/> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁸ WP узнала, какое влияние на выборы в США оказали фейковые новости // РИА Новости. 2016. 20 нояб. URL: <https://ria.ru/20161120/1481750726.html> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁹ How America decided, at the last moment, to elect Donald Trump // The Washington Post. 2016. Nov. 17. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/11/17/how-america-decided-at-the-very-last-moment-to-elect-donald-trump/> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁰ Hillary Clinton and President Obama are increasingly blaming Russia for her loss // The Washington Post. 2016. Dec. 16. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/12/16/hillary-clinton-and-president-obama-are-increasingly-pointing-to-russia-to-help-explain-her-loss/> (дата обращения: 20.07.2025).

о том, что фейковые новости сделали Д. Трампа президентом США в 2016 г., сделать нельзя, однако их роль в вовлеченности избирателей в политический процесс не вызывает сомнений. Особенно показательным стал факт, что фейковые новости получили большее распространение и охват, чем материалы новостных СМИ.

Эволюция и роль дезинформации на выборах президента США в 2024 г.

В данной части исследования обратимся к президентским выборам 2024 г. в США и рассмотрим, как эволюционировали механизмы применения дезинформации и как методы использования фейковых новостей были использованы в пользу Д. Трампа для победы на выборах.

В преддверии выборов 2024 г. распространение фейковых новостей было достаточно широким и использовалось множество каналов для увеличения охвата. Стоит понимать, что в 2024 г. роль дезинформации была не только в том, чтобы «запутать» избирателей и убедить их в определенных нарративах, но и в целом ослабить доверие к традиционным СМИ.

Американская компания NewsGuard, занимающаяся мониторингом фейковых новостей, предоставила информацию о том, что с 1 сентября 2024 г. почти 800 аккаунтов в различных социальных сетях начали публиковать фейковые новости о предстоящих президентских выборах, а также более 1200 «партийных сайтов, выдающих себя за политически нейтральные местные новостные издания»²¹. В основном данные фейковые новости появлялись в Facebook*, Reddit, X**. Однако стоит понимать, что фейковые новости исходили с обеих сторон, как от республиканцев, так и от демократов: в победе на выборах в Сенат США в Висконсине, демократы утверждали о фальсификации результатов, а республиканцы распространяли новости о нарушении при подсчете голосов²².

²¹ Tenbarge K., Horvath B. Election denialism emerges on the left after Trump's win // NBC News. 2024. Nov. 16. URL: <https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/election-denialism-emerges-left-trumps-win-rcna179797> (дата обращения: 20.07.2025).

** Социальная сеть X заблокирована на территории РФ по решению Роскомнадзора.

²² 2024 U.S. Election Misinformation Monitoring Center // NewsGuard. 2024. November. URL: <https://www.newsguardtech.com/special-reports/2024-elections-misinformation-tracker/> (дата обращения: 27.07.2025).

Сейчас стоит остановиться на важном акторе в предвыборной кампании – И. Маске. В этот электоральный период можно было утверждать об открытом доверии Маска Д. Трампу и его политике. В ходе президентских выборов в 2024 г. было зафиксировано о пожертвованиях со стороны компаний И. Маска на более чем 274 млн долларов группам, поддерживающим Д. Трампа и республиканскую партию и по такому количеству вложенных средств он занял первое место²³. Также, с тех пор как Маск возглавил X^{**}, были уволены более тысячи сотрудников, включая модераторов контента, что с сентября 2024 г. помогало в ненаказуемом распространении ложной информации.

В президентских выборах в США в 2024 г. стоит отметить, что механизмы использования дезинформации изменились, в частности, стали повсеместно использоваться технологии искусственного интеллекта, что сильно отличает привычные методы использования дезинформации. Президентские выборы 2024 г. были первыми выборами с использованием технологий ИИ (искусственного интеллекта), что сильно настораживало, поскольку дезинформация, созданная ИИ, могла подорвать демократические процессы²⁴. Технологии ИИ формируют особую информационную среду, которая может исказить реальное положение дел и создавать у пользователей ложное представление о действительности.

Искусственный интеллект потенциально мог использоваться не только в негативных целях, но и в нужных кандидатам, например, перевод встреч и выступлений для избирателей из других стран или для рассылки информационных писем с призывом к сбору средств для политической кампании. Согласно опросу, проведенному исследовательским центром Pew Research Center среди американцев в начале осени, почти в восемь раз больше респондентов ожидали, что ИИ будет использоваться в основном

²³ Allison B. The world's richest man is now America's biggest political donor // Bloomberg. 2024. Dec. 6. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-06/the-world-s-richest-man-is-now-america-s-biggest-political-donor> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁴ Schneier B., Sanders N. The apocalypse that wasn't: AI was everywhere in 2024's elections, but deepfakes and misinformation were only part of the picture // The Conversation. 2024. Dec. 2. URL: <https://theconversation.com/the-apocalypse-that-wasnt-ai-was-everywhere-in-2024s-elections-but-deepfakes-and-misinformation-were-only-part-of-the-picture-244225> (дата обращения: 27.07.2025).

в негативных целях на выборах 2024 г., чем тех, кто считал, что он будет использоваться в основном во благо²⁵.

Одним из самых ярких примеров использования искусственного интеллекта был фейковый звонок Дж. Байдена, который призывал демократов штата Нью-Гэмпшир не голосовать на предстоящих выборах. В данном звонке основная мысль была о том, что «голосование в этот вторник лишь поможет республиканцам снова избрать Д. Трампа»²⁶. Однако такое точечное применение ИИ на граждан одного штата не могло сильно повлиять на исход выборов, тем более учитывая тот факт, что расследование сразу признало звонком ложным после нескольких жалоб граждан-демократов.

Технологии искусственного интеллекта использовались в президентской кампании 2024 г. как для генерирования и распространения ложного контента, так и для создания дипфейков. Данный инструмент был широко использован в президентских выборах 2024 г. и можно сказать, что он сыграл некоторую роль в итогах выборов. Дипфейк – это продукт процесса создания фото, аудио, или видеоролика, при котором оригинальный файл или образ видеоизменяется благодаря специальному программному обеспечению, включая использование нейросетей [Лукина 2023, с. 41–48]. Процесс создания дипфейка основан на обработке двух исходных образов алгоритмом глубокого обучения, который анализирует их по множеству параметров для реализации максимально естественной замены. При более качественном подделывании образов должно использоваться больше исходных материалов, что гарантирует высокое качество дипфейка²⁷.

Теперь стоит обратиться к предвыборной кампании Д. Трампа и его механизмам использования технологий ИИ. Стоит отметить,

²⁵ *Gracia S.* Americans in both parties are concerned over the impact of AI on the 2024 presidential campaign // Pew Research Center. 2024. Sept. 19. RL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/09/19/concern-over-the-impact-of-ai-on-2024-presidential-campaign/> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁶ *Seitz-Wald A., Memoli M.* Fake Joe Biden robocall tells New Hampshire democrats not to vote tuesday // NBC News. 2024. Jan. 22. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/fake-joe-biden-robocall-tells-new-hampshire-democrats-not-vote-tuesday-rcna134984> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁷ *Капитанов А., Линдре Ю.* Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/> (дата обращения: 22.07.2025).

что команда Трампа использовала дипфейки, но не для создания дезинформации и введения в заблуждение, а наоборот, открыто распространяла шуточные фото и видеоматериалы с участием Трампа. В предвыборный период было опубликовано изображение певицы Т. Свифт в костюме «Дяди Сэма» на странице Трампа в его социальной сети с подписью поддержки Свифт на предстоящих выборах республиканцев. Данное изображение также сопровождалось множеством изображений граждан с надписями на футболках «Свифт за Трампа»²⁸. Изображение было явно поддельным, о чем сам Д. Трамп спустя несколько дней признал.

Объектом создаваемых изображений становились не только звезды, но и сам Д. Трамп, например, его фото верхом на льве, в образе бодибилдера, выступающим на рок-концерте²⁹. В основном данные фотографии публиковались в социальной сети Трампа, но также и в X^{**}. Данные ироничные фотографии изначально были рассчитаны на аудиторию, которая являлась поклонниками Трампа. Изображения, созданные ИИ-технологиями, по словам Трампа, служили напоминанием избирателям на чьей стороне они находятся и каких политиков должны поддерживать: «Это приманка для тех, кто читает много политических новостей в интернете и склонен к предвзятому восприятию информации» – комментировал Трамп³⁰.

Демократы, в свою очередь, не сосредотачивали свою деятельность на продвижении и публикации ИИ-контента, а вместо этого сосредоточились на трендах в социальных сетях, для которых не были использованы ИИ-модели³¹. Однако абсолютного отказа от

²⁸ Голиков А. Трамп заявил, что Тейлор Свифт его поддержала. В доказательство он привел изображения, созданные ИИ // Афиша Daily. 2024. 19 авг. URL: <https://daily.afisha.ru/news/90023-tramp-zayavil-chto-teylor-svift-podderzhala-ego-na-vyborah-opublikovav-izobrazheniya-sozdannye-ii/> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁹ Bond S. How AI-generated memes are changing the 2024 election // National Public Radio. 2024. Aug. 30. URL: <https://www.npr.org/2024/08/30/nx-s1-5087913/donald-trump-artificial-intelligence-memes-deepfakes-taylor-swift> (дата обращения: 28.07.2025).

³⁰ Moore E. Meme-ifying 2024: how some young organizers are working to get their peers engaged // National Public Radio. 2024. Jan. 22. URL: <https://www.npr.org/2024/01/22/1226038691/memes-tik-tok-2024-democrats-republicans-social-media> (дата обращения: 28.07.2025).

³¹ AI is helping shape the 2024 presidential race. But not in the way experts feared // Associated Press. 2024. Sept. 21. URL: <https://apnews.com/article/artificial-intelligence-memes-trump-harris-deepfakes-256282c31fa9316c4059f09036c70fa9> (дата обращения: 01.08.2025).

дипфейков у демократов не было, например распространялись фотографии погони Департамента полиции Нью-Йорка за убегающим Д. Трампом, а на некоторых фото даже его задержание, но при детальном рассмотрении сразу выделялись искаженные искусственным интеллектом руки и лица³².

В заключение стоит сказать, что даже после выборов дезинформация не переставала распространяться, а власти США после президентских выборов вновь объявили о том, что дезинформация поступает извне страны и будут предприняты меры на борьбу с ней. Ожидаемой волны дезинформации и использования ИИ технологий в президентских выборах США 2024 г. не последовало, однако свою роль она сыграла. В основе дезинформации выборов 2024 г. лежали как старые методы, так и современные, включая использование технологий искусственного интеллекта, однако они были использованы больше для укрепления уже существующих нарративов и в условиях того, что множество граждан отворачивались от традиционных СМИ в пользу интернет-ресурсов.

Заключение

Избирательный процесс во всех странах является достаточно сложным, объединяя в себе множество взаимосвязанных элементов, требующих жесткого мониторинга и контроля. Начиная с президентской кампании 2016 г. в США дезинформация в форме ложных новостей стала значимым элементом политической коммуникации, используемым для продвижения определенных взглядов, дестабилизации демократических институтов и воздействия на электоральное поведение граждан.

Несмотря на тот факт, что дезинформация постепенно вживается в политическую жизнь и используется в различных политических сферах, тенденции ее развития вызывают обеспокоенность. Проблемы с выявлением дезинформации возрастают по мере стремительной эволюции ее механизмов и форм, что обеспечивает охват более широкой аудитории через социальные сети и онлайн-издания [Grossman, Helpman 2023].

Социальные сети в 2016 г. стали платформами распространения и потребления огромного количества дезинформации.

³² AI-generated images of Trump being arrested circulate on social media // Associated Press. 2023. March 22. URL: <https://apnews.com/article/fact-check-trump-NYPD-stormy-daniels-539393517762> (дата обращения: 01.08.2025).

Большое количество пользователей в социальных сетях писали у себя на страницах, что если бы не фейковые новости, Д. Трамп не смог бы стать президентом. Еще в 2016 г. было понятно, что силу дезинформации не стоит недооценивать, поскольку ее влияние на тот момент еще не было полностью осмыслено [Allcott, Gentzkow 2017].

К 2024 г. дезинформация эволюционировала, интегрировав технологии искусственного интеллекта. По мере своего развития ИИ-технологии постепенно проникли в некоторые сферы политики. Понимание принципов работы ИИ, а в частности технологий дипфейков, открывает перед специалистами возможность использовать их как во благо, так и во вред. ИИ-технологии не только распространяли ложные новости и нарративы, но и персонализировали их, усиливая убедительность для конкретных групп граждан.

Победа Д. Трампа в 2016 и 2024 гг. показывает, что дезинформация является важным фактором в электоральных циклах, способным повлиять на исход. В результате воздействия механизмов дезинформации, направленных как на распространение ложных инфоповодов, так и на удержание уже поддерживающих определенного кандидата избирателей, углублялась политическая поляризация, в связи с чем снижалась возможность избирателей формировать собственную оценку информации. Президентские кампании Д. Трампа 2016 и 2024 гг. наглядно показывают, что в современную цифровую эпоху контроль над информационным пространством играет не менее важную роль, чем предвыборная программа кандидата.

Литература

- Виноградова 2024 – *Виноградова Е.А.* Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт // *Мировая политика*. 2024. № 3. С. 44–60.
- Зотов и др. 2023 – *Зотов В.В., Консон Г.Р., Володенков С.В., Губанов А.В.* Образ цифрового будущего: формирование в медиапространстве и репрезентация в общественном сознании // *Наука телевидения*. 2023. Т. 19. № 4. С. 63–115.
- Ключникова 2019 – *Ключникова К.А.* Феномен fake news в современных СМИ США // *Век информации*. 2019. Т. 3. № 3 (8). С. 111–120.
- Логинов 2022 – *Логинов К.О.* Информационное воздействие на электорат при проведении выборов // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2022. № 2. С. 28–42.

- Лукина 2023 – *Лукина Ю.В.* Использование дипфейков в общественно-политической жизни // *Русская политология*. 2023. № 2 (27). С. 41–48.
- Манойло, Стригунов 2020 – *Манойло А.В., Стригунов К.С.* Технологии неклассической войны: Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия – Телеком, 2020. 378 с. (Информационные войны и цветные революции)
- Стригунов, Манойло, Фэнли 2022 – *Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Фэнли.* Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022. № 2. С. 98–109.
- Суворова 2017 – *Суворова А.Ю.* Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // *Государственная служба*. 2017. Т. 19. № 6 (110). С. 105–109.
- Allcott, Gentzkow 2017 – *Allcott H., Gentzkow M.* Social media and fake news in the 2016 election // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 2. P. 211–236.
- Bader 2018 – *Bader M.* Disinformation in elections // *Security and Human Rights*. 2018. Vol. 29. No. 1–4. P. 24–35.
- Grossman, Helpman 2023 – *Grossman G.M., Helpman E.* Electoral competition with fake news // *European Journal of Political Economy*. 2023. Vol. 77. P. 1–28.
- Guess, Nagler, Tucker 2019 – *Guess A., Nagler J., Tucker J.* Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook* // *Science advances*. 2019. Vol. 5. No. 1. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aau4586> (дата обращения: 28.07.2025).
- Guo, Vargo 2020 – *Guo L., Vargo C.* “Fake news” and emerging online media ecosystem: An integrated intermedia agenda-setting analysis of the 2016 US presidential election // *Communication Research*. 2020. Vol. 47. No. 2. P. 178–200.
- Lazer, Baum, Benkler 2018 – *Lazer D.M.J., Baum M.A., Benkler Y.* et al. The science of fake news // *Science*. 2018. Vol. 359. Iss. 6380. P. 1094–1096.
- Lee 2019 – *Lee T.* The global rise of “fake news” and the threat to democratic elections in the USA // *Public Administration and Policy*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 15–24.
- Prajapati, Kumar, Srivastava 2024 – *Prajapati A., Kumar G., Srivastava M.* The role of fake news in political campaigns and elections: A global perspective // *International Journal for Multidisciplinary Research*. 2024. Vol. 6. No. 6. P. 1–14
- Shao et al 2018 – *Shao C. et al.* The spread of low-credibility content by social bots // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 1–9.
- Stachofsky, Schaupp, Crossler 2023 – *Stachofsky J., Schaupp L.C., Crossler R.E.* Measuring the effect of political alignment, platforms, and fake news consumption on voter concern for election processes // *Government Information Quarterly*. 2023. Vol. 40. No. 3. URL: https://clouditartifact.com/papers/2023_GIQ.pdf (дата обращения: 28.07.2025).
- Vosoughi, Roy, Aral 2018 – *Vosoughi S., Roy D., Aral S.* The spread of true and false news online // *Science*. 2018. Vol. 359. No. 6380. P. 1146–1151.

References

- Allcott, H. and Gentzkow, M. (2017), “Social media and fake news in the 2016 election”, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 5, pp. 211–236.
- Bader, M. (2018), “Disinformation in elections”, *Security and Human Rights*, vol. 29, no. 1–4, pp. 24–35.
- Grossman, G.M. and Helpman, E. (2023), “Electoral competition with fake news”, *European Journal of Political Economy*, vol. 77, pp. 1–28.
- Guess, A., Nagler, J. and Tucker, J. (2019), “Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook”, *Science Advances*, vol. 5, no. 1, available at: <https://www.science.org/doi/10.1126/sciadv.aau4586> (Accessed 28 July 2025).
- Guo, L. and Vargo, C. (2020), “‘Fake news’ and emerging online media ecosystem: An integrated intermedia agenda-setting analysis of the 2016 U.S. Presidential Election”, *Communication Research*, vol. 47, no. 2, pp. 178–200.
- Klyuchnikova, K.A. (2019), “Fake news phenomenon in modern USA media”, *Vek informatsii*, vol. 8, no. 3, pp. 111–120.
- Lazer, D.M., Baum, M.A., Benkler, Y., et al. (2018), “The science of fake news”, *Science*, vol. 359, iss. 6380, pp. 1094–1096.
- Lee, T. (2019), “The global rise of ‘fake news’ and the threat to democratic elections in the USA”, *Public Administration and Policy*, vol. 22, no. 1, pp. 15–24.
- Loginov, K.O. (2022), “Information impact on the electorate during elections”, *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 28–42.
- Lukina, Yu.V. (2023), “The use of deepfakes in public and political life”, *Russian Political Science*, vol. 27, no. 2, pp. 41–48.
- Manoilo, A.V. and Strigunov, K.S. (2020), *Tekhnologii neklassicheskoy vojny: Genезis. Evolyutsiya. Praktika* [Technologies of nonclassical warfare. Genesis. Evolution. Practice], Goryachaya liniya – Telekom, Moscow, Russia. (*Informatsionnye voiny i tsvetnye revolyutsii*)
- Prajapati, A., Kumar, G. and Srivastava, M. (2024), “The role of fake news in political campaigns and elections: A global perspective”, *International Journal for Multidisciplinary Research*, vol. 6, no. 6, pp. 1–14.
- Shao, C., Ciampaglia, G.L., Varol, O., Yang, K.C., Flammini, A. and Menczer, F. (2018), “The spread of low-credibility content by social bots”, *Nature Communications*, vol. 9, no. 1, pp. 1–9.
- Stachofsky, J., Schapp, L.C. and Crossler, R.E. (2023), “Measuring the effect of political alignment, platforms, and fake news consumption on voter concern for election processes”, *Government Information Quarterly*, vol. 40, no. 3, available at: https://clauditartifact.com/papers/2023_GIQ.pdf (Accessed 28 July 2025).
- Strigunov, K.S., Manoilo, A.V. and Guo, Fengli (2022), “Fake news and technology of preventive delegitimization of elections”, *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, no. 2, pp. 98–109.

- Suvorova, A.Yu. (2017), "Political communications: essence, structure and current development trends", *Public Administration*, vol. 110, no. 6, pp. 105–109.
- Vinogradova, E.A. (2024), "Potential threats of unauthorized use of political deepfakes during political elections: international experience", *Mirovaya politika*, no. 3, pp. 44–60.
- Vosoughi, S., Roy, D. and Aral, S. (2018), "The spread of true and false news online", *Science*, vol. 359, no. 6380, pp. 1146–1151.
- Zotov, V.V., Konson, G.R., Volodenkov, S.V. and Gubanov, A.V. (2023), "The image of the digital future: formation in the media space and representation in the public consciousness", *The Art and Science of Television*, vol. 19, no. 4, pp. 63–115.

Информация об авторе

Иван А. Возмител, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 1142240465@rudn.ru

Information about the author

Ivan A. Vozmitel, postgraduate student, RUDN University, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklai St., Moscow, Russia, 117198; 1142240465@rudn.ru

Американское внешнеполитическое кредо
как концепция и историческое явление:
истоки и роль в XXI в.

Елена В. Бурдина

*МГИМО Университет, Москва, Россия,
burdina_e_v@my.mgimo.ru*

Аннотация. Американское внешнеполитическое кредо – объясняющая преемственность внешней политики США исследовательская концепция, берущая начало в 1930-х гг. Одновременно это мобилизующая американский народ идея, впервые документально оформленная в 1916–1918 гг. В академической литературе не существует единой трактовки понятия «американское кредо»; остается малоисследованным, как «кредо» проявлялось и проявляется в официальных документах и публичных выступлениях руководителей США. В статье приводится анализ происхождения и сравнение различных приведенных в американской и отечественной исследовательской литературе определений «кредо» как концепции. С опорой на качественный анализ письменных источников, историко-генетический и историко-описательный методы представлен краткий обзор происхождения и эволюции «кредо» как явления в XX в., охарактеризована его роль во внешней политике США XXI в. Сделан вывод, что в исследовательских целях «американское внешнеполитическое кредо» можно представить как ключевые идейные основы внешней политики США – прагматизм, мессианство, экспансионизм – определяющие преемственность американской внешнеполитической деятельности. «Кредо» призвано мобилизовать американское население и тесно связано с изменениями в международной роли США. Так, впервые оно официально составлено и документально зафиксировано в условиях, когда Соединенные Штаты предприняли первые попытки действовать глобально, за пределами Западного полушария. В XXI в., хотя «кредо» в меньшей (по сравнению с XX в.) степени упоминается в официальных документах и заявлениях, оно по-прежнему является идейной основой внешнеполитической деятельности США.

Ключевые слова: США, американское кредо, международные отношения, мессианство, внешняя политика

Для цитирования: Бурдина Е.В. Американское внешнеполитическое кредо как концепция и историческое явление: истоки и роль в XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 188–203. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-188-203

American Foreign Policy Creed as a concept and a historical phenomenon: origins and role in the 21st century

Elena V. Burdina

*MGIMO University, Moscow, Russia,
burdina_e_v@my.mgimo.ru*

Abstract. The American Foreign Policy Creed is a research concept which originates in the 1930s and is helpful to understand the US foreign policy continuance. At the same time, the Creed is enshrined in Congress and the presidential administrations' documents, dating back to 1916–1918. Academic literature lacks a commonly understood definition of the Creed, as well as the analysis of the Creed reflection in the official documents and the speeches by the US leadership. The article thus deals with the origins of the Creed concept and analyses its various definitions. Qualitative analysis of written sources in chronological order and with the use of a historical method helps to outline the Creed's evolution in the 20th century and its role in the 21st century. It is stated that for research purposes the Creed can be understood as a set of core permanent foreign policy ideas, such as pragmatism, messianism, and expansionism. The Creed mobilizes the population, being closely related to the changes in the American international posture. For example, it had been officially declared for the first time when the US unprecedentedly engaged in global affairs beyond the Western Hemisphere. In the 21st century, the Creed is less cited in official documents and speeches, but it still underlies the US foreign policy.

Keywords: US, American Creed, international relations, messianism, foreign policy

For citation: Burdina, E.V. (2026), "American Foreign Policy Creed as a concept and a historical phenomenon: origins and role in the 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 188–203, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-188-203

Внешняя политика США отличается преемственностью целей и средств их достижения, несмотря на чередование у власти представителей партий, различающихся по риторике и внешнеполити-

ческим приоритетам [Шаклеина 2024, с. 56]. Как представляется, существенную роль в объяснении преэминентности играет так называемое «американское кредо». Этот феномен, как будет показано далее, отличается множественностью трактовок в отечественной и американской академической литературе, но остается недостаточно исследованным. Целью настоящей статьи является ответ на вопрос, в чем заключается «американское кредо», как оно эволюционировало и как проявляется во внешней политике Соединенных Штатов в XXI в. Задачи статьи состоят в том, чтобы кратко проследить историю возникновения этого понятия и эволюцию феномена, выявить, как «кредо» трактуется в американских источниках, охарактеризовать проявления «американского кредо» во внешней политике США в XXI в. Поставленные задачи решаются с опорой на историко-генетический и историко-описательный методы, качественный анализ письменных источников в хронологической последовательности.

«Американское кредо»: история возникновения понятия

«Кредо», по определению, это основы мировоззрения, чьи-либо убеждения¹. Следовательно, рассуждая об «американском кредо», следует иметь в виду концентрированное выражение убеждений, разделяемых американским народом (или его частью) и элитами, выполняющее задачи объединения населения, формирования идентичности, его мобилизации в условиях вызовов.

Впервые термин «американское кредо» в оборот ввел в 1930-е гг. экономист Г. Мюрдаль, проводивший комплексное исследование проблемы расового неравенства в США. Исследователь полагал, что «американское кредо» на самом деле древнее, чем Соединенные Штаты; оно уходит корнями в эпоху Просвещения, христианское учение, английское право и представляет собой объединяющие общество идеалы свободы и равенства, имеющие универсальный

¹ См., например: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/066/045.htm> (дата обращения: 10.09.2025). Термин «кредо» происходит от обозначения «символа веры» в католичестве. Примечательно поэтому, что в отечественной литературе синонимом понятия «американское кредо» иногда выступает «американская вера/символ веры» [Мальков 2003]. В работе используется понятие «американского кредо», а не «вера» или иные понятия, для обозначения уникального явления в истории и внешней политике США.

характер. На практике, однако, «кредо» далеко не всегда соблюдается, и устранение различий между декларируемым и реальным является залогом развития американского общества [Myrdal 1944, pp. 9–25]². Различия между заявленным и выполняемым на практике подчеркнуты многими исследователями. Так, американский историк Г. Зинн отмечал, что «фиктивное» кредо зафиксировано в Декларации независимости, а «реальное» кредо представляет собой «те убеждения, которые, вне зависимости от того, записаны они... глубоко укоренились в сознании американского народа...» [Зинн 1977].

Содержание понятия «кредо» различными авторами трактуется, в целом, сходным образом. В него включаются такие качества и ценности, как свобода, равенство, индивидуализм, популизм³, политика невмешательства государства, вера в непрезвыденность политической системы США, конституционализм, демократия, культурное и политическое (но не экономическое) равенство [Lipset 1996, pp. 18–19; Lieven 2005, p. 49]. Многообразие трактовок «кредо» включает в себя представления о нем как о политической идеологии [Баталов, Малащенко, Мельвиль 1985, с. 53; Баталов 2009, с. 24]. В этой связи «кредо» должно определять идеал общественного развития, выполнять социально-политические функции, в том числе решать задачу объединения населения.

Отдельно необходимо указать на так называемое «внешнеполитическое кредо» США. Под этим термином понимается стремление «установить свое господство... в других частях мира и пользоваться при этом любыми средствами, которые подходят, чтобы обеспечить успех» [Зинн 1977]; убежденность, что мир, будучи погруженным в хаос, нуждается в организации, только Соединенные Штаты способны и обязаны разрабатывать универсальные принципы организации мирового порядка, и все остальные государства (за редкими исключениями) принимают необходимость такой роли США [Vasevich 2010]; набор различных доктрин, обосновывающих глобальное присутствие США и возможность осуществлять вмешательство в политику других государств [Hendrickson 2018, p. 82]; «глобальное военное присутствие для достижения минимального

² Здесь и далее цитаты приводятся по публикации 1944 г., однако исследование велось в 1930-х гг.

³ Согласно С. Липсету, популизм – это убеждение, что народ (общественность), а не профессиональные политики, должен контролировать политический процесс максимально полным образом. Популизм проявляется, например, в том, что общественность постоянно добивалась расширения избирательных прав [Lipset 1996, pp. 40, 43].

международного мира и порядка, организация вооруженных сил... чтобы они были способны действовать глобально, глобальный интервенционизм» [Шаклеина 2022, с. 151]. «Внешнеполитическое кредо» обосновывает неизменность целеполагания международной деятельности США, в то время как средства достижения целей могут различаться в зависимости от внешне- и внутривосточных обстоятельств. Как указывают вышеупомянутые исследователи, «внешнеполитическое кредо» в современном виде начало оформляться после Второй мировой войны. Окончательно оно утвердилось с распадом биполярного мирового порядка. «Американское» и «внешнеполитическое кредо» связаны: идеалы «американского кредо», трактуемые как универсальные [Myrdal 1944, p. 25], могут выступать обоснованием для их продвижения во всем мире [Богатуров 2004], поэтому имеет смысл говорить об «американском внешнеполитическом кредо».

Важно отметить, что «американское кредо» в области внешней политики – не только исследовательская концепция. «Кредо» зафиксировано в официальных документах конгресса и различных администраций, о чем пойдет речь ниже.

«Американское кредо»: идейная эволюция

Идеи, которые легли в основу «американского кредо», впервые сформулированы в Декларации независимости, проекте Конституции США. В этих документах те убеждения, к которым пришли «отцы-основатели», представлены в «концентрированном» виде.

Декларация независимости выражает идею равенства, единства свободных людей, объединенных неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и достижение счастья⁴. Основанная на философии Просвещения и закрепившаяся в англо-протестантской культуре [Хантингтон 2018, с. 101], эта идея стала считаться ключевой для общества США. Основной тезис, который отстаивали авторы Декларации, – право политической общности людей изменять или свергать правительство, не реализующее их права и свободы и не действующее на основе согласия управляемых. В этом представляется важная черта, вошедшая в «кредо» – прагматизм. Форма общественного устройства, выборность власти и т. д. важны не как

⁴ Declaration of Independence: A transcription // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/declaration-transcript> (дата обращения: 10.09.2025).

ценности сами по себе, а как средство обеспечения интересов определенного круга лиц.

Идея о том, что все люди⁵ равны и наделены правами от рождения, считается центральным столпом «кредо» (именно на эту его составляющую ссылались представители разных администраций США, упоминая в своих речах «кредо»⁶). Эти идеи должны были мобилизовать людей на продолжение войны за независимость, при необходимости – жертвы ради провозглашенной свободы⁷. Иными словами, объединение населения (в том числе для противостояния угрозе) и готовность к жертвам является ключевой функцией «кредо».

«Американское кредо», таким образом, изначально складывалось как характерное для внутриполитической сферы явление. Однако важно отметить, что оно сформулировано в особых ис-

⁵ Круг «всех людей» (all men) имел разные «границы» в зависимости от исторических условий. Под «всеми людьми» в эпоху написания Декларации независимости подразумевались «белые» мужчины. Вплоть до начала XX в. из него фактически исключались женщины, до середины XX в. – представители негроидной расы. Расхождение между заявленным равенством и реальным положением в обществе различных групп населения составляло повод для разделения «кредо» на официальное (декларативное) и реальное. Таким образом, идеи «кредо» не всегда соблюдаются на практике, что может являться источником конфликтов в американском обществе. Тем не менее «кредо» предоставляет идеальный образ будущего, что позволяет ему выполнять задачи целеполагания, мобилизации.

⁶ См.: *Giuliani R.* Remarks at The Federalist Society in Washington, DC. 2007. Nov. 16 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-federalist-society-washington-dc> (дата обращения: 10.09.2025); *Bush G.W.* The President's radio address. 2008. July 5 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-radio-address-467> (дата обращения: 10.09.2025); Proclamation 10233 – Captive Nations Week, 2021. July 16, 2021 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-10233-captive-nations-week-2021> (дата обращения: 10.09.2025); и др.

⁷ «И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью». См.: Декларация независимости // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О.А. Жидкова; пер. О.А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/EText/indpndnc.htm> (дата обращения: 10.09.2025).

торических международных условиях. Разработка «кредо» была связана с началом активной борьбы отделившихся колоний против метрополии. В этих обстоятельствах проявилась внешнеполитическая задача «кредо» – обоснование права колоний на независимое существование, равноправное с другими народами («мировыми державами»)⁸. США стали первым освободившимся от колониальной зависимости государством, и это самовосприятие в купе с убежденностью, что на то есть «воля Творца», заложило почву для американского мессианства, являющегося важной составляющей «кредо».

В течение XIX века суть «кредо» уточнялась элитами США: этот процесс включал в себя и осмысление преемственности с Великобританией [От миропорядка... 2005, с. 43] (в преддверии и в ходе Войны за независимость, США противопоставляли себя метрополии), и различные трактовки равенства и прав человека, и разработку внешнеполитических подходов и моделей социально-экономического развития США. Соединенные Штаты получили возможность расширять свою территорию через завоевание или мирное присвоение колониальных территорий других европейских держав и захват индейских земель. Этот процесс, с одной стороны, приводил к противопоставлению США европейским державам, так как новые территории становились частью «свободного» государства, а не попадали в зависимость от «метрополии». С другой – был сопряжен с опасностями как для поселенцев (болезни, столкновения с индейцами и пр.), так и государства (провоцирование конфликтов с другими странами). Наличие необходимости выйти за пределы привычных условий существования и «подвижность» границы способствовали становлению «утопии» и стремления к преобразованию реальности в американском сознании [Баталов 1982, с. 61, 65]. В середине XIX в. появляется концепция «Божественного предначертания» [Согрин 2018, с. 83], в соответствии с которой освоение континента являлось данной свыше миссией Америки. Сопряженные с освоением «фронта» опасности, в свою очередь, формировали постоянное ощущение угрозы, которую необходимо было ликвидировать путем продвижения границы далее. Этот подход трансформировался в основание для американского экспансионизма – сначала в Западном полушарии, затем в пределах всего мира. Экспансионизм, связанный с борьбой против угроз и выполнением особой миссии, способствовал формированию «американского кредо». Как следствие, в начале XX в. возникла потребность в представлении «кредо» в емкой форме.

⁸ Там же.

«Американское кредо» в XX в.

К этому моменту США достигли уровня экономического и политического развития, достаточного для установления влияния как в Западной полушарии, так и за его пределами. Участие США в войне за пределами «своего» континента требовало соответствующей поддержки от населения. В сентябре 1916 г. в США объявлен патриотический конкурс на лучшее изложение «кредо американского народа». Его победителем стал У.Т. Пейдж⁹, а его работа легла в основу резолюции Палаты представителей от 3 апреля 1918 г. «Кредо Американского народа». Официальное провозглашение «кредо» было насущной задачей в связи с тем, что среди населения и части истеблишмента США были сильны настроения в пользу невмешательства в войну и нейтралитета, а администрация В. Вильсона прорабатывала идею о формировании «нового миропорядка» при активном вовлечении США [Согрин 2024, с. 51]. «Кредо» было призвано стимулировать поддержку нового, глобального курса.

«Кредо» составлено на основе ряда ключевых для США документов и текстов: Декларация независимости, Конституция, речи Дж. Вашингтона и А. Линкольна, присяга на верность Соединенным Штатам и др. Полностью текст звучит следующим образом: «Я верю в США как в правительство народа, волей народа и для народа, законные полномочия которого происходят из согласия управляемых; демократию и республику; суверенное государство, состоящее из суверенных штатов; единый и неделимый совершенный союз, основанный на принципах свободы, равенства, справедливости и гуманности, ради которых патриоты Америки жертвовали жизнью и благосостоянием. Поэтому я верю, что моя обязанность перед моей страной заключается в том, чтобы любить ее, соблюдать конституцию, исполнять законы, почтительно от-

⁹ Уильям Тайлер Пейдж (1868–1942) был потомком президента Джона Тайлера и одного из подписантов Декларации независимости от штата Вирджиния Картера Бракстона. В 1919 г. он стал клерком Палаты представителей. Это обстоятельство происхождения автора было ценным для подчеркивания преемственности истории США. См.: Н. Doc. 77-654 – William Tyler Page. Proceedings in the House of Representatives in commemoration of the sixtieth anniversary of the services of William Tyler Page together with the broadcast ceremony in the studio of radio station WWDC in Washington, D.C. December 19, 1941. P. 5. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/SERIALSET-10687_00_00/pdf/SERIALSET-10687_00_00.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

носиться к флагу и защищать страну от всех врагов»¹⁰ (перевод мой. – Е. Б.).

Основную задачу, которую преследовал У.Т. Пейдж, можно интерпретировать так: кратко представить ценности Соединенных Штатов для американцев и воодушевить их на защиту страны¹¹. В том числе – на поддержку нового внешнеполитического курса ради достижения победы США в войне и выполнения международных обещаний (чего от Соединенных Штатов «ждет весь мир»¹²). Как впоследствии говорили современники У.Т. Пейджа, кредо «будет служить источником вдохновения для патриотов до тех пор, пока *эта нация будет существовать как земля свободных людей и родина храбрецов*»¹³ (курсив мой. – Е. Б.). Примечательно, что такая оценка была дана в декабре 1941 г., после вступления США во Вторую мировую войну – вновь подчеркивалась роль кредо в связи с активизацией международной деятельности Соединенных Штатов. В межвоенный период текст «кредо» активно распространялся для укрепления духа населения и в целях воспитания патриотизма¹⁴. Таким образом, разработка новой формы «кредо» и его уточнение стали востребованными в новых для

¹⁰ The American's Creed. US History. URL: https://www.ushistory.org/documents/creed.htm?srsId=AfmBOoruRBbsWV32HtrG5Bi0e4RS9FtVyov_CitthtKYqrXs55QTvkh5 (дата обращения: 10.09.2025).

¹¹ 56 Cong. Rec. (Bound). Vol. 56. Part 12 (December 17, 1917 to November 21, 1918). P. 288. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/GPO-CRECB-1918-pt12-v56> (дата обращения: 10.09.2025).

¹² Ibid.

¹³ H. Doc. 77-654 – William Tyler Page. Proceedings in the House of Representatives in commemoration of the sixtieth anniversary of the services of William Tyler Page together with the broadcast ceremony in the studio of radio station WWDC in Washington, D.C. December 19, 1941. P. 10. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/SERIALSET-10687_00_00/pdf/SERIALSET-10687_00_00.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁴ См.: S. Doc. 66-83 – Twenty-first report of the National Society of the Daughters of the American Revolution, March 1, 1917, to March 1, 1918. August 4, 1919. Referred to the Committee on Printing. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/SERIALSET-07601_00_00-002-0083-0000/pdf/SERIALSET-07601_00_00-002-0083-0000.pdf (дата обращения: 10.09.2025); S. Doc. 67-116 – Twenty-fourth report of the National Society of the Daughters of the American Revolution. March 1, 1920, to March 1, 1921. January 16, 1922. Referred to the Committee on Printing. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/SERIALSET-07973_00_00-002-0116-0000/pdf/SERIALSET-07973_00_00-002-0116-0000.pdf (дата обращения: 10.09.2025); и др.

США международных условиях, при отступлении от изоляционистских позиций и начале проведения глобальной политики (несмотря на то что в межвоенный период США все же отказались от активного вовлечения в международные институты). В этой связи проявлялось представление о Соединенных Штатах как об уникальном государстве свободы.

После Второй мировой войны «кредо» упоминалось в основном в контексте внутривнутриполитического развития США. Ключевым вопросом являлось положение расовых меньшинств в США, и в рамках этих дебатов давались различные трактовки идеи равенства, заложенной в «кредо»¹⁵. Предпринимались, например, попытки создать «кредо меньшинств», в том числе «афро-американское кредо»¹⁶. Несмотря на то что США провозглашали борьбу с коммунизмом и позиционировали себя как лидера «свободного мира», «кредо» во внешнеполитическом контексте практически не упоминалось. Отсылки на него давались в основном в связи с вопросами внутривнутриполитического и социально-экономического развития Соединенных Штатов¹⁷. При этом во второй половине XX в. политика США сохраняла черты прагматизма, мессианства и экспансионизма. Именно в этот период у политических элит (особенно той части, что тесно связана с ВПК) складывается убежденность в необходимости глобальной роли США.

¹⁵ См.: 97 Cong. Rec. (Bound). January 18, 1951. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1951-pt1/pdf/GPO-CRECB-1951-pt1-11.pdf> (дата обращения: 10.09.2025). P. 441; August 19, 1960. Vol. 106. Part 13. Bound Edition. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CRECB-1960-pt13/pdf/GPO-CRECB-1960-pt13-1.pdf> (дата обращения: 10.09.2025). P. 16757–16759.

¹⁶ 144 Cong. Rec. S593 – NATIONAL AFRICAN AMERICAN CREED. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CREC-1998-02-10/pdf/CREC-1998-02-10-pt1-PgS593-2.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁷ См., например: Remarks on Signing the Annual Report of the Council on Environmental Quality. July 11, 1984. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-signing-the-annual-report-the-council-environmental-quality> (дата обращения: 10.09.2025); Proclamation 5876 – National Employ the Handicapped Week, 1988. October 03, 1988. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/proclamation-5876-national-employ-the-handicapped-week-1988> (дата обращения: 10.09.2025); и др.

Новые проявления «американского кредо» в XXI в.

После распада СССР, окончания биполярного мирового порядка и особенно с провозглашением Дж. Бушем-мл. «войны против терроризма», «кредо» вновь стало играть важную мобилизационную роль. «Кредо» трактовалось как объединяющая США и союзников совокупность убеждений и использовалось как основание для противопоставления США «врагам»¹⁸, а также как общий ориентир («надежда») для всего мира и свидетельство уникальности США и их международных позиций¹⁹.

Отсылки к «кредо» в официальных документах делались реже, чем в более ранние периоды. Однако важно отметить, что «кредо» использовалось как обоснование активной, глобальной международной деятельности США. Так, подчеркивалась универсальность «американского кредо», позволяющая воздействовать на народ любой страны, что вкупе с другими ресурсами США (в том числе инвестиционной привлекательностью и возможностями для ведения бизнеса) позволяет США сохранить привлекательность «лидерства»²⁰.

Примечательно, что «кредо» трактуется одновременно как основа для уникального (исключительного) положения США и как объединяющая разные народы идея, но американские политические деятели обычно не усматривают в этом противоречия. Универсальность «кредо» обоснована логикой философии Просвещения – все люди наделены равными правами, все страны должны двигаться по пути прогресса. Вместе с тем США убеждены, что занимают уникальное положение как страна, впервые применившая эти принципы на практике и положившая их в основу своей государственности – это один из ключевых американских «мифов» [Баталов 2009, с. 26]. С помощью «кредо», таким образом, США позиционируют себя в качестве руководящей державы, которая должна быть привлекательна для «ведомых», иметь общие с ними черты²¹ и при этом занимать особую позицию, отличаться от остальных. «Искус-

¹⁸ Remarks at a “Saluting Our Veterans” Celebration in Ripley, West Virginia – 1138. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2002-07-08/pdf/WCPD-2002-07-08-Pg1138.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁹ Message on the Observance of Independence Day, 2003 – 876. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/WCPD-2003-07-07/html/WCPD-2003-07-07-Pg876-2.htm> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁰ S. Hrg. 114-485 – Global Challenges and U.S. National Security Strategy. P. 172. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-114shrg22944/pdf/CHRG-114shrg22944.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

²¹ Так, США позиционируют себя как «лидера свободного мира».

ственность» американского идеала и непригодность для остального мира» являются проблемой для международной деятельности США [Шаклеина 2024, с. 57], однако США не отказываются от этого внешнеполитического аспекта «кредо».

На базе «кредо» и в развитие этих идей формировались (и продолжают разрабатываться) такие внешнеполитические концепции, как глобальная война против терроризма и американский интернационализм (2000-е гг.)²²; новая эпоха вовлеченности, справедливый и устойчивый мировой порядок, основанный на правилах (2009–2016 гг.)²³; мир посредством силы (2016–2020 гг., вторая половина 2020-х гг.)²⁴. Эти характерные для разных администраций в XXI в. концепции опираются, с одной стороны, на прагматизм во внешней политике, с другой – на особую американскую миссию и постоянное расширение международной деятельности. Периодически США декларируют намерение перераспределить внешнеполитические ресурсы и сократить американское глобальное присутствие. В Стратегии национальной безопасности США 2025 г., например, критикуется стремление к «постоянному американскому господству над всем миром»²⁵. Однако в этом же документе неоднократно указано на лидирующие позиции США в экономике, научно-технологическом развитии и военной мощи; глобальное лидерство не является самоцелью, но США сохраняют задачу предотвращения возникновения соперников на глобальном и, в отдельных случаях, на региональном уровнях²⁶, в чем видна явная преемственность со стратегиями 1990-х гг.²⁷ Таким образом, подобные «уточнения» внешней политики остаются в логике «американского внешнеполитического кредо».

²² National Security Strategy of the United States of America, September 2002. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 10.09.2025).

²³ National Security Strategy of the United States of America, May 2010. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁴ National Security Strategy of the United States of America, December 2017. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁵ National Security Strategy of the United States of America, December 2025. P. 1. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁶ Ibid. P. 6, 10.

²⁷ См.: National Security Strategy for a New Century, May 1997. P. 6. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (дата обращения: 10.09.2025).

* * *

«Американское внешнеполитическое кредо» – это важная и ценная для исследователей целей концепция, позволяющая определить причины преемственности внешней политики США, рассмотреть взаимосвязи между доктринами и концепциями, принимаемыми руководством Американского государства в различных международных условиях. Вместе с тем это – зафиксированная в официальных документах совокупность идей, призванная объединить население, при необходимости, мобилизовать его на противостояние угрозе или врагу. «Американское кредо» начало складываться в эпоху Войны за независимость, а официально оформлено в условиях Первой мировой войны, когда США впервые готовились взять на себя глобальную роль. Его основными чертами являются прагматичность внешней политики, экспансионизм, убежденность в особой миссии Соединенных Штатов.

В XXI в. «американское кредо» по-прежнему является идейным «фундаментом» внешней политики США, на основе которого как республиканские, так и демократические администрации формируют свои ключевые внешнеполитические концепции. Хотя в их рамках могут провозглашаться различающиеся приоритеты и задачи внешней политики, они объединены общей целью – сохранение «исключительных» позиций США в мире и недопущение сокращения американского влияния в мире из-за наличия угроз или держав-конкурентов. Таким образом, даже при относительно редком упоминании в официальных документах и заявлениях в XXI в. по сравнению с прошлым столетием, «кредо» в реальности сохраняет свою значимость для современной внешней политики Соединенных Штатов.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю – заслуженному деятелю науки РФ, доктору политических наук, профессору Татьяне А. Шаклеиной за наставничество в работе и рекомендации по улучшению статьи, а также сотрудникам и аспирантам кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) за замечания.

Acknowledgements

The author would like to thank the research supervisor, Honorable scholar of the Russian Federation professor Tatiana A. Shakleina for her guidance

during the research and recommendations on the paper improvement. The author appreciates the remarks by the members of the Department of Applied International Analysis.

Литература

- Баталов 1982 – *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
- Баталов 2009 – *Баталов Э.Я.* Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
- Баталов, Малашенко, Мельвиль 1985 – *Баталов Э.Я., Малашенко И.Е., Мельвиль А.Ю.* Идеологическая стратегия США на международной арене. М.: Международные отношения, 1985. 230 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма)
- Богатуров 2004 – *Богатуров А.Д.* Истоки американского поведения // Международная жизнь. 2004. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoki-amerikanskogo-povedeniya/> (дата обращения: 10.09.2025).
- Зинн 1977 – *Зинн Г.* США после второй мировой войны: 1945–1971 / сокр. пер. с англ. яз. П.С. Белянина [и др.]; вступ. ст. Е.И. Поповой. М.: Прогресс, 1977. 286 с.
- Мальков 2003 – *Мальков В.Л.* Американская мечта как символ веры и внешнеполитическая стратегема: Протоистория «империи по приглашению» // Американский ежегодник, 2001. М.: Наука, 2003. С. 122–154.
- От миропорядка... 2005 – От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 200 с. (Региональная библиотека международника)
- Согрин 2018 – *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М.: Весь мир, 2018. 480 с.
- Согрин 2024 – *Согрин В.В.* Американские идеологии XVII–XXI вв. М.: Весь мир, 2024. 136 с.
- Хантингтон 2018 – *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / [пер. с англ. К. Королева]. М.: АСТ, 2018. 544 с. (Геополитика)
- Шаклеина 2022 – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022. 448 с.
- Шаклеина 2024 – *Шаклеина Т.А.* Соединенные Штаты Америки в XXI в.: утопия и реальность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4 (857). С. 55–64.
- Vacevich 2009 – *Vacevich A.* Washington rules. America's path to permanent war. N.Y.: Metropolitan Books, 2010. 304 p.
- Hendrickson 2018 – *Hendrickson D.* Republic in peril: American empire and the liberal tradition. Oxford: Oxford University Press, 2018. 291 p.

- Lieven 2005 – *Lieven A. America right or wrong: An anatomy of American nationalism*. L.: Harper Perennial, 2005. 274 p.
- Lipset 1996 – *Lipset S.M. American exceptionalism. A double-edge sword*. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 1996. 352 p.
- Myrdal 1944 – *Myrdal G. American dilemma: the Negro problem and modern democracy*. N.Y.: Harper and Brothers Publishers, 1944. 1538 p. URL: <https://archive.org/details/AmericanDilemmaTheNegroProblemAndModernDemocracy/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 10.09.2025).

References

- Bacevich, A. (2010), *Washington rules. America's path to permanent war*, Metropolitan Books, New York, USA.
- Batalov, E.Ya. (1982), *Sotsial'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and utopian consciousness in the US], Nauka, Moscow, USSR.
- Batalov, E.Ya. (2009), *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [Russian Idea and American Dream], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Batalov, E.Ya., Malashenko, I.E. and Melvil, A.Yu. (1985), *Ideologicheskaya strategiya SShA na mezhdunarodnoi arene* [US ideological strategy in the world affairs], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR. (*Kritika burzhuaznoi ideologii i revizionizma*)
- Bogaturov, A.D. (2004), "The roots of American behavior", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 6, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/istoki-amerikanskogo-povedeniya/> (Accessed 10 Sept. 2025).
- Huntington, S. (2018), *Kto my? + Vyzovy amerikanskoi natsional'noi identichnosti* [Who are we? The challenges to America's national identity], AST, Moscow, Russia. (*Geopolitika*)
- Hendrickson, D. (2018), *Republic in peril: American empire and the liberal tradition*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Lieven, A. (2005), *America right or wrong: an anatomy of American nationalism*, Harper Perennial, London, UK.
- Lipset, S.M. (1996), *American exceptionalism. A double-edge sword*, W.W. Norton & Company, New York, USA, London, UK.
- Malkov, V.L. (2003), "American Dream as credo and foreign policy stratagem. Proto-history of the Empire by invitation», in *Amerikanskii ezhegodnik, 2001* [American Yearbook, 2001], Nauka, Moscow, Russia, pp. 122–154.
- Myrdal, G. (1944), *American dilemma: the Negro problem and modern democracy*, Harper and Brothers Publishers, New York, USA, available at: <https://archive.org/details/AmericanDilemmaTheNegroProblemAndModernDemocracy/page/n5/mode/2up> (Accessed 10 Sept. 2025).
- Shakleina, T.A. (2022), *Rossiya i SShA v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Russia and the US in contemporary international relations], Aspekt Press, Moscow, Russia.

- Shakleina, T.A. (2024), "America in the 21st century: utopia and reality", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, vol. 857, no. 4, pp. 55–64.
- Sogrin, V.V. (2018), *Entsiklopediya istorii SShA* [The U.S. History Encyclopaedia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Sogrin, V.V. (2024), *Amerikanskie ideologii XVII–XXI vv.* [American ideologies of the 17th – 21st centuries], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Voitolovskii, F.G., Gudev, P.A. and Solov'ev, E.G., eds. (2005), *Ot miroporyadka imperii k imperskomu miroporyadku* [From the world order of empires to the Imperial world order], Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, Moscow, Russia. (*Regional'naya biblioteka mezhdunarodnika*)
- Zinn, G. (1977), *SShA posle vtoroi mirovoi voiny: 1945–1971* [Postwar America: 1945–1971], Progress, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Елена В. Бурдина, МГИМО Университет, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; burdina_e_v@my.mgimo.ru

Information about the author

Elena V. Burdina, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119454; burdina_e_v@my.mgimo.ru

Книжная полка

УДК 327(470+73):271.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-204-212

Православный аспект культурного диалога между Российской империей и США

Рецензия на книгу:

Печатнов В.О., Печатнов Вал.В. Русская православная
церковь в Америке: Очерки истории, 1867–1917.
М.: Аспект Пресс, 2025. 448 с.

Виктория И. Журавлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhuravlevavic@mail.ru*

Для цитирования: Журавлева В.И. Православный аспект культурного диалога между Российской империей и США [Рец.:] Печатнов В.О., Печатнов Вал.В. Русская православная церковь в Америке: Очерки истории, 1867–1917. М.: Аспект Пресс, 2025. 448 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 204–212. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-204-212

The Orthodox dimension of the cultural dialogue between the Russian Empire and the United States

Book review: *Pechatnov V.O., Pechatnov, Val.V.* The Russian
Orthodox Church in America: Essays on history, 1867–1917.
Moscow: Aspekt Press, 2025. 448 p.

Victoria I. Zhuravleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zhuravlevavic@mail.ru*

For citation: Zhuravleva, V.I. (2026), “The Orthodox dimension of the cultural dialogue between the Russian Empire and the United States. [Review:] *Pechatnov V.O., Pechatnov Val.V.* The Russian Orthodox Church in America: Essays on history, 1867–1917. Moscow: Aspekt Press, 2025. 448 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 204–212, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-204-212

© Журавлева В.И., 2026

Изучение истории российско-американских отношений получило новый импульс после окончания холодной войны [Zhuravleva 2022]. Однако религиозное измерение двустороннего диалога по-прежнему остается недостаточно изученной темой, несмотря на публикации известных американских историков Н. Сола [Saul 1991; Saul 1996; Saul 2001], Д.С. Фоглесонга [Foglesong 1997; Foglesong 2007], М. Миллера [Miller 2015]. Их российских коллег по цеху закономерно привлекала история русской православной церкви в США, прежде всего духовной миссии на Аляске вплоть до ее продажи в 1867 г.¹ Гораздо меньше внимания уделялось Алеутской и Северо-Американской (первоначально – Аляскинской) православной епархии в последней трети XIX – начале XX в. Между тем она по своим масштабам превосходила все прочие заграничные духовные миссии Российской империи, имела разветвленную структуру, публиковала периодические издания и охватывала практически все американское православие (за исключением греческих приходов). Малоисследованной проблемой в этой истории остается дипломатическое сопровождение деятельности русской духовной миссии в США, география церквей и приходов, человеческое измерение истории заокеанской епархии, которое было связано с жизнью и служением не только церковных реформаторов, но и простых тружеников-миссионеров.

Именно этим сюжетам посвящена новая книга известного российского историка-американиста Владимира Олеговича Печатнова и Валентина Владимировича Печатнова, представляющая собой сборник документальных очерков, основанных на материалах из фондов Российского государственного архива, Архива внешней политики Российской империи, Архива Русской Церкви на Аляске, публикациях в прессе и источниках личного происхождения, а также на исследованиях, опубликованных в России и США [Печатнов В., Печатнов Вал. 2025].

Монография состоит из четырех разделов, охватывающих историю Алеутской и Северо-Американской епархии в период от продажи Аляски до революции 1917 г. Этот нарратив вписывается в контекст изучения русского православия за рубежом, религиозного развития США и российско-американских отношений в целом.

В *первом разделе* авторы рассматривают проблему сложного взаимодействия заграничных учреждений Русской православной церкви с российскими посланниками, послами и консулами, при том что епархия подчинялась Св. Синоду, а дипломатический

¹ См. работы представителей школы «Русской Америки», созданной Н.Н. Болховитиновым.

корпус Министерству иностранных дел. В условиях, когда дипломаты и священнослужители по-разному расставляли приоритеты в проведении церковно-государственной политики в Соединенных Штатах, первым приходилось искать баланс между соблюдением дипломатических норм и поддержкой православия в Америке, а вторым – не только искать содействия в решении консульских вопросов, но и прислушиваться к рекомендациям дипломатов в том, что касалось деятельности в инокультурной среде, где православная церковь была одной из многих американских церквей и не могла рассчитывать на привилегии, которыми она обладала в Российской империи. Этот баланс во взаимоотношениях достигался непросто, учитывая неподобающее поведение отдельных представителей российского духовенства в США (о чем авторы неоднократно упоминают на страницах своей книги), а также постоянные трения между обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым и министерством иностранных дел, неизменно встававшим на защиту алгоритма действий представителей дипломатического корпуса в вопросах распространения православия в Америке.

Особый интерес в первом разделе представляет глава, посвященная сравнительному анализу восприятия российскими дипломатами и священнослужителями страны их пребывания. Наряду с такими общими чертами как великодержавность, вера в превосходство русских православно-монархических институтов над американскими демократическими, критика расовой дискриминации и социального неравенства США, а также бездуховности американцев, что не мешало высоко оценивать их экономические и технические достижения, негативная реакция на деятельность еврейской общины, осложнявшей своими действиями двусторонние отношения, выделяются различия, обусловленные профессиональной деятельностью. Как показывают авторы, если внимание дипломатов было сосредоточено на идеологии и практике внешней политики Вашингтонских администраций в ее соотношении с национальными интересами России, священнослужителей интересовала проблема потери русской православной идентичности в американской среде и культурно-психологические отличия протестантизма, господствовавшего в обществе, от православия, что затрудняло расширение православной паствы.

При этом нельзя согласиться с авторами в том, что у всех российских дипломатов антисемитизм имел «дежурный» или служебный характер (с. 72). Например, Ю.П. Бахметев² (один из четырех

² Его русское имя было – Юрий, хотя на английском он подписывался George.

этнических русских среди послов и посланников, представлявших Россию с 1867 по 1917 г., в то время как остальные восемь принадлежали к европейской аристократии) был ярким антисемитом по своим взглядам и убеждениям. Достаточно сравнить его депеши, посвященные «еврейскому вопросу» в российско-американских отношениях, с донесениями одного из самых проницательных и космополитичных российских дипломатов своего времени Р.Р. Розена, получившего прозвище «Дипломатическая Кассандра».

Второй раздел книги рассказывает о повседневной жизни православных священнослужителей за океаном и вводит читателя в персонализированную историю русского православия в США, что в целом является одним из главных достоинств монографии. Авторы обращают основное внимание на проблему подбора достойных кадров для Алеутской и Северо-Американской епархии и ключевую роль в данном процессе самого Победоносцева. Они рассказывают об искателях мест в православных приходах США, побуждаемых не только идеалистическими и мессианскими соображениями, но и стремлением к поиску новых впечатлений и определенного материального достатка, а также предлагают вниманию читателя зарисовки каждодневной будничной работы, в русле которой совершалось основное миссионерское служение русских священников в Америке.

Опираясь на материалы Архива Русской Церкви на Аляске, который хранится в Библиотеке Конгресса США, авторы характеризуют различные аспекты жизни русских священнослужителей: материальное обеспечение их деятельности, статус и круг обязанностей, систему надзора со стороны епархиального начальства и дипломатов, механизмы поощрения, наказания и продвижения по службе, особенности приходской и семейной жизни, включая воспитание и образование детей, взаимодействие с представителями других конфессий, миссионерскую деятельность по обращению местных жителей в православие.

Эта мозаика персональных историй позволяет понять, что несмотря на трудности адаптации к новым климатическим, социально-экономическим и культурно-психологическим условиям, русскому духовенству удалось не просто приспособиться к жизни в Соединенных Штатах, но и способствовать распространению там православия. И хотя ни о каком массовом переходе американцев в эту веру речи не шло, усилия священнослужителей из Российской империи помогли православной церкви укорениться в Америке.

Третий раздел посвящен географии православных храмов и приходов, прежде всего истории Свято-Николаевского кафедрального собора в Нью-Йорке и прихода в Сан-Франциско. Главы

о деятельности православных сообществ, строительстве соборов и церквей и роли православия в жизни славянских эмигрантов в США написаны авторами на основе архивных материалов и публикаций в американских периодических изданиях. Этот рассказ вписан не только в историю Русской православной церкви за рубежом, но и в контекст российско-американского политического и культурного диалога, что придает данному «географическому и архитектурному» разделу особое звучание.

К сожалению, авторы не посчитали возможным более подробно рассказать о церковном хоре Свято-Николаевского кафедрального собора в Нью-Йорке, ограничившись лишь его упоминанием со ссылкой на дипломатическую переписку (с. 183). А ведь этот русский хор под управлением И.Т. Горохова, ассистента А.Д. Ка-стальского, который был директором Московского Синодального училища и Синодального хора и выдающимся композитором русской духовной музыки, гремел по всей стране. Он начал свои выступления в 1912 г. после долгого подготовительного периода при финансовой поддержке известного американского русофила, мецената и бизнесмена из Чикаго Ч. Крейна. Горохов привез с собой в Нью-Йорк четыре баса и четыре тенора. Для исполнения партий сопрано в США по конкурсу отобрали группу американских мальчиков из русскоязычного населения. Результат превзошел все ожидания. Свято-Николаевский кафедральный собор стал местом паломничества любителей русской церковной музыки со всех уголков страны, приезжавших не только послушать великолепное исполнение церковных песнопений, но и познакомиться с методикой Горохова. Крейн выделял по 10 000 долл. в год на содержание хора, возил его по американским университетам, включая Гарвард, и в феврале 1914 г. даже устроил в Белом доме концерт для президента В. Вильсона. Во время выступления церковной капеллы в Хэмптонском институте, созданном в 1868 г. в Виргинии для получения высшего образования темнокожими американцами, студенческий хор дал ответный концерт негритянской музыки. По мнению Крейна, это была потрясающая встреча культур, оставившая неизгладимое впечатление в сердцах ее участников³.

Самый объемный, *четвертый раздел*, составляющий практически половину книги, содержит историю жизни и служения наиболее знаковых фигур русской православной епархии в Америке: епископов Алеутских и Аляскинских Нестора (Николай Павлович Засса) и Николая (Михаил Захарович Зиоров); отца Александра Хотовицкого, в течение двадцати лет занимавшегося пастырской и мис-

³ Об этом см. [Курков 2001; Журавлева 2012, с. 968–969].

сионерской деятельностью на благо Русской православной церкви в США; отца Иоанна Кочурова (Иоанн Александрович Кочуров), который служил в Чикаго-Стриторском приходе и при деятельном участии которого был построен чикагский Свято-Троицкий собор; отца Иакова Корчинского (Иаков Кузьмич Корчинский), ставшего первым постоянным православным миссионером в Канаде, с 1908 г. служившего в новых приходах Пенсильвании и Нью-Джерси и занявшего пост первого управляющего Русского эмигрантского дома в Нью-Йорке; архимандрита Анатолия (Алексей Васильевич Каменский), настоятеля Михаило-Архангельского собора в Ситке, занимавшегося распространением православия среди коренных жителей Аляски, верования и обычаи которых он не только уважал, но и серьезно изучал, посвятив им научную книгу, и закончившего свою деятельность в США учителем духовной школы в Миннеаполисе; отца Захария Белькова, возглавившего миссию на Севере Аляски, где он занимался миссионерством среди местного населения в труднодоступных районах, а также строительством православных церквей.

Эти документальные очерки логически обобщают предыдущие разделы, вписывая в рассказ о судьбах представителей русской православной епархии в США все предыдущие истории, будь то география приходов и храмов, русская эмиграция, взаимодействие дипломатов и священников или российско-американские отношения в целом.

Оригинальная по замыслу и насыщенная архивными материалами монография В.О. Печатнова и Вал.В. Печатнова адресована всем, кто интересуется религиозной историей США и русского православия за рубежом, а также российско-американских отношений в целом. Однако исследование только бы выиграло от расширения характеристики указанных контекстов с опорой на исследовательскую литературу.

В историографическом плане можно было бы привлечь работы Д.С. Фоглесонга и М. Миллера и сравнить практики русского православного миссионерства в США и американского в Российской империи. Публикации Н. Сола (в подстрочнике его фамилия указывается до 92-й стр. ошибочно как Soul), в том числе посвященные деятельности Ч. Крейна [Saul 2013], а также работы по имагологии двусторонних отношений избранного периода позволили бы авторам представить яркие портреты действующих лиц их исторического повествования, не ограничиваясь лишь их упоминанием (как это случилось с известной журналисткой В.Н. Макгахан или американским бизнесменом и русофилом Ч. Крейном), а также усложнить картину взаимовосприятия, в которую вписывались

представления дипломатов и православных священников. Расширение историографической и источниковой базы в целом открывает новые горизонты и для изучения роли русского православия в Северной и Латинской Америке вообще и в американской религиозной мозаике в частности. Кроме того, восприятию материала, представленного в монографии, могла бы помочь авторская карта, демонстрирующая географию распространения православных приходов в США в исторической динамике.

Впрочем, все вышесказанное может быть отнесено к перспективам изучения деятельности русской православной церкви по другую сторону Атлантики, которая вписывается в историю общего прошлого русских и американцев, поучительную для нас, живущих сегодня в условиях глубочайшего кризиса во взаимоотношениях двух стран⁴. Было бы желание извлекать из этого исторического прошлого уроки.

Литература

- Журавлева 2012 – *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 136 с.
- Курков 2001 – *Курков Н.В.* Русская духовная музыка в Америке в начале XX в. // Размышления об Америке: Исторический альманах / отв. ред. В.А. Коленко. Вып. 1. М., 2001. С. 187–222.
- Печатнов В., Печатнов Вал. 2025 – *Печатнов В.О., Печатнов Вал.В.* Русская православная церковь в Америке: Очерки истории, 1867–1917. М.: Аспект Пресс, 2025. 448 с.
- Foglesong 1997 – *Foglesong D.S.* Redeeming Russia? American missionaries and tsarist Russia, 1886–1917 // *Religion, State and Society*. 1997. Vol. 25. No. 4. P. 353–368.
- Foglesong 2007 – *Foglesong D.S.* The American mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 352 p.
- Miller 2015 – *Miller M.L.* The American YMCA and Russian culture. The preservation and expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham, MD: Lexington Books, 2015. 283 p.
- Saul 1991 – *Saul N.E.* Distant friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1991. 460 p.
- Saul 1996 – *Saul N.E.* Concord and conflict: The United States and Russia, 1867–1914. Kansas University Press, 1996. 654 p.

⁴ Подробнее об этом см.: *Журавлева В.И.* Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021.

- Saul 2001 – *Saul N.E. War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001. 483 p.
- Saul 2013 – *Saul N.E. The life and times of Charles R. Crane, 1858–1939: American businessman, philanthropist, and the founder of Russian studies in America*. Lanham: Lexington Books, 2013. 334 p.
- Zhuravleva 2022 – *Zhuravleva V.I. The study of the history of US – Russia relations in the 21st century on both sides of the Atlantic: Research approaches and method // Новая и новейшая история*. 2022. Т. 66. № 4. С. 29–54.

References

- Foglesong, D.S. (1997), “Redeeming Russia? American missionaries and tsarist Russia, 1886–1917”, *Religion, State and Society*, vol. 25, no. 4, pp. 353–368.
- Foglesong, D.S. (2007), *The American mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Kurkov, N.V. (2001), “Russian spiritual music in America at the beginning of the 20th century”, *Razmyshleniya ob Amerike: Istoricheskii al'manakh* [Reflections on America. Historical almanac], iss. 1, Moscow, Russia, pp. 187–222.
- Miller, M.L. (2015), *The American YMCA and Russian culture. The preservation and expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940*, Lexington Books, Lanham, USA.
- Pechatnov, V.O. and Pechatnov, Val.V. (2025), *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v Amerike: Ocherki istorii, 1867–1917* [Russian Orthodox Church in America. Essays on history. 1867–1917], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Saul, N.E. (1991), *Distant friends: The United States and Russia, 1763–1867*, University Press of Kansas, Lawrence, USA.
- Saul, N.E. (1996), *Concord and conflict: The United States and Russia, 1867–1914*, University Press of Kansas, Lawrence, USA.
- Saul, N.E. (2001), *War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*, University Press of Kansas, Lawrence, USA.
- Saul, N.E. (2013), *The life and times of Charles R. Crane, 1858–1939: American businessman, philanthropist, and the founder of Russian studies in America*, Lexington Books, Lanham, USA.
- Zhuravleva, V.I. (2012), *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify: 1881–1914* [Understanding Russia in the USA: images and myths. 1881–1914], RGGU, Moscow, Russia.
- Zhuravleva, V.I. (2022), “The study of the history of the US – Russia relations in the 21st century on both sides of the Atlantic: Research approaches and methods”, *Novaya i noveishaya istoriya*, vol. 66, no. 4, pp. 29–54.

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zhuravlevavic@mail.ru

УДК 94(450)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-213-221

История итальянского (нео)фашизма:
к вопросу об исторической преемственности
Рецензия на книгу: *Славина Я.* Итальянский фашизм:
100 лет постоянства и перемен. М.: Кучково поле,
2025. 461 с.

Даниил Д. Сушков
Московский авиационный институт, Москва, Россия,
d.d.sushkov@gmail.com

Ключевые слова: Италия, неофашизм, правый радикализм, Р. Де Феличе, историография

Для цитирования: Сушков Д.Д. История итальянского (нео)фашизма: к вопросу об исторической преемственности. [Рец.:] Славина Я. Итальянский фашизм: 100 лет постоянства и перемен. М.: Кучково поле, 2025. 461 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 213–221. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-213-221

History of Italian Neo-Fascism:
Addressing historical continuity

Review of: *Slavina Ya.* Ital'yanskii fashizm: 100 let postoyanstva i peremen [Italian fascism: A century of continuity and change]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2025. 461 p.

Daniil D. Sushkov
Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia,
d.d.sushkov@gmail.com

Keywords: Italy, neofascism, right radicalism, R. De Felice, historiography

For citation: Sushkov, D.D. (2026), "History of Italian Neo-Fascism: Addressing historical continuity. [Review:] *Slavina Ya.* Ital'yanskii fashizm: 100 let postoyanstva i peremen [Italian fascism: A century of continuity and change]. Moscow: Kuchkovo Pole, 2025. 461 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 213–221, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-213-221

© Сушков Д.Д., 2026

История итальянского фашизма до сих пор остается дискуссионной темой как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Отдельным ответвлением развития «идеологии третьего пути» выступает история итальянского неофашизма, возникшего сразу после окончания Второй мировой войны и занявшего прочные позиции в общественно-политической жизни послевоенной Италии. Историк Я. Славина предприняла попытку проследить возможные пути преемственности между историческим фашизмом, послевоенным неофашизмом и современными правыми политическими силами, которых относят скорее к «постфашистским», т. е. не имеющим непосредственной преемственности от фашизма [Tarchi, Carioti 2024; Ignazi 1994].

Исследователи неофашизма, как правило, отталкиваются от двух подходов к его интерпретации. Первый подход можно условно обозначить как *«историцистский»*, основу которому заложил крупнейший исследователь итальянского фашизма Р. Де Феличе [De Felice 1975]. «Историцизм» можно понимать как способ осмысления событий прошлого через попытку понять их внутреннюю логику, что требует от исследователя отказаться от тенденции к моральной оценке и сосредоточиться на отдельных аспектах изучаемого феномена [Parlato 2006; Parlato 2015; Parlato 2023; Parlato, Ungari 2021]. В противном случае это неизбежно влечет к различного рода анахронизмам и презентизму.

Несмотря на то что некоторые философы истории, например Ф. Анкерсмит, полагали, что наличие «ценностно-нейтральной установки не влияет на объективность нарратива» [Анкерсмит 2009], все же стремление к «нейтральности» кажется необходимым при формировании «этического измерения» в историографии, в противном случае она неизбежно становится одним из инструментов политического [Анкерсмит 2009].

Второй подход можно обозначить как *«морально-критический»*, он характерен для ряда историков, склонных отождествлять или соотносить неофашизм XX в. с современными правыми политическими течениями. Сторонники этого подхода интерпретируют историю правых сил как поступательную и целенаправленную борьбу с возобладавшими после войны ценностями демократии и либерализма, либо левых сил [Ferraresi 1995; Vercelli 2018; Vercelli 2021; Гансер 2017]. Подобная (ре)актуализация истории неофашизма вероятно свидетельствует о тенденции, продиктованной необходимостью усилить влияние «альтернативного» дискурса в публичном пространстве и является характерным приемом так называемой левой историографии, возникшей сразу после окончания Второй мировой войны [Sereni 1948].

Книга Я. Славиной представляет интерес сразу по нескольким причинам. Во-первых, Славина является первым автором, за исключением авторов пары небольших статей [Замов 2016; Князева 2023], «открывшим» для отечественной историографии данную проблематику, а значит ее интерпретация обладает определенным преимуществом, поскольку не имеет альтернатив и полностью формирует представление публики о феномене итальянского неофашизма. Во-вторых, исследование репрезентирует именно *«морально-критический»* подход, что закрепляет эту позицию в возможной «борьбе интерпретаций» в будущем. Поэтому анализ работы с точки зрения композиции исследования и выстраиваемой аргументации представляет особенный интерес.

Книга состоит из 6 глав, каждая из которых, по задумке автора, должна отражать определенный этап в развитии итальянского фашизма. Его истоки Славина связывает с рядом интеллектуальных и культурных феноменов, возникших в Италии в первой четверти XX в. Среди них она выделяет роль Г. Д'Аннунцио, итальянского поэта и политика, чей «имидж» впоследствии использовал Б. Муссолини, прослеживает влияние футуризма на формирование фашизма, упоминает Ю. Эволю, «Школу фашистского мистицизма» и философию Дж. Джентиле. Нужно сказать, что подобный подбор имен и феноменов, хотя они и имели отношение к итальянской истории межвоенного периода, не вполне ясен. Каждый из сюжетов относился к разному периоду формирования фашизма и относить их все к «истокам» представляется не вполне корректным. Так, роль Д'Аннунцио и Ф. Маринетти действительно можно соотнести с периодом так называемого фашизма-движения, когда возникшее после Первой мировой войны сообщество ветеранов искало новые образы и формы для выражения несогласия с политическим курсом страны. Вместе с тем все остальные явления относятся скорее к «фашизму – политическому режиму»¹: Школа фашистского мистицизма была основана в 1930 г., что не позволяет говорить о ней как об «источке» фашизма, равно как и о философских концепциях Дж. Джентиле, которые стали опорой режиму Муссолини лишь после его прихода к власти. Ю. Эвола также не повлиял на формирование фашизма, более того, он был скорее маргинальным мыслителем, поскольку критиковал как политику Муссолини, так и взгляды Джентиле. Поэтому о его важной роли стоило бы сказать в контексте послевоенного развития (нео)фашизма в связи с

¹ Разделение на «фашизм – движение» и «фашизм – политический режим» было предпринято Р. Де Феличе и является классическим при исследовании итальянского фашизма.

организацией «Фашей революционного действия» (итал. “Fasci d’azione rivoluzionaria”), о которых нет упоминаний в книге, но чье влияние крайне важно для формирования правой культуры в Италии. Досадным упущением стоит считать отсутствие ссылок на книгу Д.С. Моисеева – единственного в своем роде исследования на русском языке, посвященного философским истокам итальянского фашизма, в котором проводится комплексный анализ истории итальянской политической мысли XIX–XX вв. [Моисеев 2021].

Концепция Славиной заключается в том, что «ультраправые» как политическая и культурная сила хотя и зародились в межвоенный период в форме фашизма, представляют собой более широкий пласт всевозможных сил и движений. Действительно, рассматривать «правых» только с точки зрения развития неофашистской партии «Итальянское социальное движение» не вполне верно, поскольку в ее орбите находилось множество небольших групп, сформировавших как основу для террористических ячеек, так и пространство для осмысления неофашизма в «метapolитическом» измерении. Это концептуальное разграничение нашло отражение и в структуре исследования Славиной, где появление «Итальянского социального движения» отнесено к главе, повествующей о военном периоде и первых послевоенных годах.

Вместе с тем, дистанцируясь от партийной истории «Итальянского социального движения», автор избирает специфическую исследовательскую интерпретацию, которая во многом соотносится с конспирологическими представлениями историка Д. Гансера о ключевой роли США, НАТО и масонских лож в формировании европейского послевоенного неофашизма как важнейшего инструмента борьбы с левыми в рамках так называемой «стратегии напряженности» – противоборства блоков в Европе в условиях невозможности прямого военного столкновения между ними [Гансер 2017].

Несмотря на то что полностью отрицать связь американских спецслужб с правым радикализмом в Европе нельзя, недоступность официальных источников и крайне узкий круг фактически неverified устных свидетельств способствует глубокой мистификации подобного взаимодействия, будь то теракты неофашистов в 1970-е гг. или так называемый заговор Боргезе – попытка государственного переворота в Италии в 1970 г., который интерпретируется Славиной как прямое доказательство влияния США на неофашистов и внутреннюю политику Италии в этот период. Более того, похищение премьер-министра А. Моро в 1978 г. так называемыми Красными бригадами – левоэкстремистской организацией – рассматривается автором как попытка дискре-

дитации левых сил со стороны масонской ложи «Пропаганда-2», которой Славина отводит одну из главных ролей во влиянии на итальянскую политику в 1970-е гг. посредством формирования широкой сети неформальных связей, глубоко укорененных в различных государственных ведомствах.

Ярким примером переоценки роли американских спецслужб в «Свинцовые семидесятые» в этой связи является попытка доказать связь итальянского террориста С. Делле Кьяйе и ЦРУ с помощью материалов разведывательного управления, в которых якобы говорится о встрече террориста с неким агентом М. Таунли. Копия документа на с. 215 не содержит никакой информации о Делле Кьяйе. Изучение подобных сюжетов требует особой тщательности и внимания к деталям, о чем говорил, например, Н. Тониетто, отказавшийся следовать конспирологической интерпретации «Заговора Боргезе» и показавший, что попытки неофашистов договориться с США не были успешны, а реакция американских представителей была либо осторожная, либо отрицательная, что делает невозможным какую-либо верификацию на данный момент и лишает исследователей оснований для однозначных выводов [Tonietto 2016].

Наиболее любопытной частью исследования Славиной можно назвать гл. 5, поскольку в ней анализируется активность правых радикалов в рамках культурной борьбы и «метаполитики» – концепции, возникшей в среде «Новых правых» и сформировавшейся под влиянием идей А. Грамши о «культурной гегемонии». Именно исследование деятельности правых интеллектуалов, издательств и аналитических центров позволяет проследить неформальную связь между неофашистскими кругами послевоенного периода и современными правыми политиками. Крайне ценной в научном плане представляется информация о современных аналитических центрах, возникших в 2010-е гг. с целью формирования правоконсервативной повестки в Италии в противовес «левой гегемонии». Славина показывает, каким образом формировался современный политический ландшафт страны, где важную роль занимали «бывшие» представители неофашизма, которых активно поддерживал С. Берлускони в 2000–2010-е гг. Помимо этого, важным аспектом новизны можно назвать анализ внесистемных правых организаций, сформировавшихся в 1990–2000-е гг., например общественно-политической организации «Дом Паунда» (итал. “CasaPound”) и крайне правой партии «Новая сила» (итал. “Forza Nuova”).

Анализируя путь членов неофашистских организаций, Славина стремится показать «порочную» природу правых сил и движений, интеллектуальная и культурная деятельность которых, по ее мнению, способствует воспитанию «современных боевиков» (с. 355).

В этой связи нельзя не отметить, что большое количество разнонаправленных правых организаций и движений в Италии стоит соотносить с их реальной значимостью в общественно-политической жизни страны, которая до сих пор остается крайне низкой ввиду маргинального характера подобных структур. Даже их сближение с политиками, например, с М. Сальвини в конце 2010-х гг., имело лишь ситуативный характер, поэтому говорить о системном общении правой коалиции с маргинальными группами затруднительно.

Консервативная риторика «суверенизма» и «сохранения традиционных ценностей», становящихся политическим мейнстримом в Италии, в оптике Славиной рассматривается как инструмент для захвата власти, а не последовательный идеологический и политический курс современного правительства. Автор предпочитает не упоминать о том, что правительство Дж. Мелони является наиболее стабильным за последние десятилетия, о чем заявляют и ее оппоненты из левого лагеря. Кроме того, вызывает недоумение критика по отношению используемых методов в реализации культурной политики, например, идей А. Грамши. Идея «культурной гегемонии» переосмысливалась в правых кругах начиная с 1950-х гг. Эти и другие аспекты «негативной» критики Славиной позволяют говорить о явной приверженности *«морально-критическому»* подходу в анализе итальянского неофашизма. Стоит также отметить, что стремление к обобщению всего правого политического спектра не было подкреплено четким определением используемых терминов и понятий, что затрудняет понимание того, что все же подразумевает автор под «неофашизмом», «ультраправыми» и «крайне правыми», – без дополнительных пояснений за подобной терминологией прослеживается специфическая политическая мифология.

Выстраиваемая Славиной логика окончательно проявляется лишь в заключительной части книги, не лишенной противоречий. Так, например, заявляется, что партия «Братья Италии» является официальной правопреемницей “Национального альянса”, созданного на основе “Итальянского социального движения” (с. 386–387). Вместе с тем общеизвестно, что в 1995 г. секретарь ИСД Дж. Фини разорвал с фашистским прошлым, перейдя на правоконсервативные позиции, а партия «Братья Италии» была создана представителями различных политических ориентаций, о чем Славина сама упоминала в начале книги (с. 3–12).

Вместе с тем эти и другие недочеты не умаляют значимости книги Славиной, которая стала первопроходцем в отечественной историографии итальянского неофашизма, интерес к которому, надо думать, будет постепенно возрастать. Авторская концепция важна хотя бы потому, что стала своего рода «окном» в европей-

ские, прежде всего итальянские, исследовательские практики неофашизма в их «морально-критическом» варианте, идеи которых нашли комплексное отражение в тексте настоящего исследования.

Литература

- Анкерсмит 2009 – *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с. (Гуманитарное знание – XXI век)
- Гансер 2017 – *Гансер Д.* Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2020. 336 с.
- Замов 2016 – *Замов Э.А.* Джорджо Альмиранте: фашист после фашизма // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический ун-т, 2016. Вып. 18. С. 208–217.
- Князева 2023 – *Князева С.Е.* «Неофашистская партия Итальянское социальное движение и “дело 12 декабря”» // Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики. СПб: Алетейя, 2023. С. 573–602.
- Моисеев 2021 – *Моисеев Д.С.* Политическая философия итальянского фашизма: Становление и развитие доктрины. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 320 с.
- De Felice 1975 – *De Felice R.* Intervista sul fascismo. Roma; Bari: Laterza, 1975. 125 p.
- Ferraresi 1995 – *Ferraresi F.* Minacce alla democrazia. La Destra radicale e la strategia della tensione in Italia nel dopoguerra. Milano: Feltrinelli, 1995. 399 p.
- Ignazi 1994 – *Ignazi P.* Postfascisti? Dal Movimento sociale italiano ad Alleanza nazionale. Bologna: il Mulino, 1994. 121 p.
- Parlato 2006 – *Parlato G.* Fascisti senza Mussolini. Le origini del neofascismo in Italia: 1943–1948. Bologna: il Mulino, 2006. 438 p. (Biblioteca storica)
- Parlato 2015 – *Parlato G.* La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta // Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento. Brescia: Morcelliana, 2015. P. 133–147.
- Parlato 2023 – *Parlato G.* La destra neofascista // Luglio 1960. Le tensioni del cambiamento. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2023. P. 343–370.
- Parlato, Ungari 2021 – *Parlato G., Ungari A.* Le destre nell'Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli: Rubettino, 2021. 280 p.
- Sereni 1948 – *Sereni E.* Il mezzogiorno all'opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo. Torino: Einaudi, 1948. 165 p.
- Tarchi, Carioti 2024 – *Tarchi M., Carioti A.* Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano: Solferino, 2024. 448 p.
- Tonietto 2016 – *Tonietto N.* Un colpo di stato mancato? Il golpe Borghese e l'eversione nera in Italia // Diacronie. Studi di Storia Contemporanea. 2016. Vol. 3. Iss. 27. URL: https://www.studistorici.com/2016/09/29/tonietto_numero_27/ (дата обращения: 13.11. 2025).

- Vercelli 2018 – *Vercelli C.* Neofascismi. Torino: Edizione del Capricorno, 2018. 188 p.
 Vercelli 2021 – *Vercelli C.* Neofascismo in grigio. La destra radicale tra l'Italia e l'Europa. Torino: Einaudi, 2021. 128 p.

References

- Ankersmit, F.R. (2009), *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology. The rise and fall of metaphor], Kanon+, Moscow, Russia.
- De Felice, R. (1975), *Intervista sul fascismo*, Laterza, Roma, Bari, Italia.
- Ferraresi, F. (1995), *Minacce alla democrazia. La Destra radicale e la strategia della tensione in Italia nel dopoguerra*, Feltrinelli, Milano, Italia.
- Ganser, D. (2017), *Sekretnye armii NATO: Operatsiya "Gladio" i terrorizm v Zapadnoi Evrope* [NATO's secret armies: Operation "Gladio" and terrorism in Western Europe], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia.
- Ignazi, P. (1994), *Postfascisti? Dal Movimento sociale italiano ad Alleanza nazionale*, il Mulino, Bologna, Italia.
- Knyazeva, S.E. (2023), "Neofashistskaya partiya Ital'yanskoe sotsial'noe dvizhenie i 'delo 12 dekabrya'" [The Italian Social Movement neo-fascist party and the "December 12 case"], in *Fashizm i antifashizm: problemy teorii i praktiki* [Fascism and anti-fascism; issues of theory and opractice], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 573–602.
- Moiseev, D.S. (2021), *Politicheskaya filosofiya ital'yanskogo fashizma. Stanovlenie i razvitie doktriny* [The political philosophy of the Italian fascism. The doctrine's origins and it's development], Kabinetnyi Uchenyi, Ekaterinburg, Russia.
- Parlato, G. (2006), *Fascisti senza Mussolini. Le origini del neofascismo in Italia: 1943–1948*, il Mulino, Bologna, Italia. (Biblioteca storica)
- Parlato, G. (2015), "La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta", in *Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento*, Morcelliana, Brescia, Italia, pp. 133–147.
- Parlato, G. (2023), "La destra neofascista", in *Luglio 1960. Le tensioni del cambiamento*, Rubbettino, Soveria Mannelli, Italia.
- Parlato, G. and Ungari, A. (2021), *Le destre nell' Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale*, Rubbettino, Soveria Manelli, Italia.
- Sereni, E. (1948), *Il mezzogiorno all'opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo*, Einaudi, Torino, Italia.
- Tarchi, M. and Carioti, A. (2024), *Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni*, Solferino, Milano, Italia.
- Tonietto, N. (2016), "Un colpo di stato mancato? Il golpe Borghese e l'eversione nera in Italia", *Diacronie. Studi di Storia Contemporanea*, 2016, vol. 3, iss. 27, available at: https://www.studistorici.com/2016/09/29/tonietto_numero_27/ (Accessed 13 Nov. 2025).
- Vercelli, C. (2018), *Neofascismi*, Edizione del Capricorno, Torino, Italia.

- Vercelli, C. (2021), *Neofascismo in grigio. La destra radicale tra l'Italia e l'Europa*, Einaudi, Torino, Italia.
- Zamov, E.A. (2016), "Giorgio Almirante: the Fashist after Fashism", in *Zapad, Vostok i Rossiya: Voprosy vseobshchei istorii [West-East]*, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2016, iss. 18, pp. 208–217.

Информация об авторе

Даниил Д. Сушков, Московский авиационный институт, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4; d.d.sushkov@gmail.com

Information about the author

Daniil D. Sushkov, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia; 4, Volokolamsky Hwy, Moscow, Russia, 125993; d.d.sushkov@gmail.com

Публикация источников

УДК 94(581)

DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-222-231

«Этим интернациональным долгом в Афганистане
мы раскололи родину...»
(по воспоминаниям советских военных и востоковедов
о спорном решении)

Сергей Л. Медведко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smedvedko@mail.ru*

Для цитирования: Медведко С.Л. «Этим интернациональным долгом в Афганистане мы раскололи родину...» (по воспоминаниям советских военных и востоковедов о спорном решении) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2026. № 2. С. 222–231. DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-222-231

“In consequence of this internationalist duty
in Afghanistan, we divided our homeland...”
(based on the memoirs of the Soviet military personnel
and orientalists about the controversial decision)

Sergei L. Medvedko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smedvedko@mail.ru*

*For citation: Medvedko, S.L. (2026), “ ‘In consequence of this internationalist duty in Afghanistan, we divided our homeland...’ (based on the memoirs of the Soviet military personnel and orientalists about the controversial decision)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 222–231, DOI: 10.28995/2073-6339-2026-2-222-231*

© Медведко С.Л., 2026

В статье на основе сохранившихся в архиве Л.И. Медведко материалов¹ я попытался показать, что ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. не был простым и единогласным решением. Оно вызвало раскол во мнениях не только среди простых граждан, но и среди военных, политиков, журналистов. Постараюсь внести свою скромную лепту в понимание процесса, обстоятельств ввода советских войск в Афганистан и показать реакцию на это событие людей, занимавшихся непосредственно этой тематикой или имевших к ней отношение. Дополнить картину событий почти полувековой давности помогут источники личного происхождения, мемуарные заметки, воспоминания, записи участников и свидетелей того непростого для нашей родины периода.

Когда речь идет о войнах и кризисах, правда зачастую становится достоянием гласности спустя годы, а то и десятилетия. Это явление в значительной мере касается и ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Здесь надо учитывать и тот факт, что в те времена участники афганской кампании в условиях советской цензуры не могли сделать свои мысли и свидетельства достоянием широкой гласности, тем более что многие из них давали подписку о неразглашении.

Мой отец – полковник ГРУ Генштаба МО СССР военный разведчик Леонид Иванович Медведко – годами позже писал: «Нам было видно, как нелегко и долго шло по нашей развединформации принятие решений высшим политическим руководством страны. К сожалению, к мнению профессиональных разведчиков и военных наверху мало прислушивались. В 1979 г. за неделю до ввода войск министр обороны Дмитрий Федорович Устинов собрал у себя всех своих заместителей, начальника Генштаба маршала Николая Васильевича Огаркова, начальника Главного политического управления генерала Алексея Алексеевича Епишева и начальника ГРУ Петра Ивановича Ивашутина. Министр хотел выслушать их мнение по поводу возможного ввода войск в Афганистан. Генералу армии Ивашутину было предоставлено слово первому. Он предупредил, что Советский Союз может получить в Афганистане то,

¹ Речь идет о записях в блокнотах, на диктофонах, видеокассетах, а также о сохранившихся воспоминаниях покойного отца автора – военного разведчика, полковника ГРУ Генерального штаба ВС СССР, востоковеда, доктора военных наук, академика РАЕН Леонида Ивановича Медведко, который проработал под прикрытием журналиста не один десяток лет на Ближнем Востоке, а затем был назначен начальником оперативно-аналитической службы ГРУ, которую он сам же создал. Л.И. Медведко – член Союза писателей СССР.

что в свое время получили американцы во Вьетнаме или египтяне в Северном Йемене. Те и другие в конечном итоге вынуждены были уйти, так ничего и не добившись. Все присутствовавшие на совещании у министра обороны высказались против проведения запланированной операции. Такого же мнения придерживался и сам начальник Генштаба маршал Николай Огарков. Устинов принял к сведению их мнения, но сам промолчал. Однако, как стало ясно позже, к доводам военных в ЦК КПСС не стали прислушиваться. На Политбюро Устинов был вынужден примкнуть к большинству, чтобы решение о вводе наших войск в Афганистан приняли единогласно»².

Трудно было оценивать перспективы развития событий в Афганистане. Так называемая Саурская революция 1978 г. и последовавшие за ней события оказались там сложнее и более затяжными, чем «исламская революция» в соседнем Иране. Леонид Медведко вспоминал, как после его доклада начальству о завершении 27 декабря 1979 г. штурма дворца Амина спецназом ГРУ (под командованием полковника Василия Колесника) один из присутствующих генералов не удержался и задал сакраментальный вопрос: «А как быстро, думаете вы, наши военные там управятся? За дней десять уложимся?» На что получил ответ: «В Афганистане, как и в Йемене, война может длиться годами. Боюсь, десяти дней не хватит. Она, скорее, затянется на десять лет, а не дней». Присутствующие генералы переглянулись, но промолчали. Но даже такой прогноз, как показала история, оказался слишком оптимистичным.

Опытный разведчик, прекрасно знающий Средний Восток, военный атташе в Афганистане генерал Сергей Крахмалов, а также назначенный перед самым вводом войск посол СССР в Афганистане Фикрят Табеев рассказывали, что они были в недоумении, узнав о решении ввести советские войска. Ни генерал, ни дипломат не получали никакой информации о готовящейся переброске наших войск в Афганистан. И тем более – их мнения и советов никто не спрашивал. Может быть и потому, что не хотели услышать от двух профессионалов рекомендации не ввязываться в афганские события.

Мало кто знает, что на заседании Политбюро по Афганистану, как уже значительно позже стало известно, больше всех, как ни странно, колебался сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Хотя большинство советских людей именно его чаще всего обвиняли в «афганской авантюре». Советский полити-

² *Медведко Л.И.* Испытание: Заметки аксакала «умной службы» ГРУ. М.: Грифон, 2019. С. 131.

ческий деятель, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, кандидат в члены ЦК КПСС Карен Персесович Брутенц в своих мемуарах объяснил, что мы так мало знаем о начале той войны, так как участники декабрьского заседания Политбюро не оставили мемуаров или иных письменных свидетельств насчет этого события³. В одном из взятых мною интервью у этого партийного деятеля он сообщил: «Влиятельные силы в администрации США делали все, чтобы “не спугнуть” это решение. Но Брежнев словно предчувствовал, чем может завершиться афганская эпопея для Советского Союза. Чутье у него все-таки было! Уже через пару месяцев после ввода войск в Афганистан в феврале 1980 г. генсек, по словам Брутенца, предлагал вывести наших солдат как выполнивших свою первоначальную задачу.

Своего критического отношения к «афганскому вопросу» не скрывали и многие видные востоковеды. Но, увы, к их доводам не прислушивались ни правительство, ни министр обороны Устинов, ни другие члены Политбюро. Некомпетентность властей выражалась в том, что они игнорировали исторические и этнические традиции населения Афганистана, его решимость вести партизанскую войну. А главное, будучи атеистами, они не могли понять силу ислама как сплачивающего различные социальные и национальные слои афганского общества фактора в его борьбе против «неверных шурави».

Друг отца с конца 40-х (еще со студенческих лет) известный политик Евгений Максимович Примаков, будучи уже академиком АН СССР и директором ИМЭМО, помню, как-то рассказывал ему о своем споре с товарищами из ЦК по поводу Афганистана. В этой связи он упоминал и даже цитировал Наркома иностранных дел Чичерина, чьи высказывания он приводил партийным работникам в качестве аргумента. Примаков призывал их вспомнить, что отношения между азиатской монархией и тогдашним молодым Советским Союзом, нацеленным при этом на мировую революцию, основывались на принципах невмешательства и взаимного уважения. Молодое советское государство в 20-х годах прошлого века, даже несмотря на стоящие перед ним острые экономические проблемы, оказывало Афганистану всяческую помощь с целью обеспечения стабильности у своих южных границ.

Уже позже мне удалось отыскать эти слова наркома Чичерина, который инструктировал в 1921 г. дипломатических представителей Москвы в афганской столице: «Вы должны всячески

³ *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой площади: Мемуары. М.: Международные отношения, 1998. С. 481.

избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждать коммунизм в стране. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие... Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в деятельность вашего народа... Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такую программу, которая ему чужда в нынешней стадии его развития»⁴. Но, наверное, спустя более полувека советские руководители партии и правительства сочли, что «нынешняя стадия развития» миновала, и южному соседу уже можно «навязать свою программу».

Журналисты-востоковеды, кому довелось работать в Афганистане, в те времена писали не только статьи и сообщения для открытой печати, но и так называемые закрытые материалы, предназначенные для представителей властных структур. То были, например, выпускаемые ТАСС бюллетени с грифом секретности под литерами «А», «АД» или ОЗП (отдел закрытой печати), аналитические статьи в БПИ (Бюллетень почтовой информации). Но даже такие материалы, как правило, не побуждали советскую номенклатуру задаться вопросами – что заставило Москву ввести войска в Афганистан и с какой целью?

Мой коллега по ТАСС и однокашник по Институту стран Азии и Африки МГУ, проработавший в Кабуле в 70–80-е годы более десяти лет, прекрасный знаток Афганистана Андрей Грешнов, автор книги «Афганистан: заложники времени», был уверен, что падение демократического режима в Афганистане «стало результатом предательства бывших руководителей СССР, способствовавших развалу могущественного мирового государства, верного союзника Афганистана»⁵. Заведующий отделением ТАСС в Кабуле, политический обозреватель и блестящий востоковед Юрий Константинович Тыссовский, с которым я не один год проработал в редакции Востока, в ходе командировки в Афганистан был серьезно ранен. Он видел ситуацию реально, изнутри. Юрий Константинович считал, что советские вожди, приняв решение о вводе войск, проявили верх своей некомпетентности. «Кроме того, – говорил он, – думаю, что кремлевские старцы были просто ослеплены внушаемой им десятилетиями идеей классовой солидарности. Они не понимали, что “афганские революционеры” обращались за помощью к Москве,

⁴ Инструкция Народного комиссара иностранных дел РСФСР Полномочному Представителю РСФСР в Афганистане // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 165.

⁵ *Грешнов А.Б.* Афганистан: заложники времени. М.: Товарищество научных изданий, 2006. С. 3.

ибо теряли власть в конфликте с местными вождями и феодалами. А наши советские руководители, не понимая ни этнических, ни религиозных, ни исторических тонкостей, поддавшись на шантаж афганских коллег, превращались в их идеологических заложников и сделали опрометчивый, вернее, трагический шаг по введению войск. Главное же, Москва, проигнорировав фактор ислама как объединяющего фактора всех слоев и национальностей афганского общества, спровоцировала в Афганистане всеобщий джихад против “иноверцев”. А ведь наши афгановеды обо всем этом неоднократно предупреждали, но бесполезно. Американцам же только это и было надо. В Вашингтоне понимали, чем закончится для Москвы военное вторжение». Правда, позже, как стало очевидно, политики и военные Соединенных Штатов для себя уроков тоже не извлекли.

Военный атташе СССР в Афганистане генерал Сергей Крахмалов как-то рассказал о своем разговоре с маршалом Соколовым (министром обороны в 1984–1987 гг.). Они дружили, были сокурсниками по учебе в Военной академии. И маршал в той приватной беседе с другом, явно не одобряя решения политиков и партийцев о вводе войск в Афганистан, как-то очень грустно признался Крахмалову: «Эх, Сергей, влипли мы здесь с тобой в беду надолго. Не знаю даже, как мы будем теперь из нее выбираться».

Примерно такого же мнения придерживался в откровенных разговорах и начальник Генштаба маршал Н.В. Огарков, с которым полковнику ГРУ Леониду Медведко не раз приходилось общаться по службе, докладывая обстановку в Афганистане и даже обсуждая ее ход и детали.

Начальник ГРУ генерал армии Петр Иванович Ивашутин тоже, мягко говоря, весьма скептически относился к «афганской затее». Он по несколько раз в год вылетал в Афганистан и в общей сложности за девять лет афганской кампании провел там более года. Делясь своими мыслями, генерал как-то сетовал: «В Афганистане настоящей войны в классическом ее понимании, строго говоря, и не было. Даже фронта там как такового не существовало. И в этом заключалась проблема. Наши войска загнали противника в горы, но и сами мы оказались в двойной ловушке, устроенной нам как душманами, так и американцами».

Об этом же рассказывал мне и другой легендарный разведчик генерал Юрий Иванович Дроздов. Он работал начальником Управления нелегальной разведки Первого Главного управления КГБ СССР (1979–1991 гг.). Дроздов считал, что президент США Рональд Рейган (1981–1989 гг.) вместе с НАТО создали такие условия, которые после вторжения Москвы в Афганистан заставили ее в той войне увязнуть. Они сделали все, чтобы активировать действия

моджахедов и других диверсионных групп, предоставляли им самое современное оружие, в том числе ракеты ПВО «Стингер». Много лет спустя Юрий Дроздов встречался с советником по национальной безопасности США – Збигневом Бжезинским. В одной из бесед с нашим разведчиком Бжезинский открыто признался, что «американцам нужно было, чтобы Советский Союз затыкнуло в ту же трясиину, в которую те попали во Вьетнаме». Именно эти слова дословно Бжезинский и произнес Дроздову.

После захвата в 1979 г. в Тегеране «исламскими революционерами» полсотни заложников из числа работников посольства США, а также после провала десантной операции по их освобождению, в Вашингтоне подготовили и другой план. Он предусматривал после иранской операции – вторжение в Афганистан. Именно это, как полагал разведчик Дроздов, стало одной из причин советского вторжения в Афганистан. Кроме того, наши войска, считал он, ввели туда для того, чтобы избежать войны с американцами в Иране. В этом смысле, если учесть сложившуюся в 1979 г. общую международную ситуацию и менталитет наших вождей, то их решение вмешаться в афганские дела можно объяснить страхами перед возможностью проникновения американцев в Афганистан. Хотя не исключено, эти опасения были преувеличены.

Советские вооруженные силы не оказались тогда готовы вести одновременно «две с половиной войны», как то предусматривалось тогдашней советской военной доктриной. Полковник Медведко вспоминал, как в 1980 г. генерал Петр Ивашутин беседовал с министром иностранных дел СССР Алексеем Громыко. А тогда почти параллельно шли три войны: ливанская, афганская и ирако-иранская. И Громыко в сердцах воскликнул: «Это ж надо! В один год три войны сразу!» На что Ивашутин саркастически отреагировал: «Вот тебе, как говорится, и резерв мировых революций!», вспомнив известное ленинское выражение.

В 2011 г. мне пришлось брать интервью у генерала армии Махмута Гареева, который в 1989–1990 гг. был главным военным советником президента Афганистана уже после вывода оттуда советского контингента. Гареев играл важную роль в планировании боевых операций правительственных войск президента Наджибуллы. В записанной беседе генерал дословно сказал: «Многие считают, что втягивание советских войск в ту войну явилось преступлением. Однако ее окончание, каким оно стало, оказалось не менее серьезной ошибкой. Афганистан бросили на произвол судьбы. Чем это закончилось, всем известно. Талибы захватили власть. Наджибулла был казнен. Затем в войну с талибами ввязались американцы. Что бы там ни говорили, но если бы новые власти России не

отвернулись от правительства Наджибуллы и провозглашенная им политика национального примирения продолжилась, то на долю афганского народа не выпали бы те чудовищные страдания, которые ему пришлось пережить в последующие годы. Тогда бы и на подступах к России и на границах центральноазиатских стран СНГ была бы обеспечена более надежная безопасность. А на территории Афганистана не возник бы Бен Ладен, а на южных подступах России его “Аль-Каида”. Не разгорелось бы и пламя нового – не менее кровопролитного конфликта». Возможно, сегодня не все коллеги генерала разделяют его точку зрения. Но и в ней, похоже, есть своя логика и доля правды для того времени.

С мнением генерала Гареева, правда, не соглашается генерал армии Александр Майоров. Он спорит с теми, кто считает, что будто бы введением войск в Афганистан Москва остановила «исламскую угрозу». Он считал как раз наоборот. В своей книге «Правда об афганской войне» он вспоминает, как в разговорах с самыми высокопоставленными политиками СССР он весьма критически относился к афганскому вопросу, полагая, что вторжение в Афганистан стало катализатором усиления там исламистских настроений. В отличие от генерала Гареева он, наоборот, уверен, что если бы в Афганистан не вошли советские войска, то и талибов бы там тоже не было бы⁶.

В дополнение к словам К.Н. Брутенца о Брежневе, которого большинство советского населения обвиняло в так называемой афганской авантюре, я нашел еще одно интересное подтверждение позиции генсека со слов того же генерала-разведчика Юрия Дроздова: «Уже в январе 1980 г. я получил указание от высшего партийного руководства принять вместе с нашим генеральным штабом, в частности, с маршалом Ахромеевым⁷ участие в разработке плана по выводу российских подразделений из Афганистана. Маршал, кстати, как и многие другие военачальники, высказывался против ввода советских войск в эту страну. То, что Брежнев поручил нам разработать план по выводу наших подразделений из Афганистана, говорит о том, что он твердо был уверен в необходимости уходить из этой страны. И вот этот уже разработанный в 1980 г. документ пролежал у меня в сейфе – вы удивитесь – до какого года? До конца

⁶ *Майоров А.М.* Правда об афганской войне: Свидетельства Главного военного советника. М.: Права человека, 1996. 288 с.

⁷ С февраля 1979 по сентябрь 1984 г. – первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Многократно выезжал в Афганистан для планирования и руководства боевыми действиями советских войск.

1988 г.! Лишь только тогда мне дали приказ уничтожить этот документ. Потому что решение по выводу войск уже было принято, но уже другим руководителем – Горбачевым».

Тогда же на гребне волны так называемой гласности, поднятой тем же руководителем, в советских верхах развернулись споры – должна ли эта гласность распространяться на такие чувствительные темы, как события в Афганистане. ТАСС, где мне в то время пришлось работать главным выпускающим новостей, являлось основным рупором событий, происходящих как в СССР, так и за рубежом. Это информационное агентство курировал ЦК КПСС, где к тому времени работали как сторонники старой линии – «фильтровать все новости», так и те, кто выступал за «полную свободу информации, как на Западе». Распоряжения в ТАСС поступали взаимоисключающие. То от руководства агентства требовали сообщать обо всем, в том числе и о проблемах и понесенных советскими войсками потерях в Афганистане, то вдруг «вызывали на ковер» на Старую площадь и грозились сурово наказать виноватых в «утечке служебной информации». Мне, например, не раз доводилось держать ответ за «излишнюю приверженность к свободе слова».

Чингиз Айтматов, всемирно известный писатель-гуманист, не нуждается в представлении. Его главное оружие – талант, слово и совесть. Он отвергал любую форму насилия, угнетения, несправедливости. Чингиз и мой отец дружили. Когда мы с отцом написали совместную книгу «Восток – дело близкое, Иерусалим – святое»⁸, писатель вызвался стать автором вступительного слова к ней. Он часто с отцом дискутировал не только по вопросам литературы, но и политики, и мне запомнились его слова в одном из споров: «Леня, зачем Советский Союз влез в эту войну в Афганистане? Это что? Интернациональный долг? Этим интернациональным долгом мы раскололи родину. С этого все началось. Афганистан вызвал трещину в фундаменте нашего дома и разрушил его – наш великий Советский Союз. СССР рассыпался на мелкие осколки».

Как мы видим сегодня, в отношении проблемы ввода советских войск в Афганистан и ее оценки даже в то далекое время «единогласия», «всеобщего одобрения» в нашей стране и единого мнения не существовало. В том числе среди генералов, разведчиков, политиков, партийных руководителей, а также представителей СМИ и писателей. Сегодня, по прошествии десятков лет, у нас, уже в другой стране, все еще нет не только однозначного взгляда на это событие, но и не имеется достоверных данных по ряду вопросов, связанных

⁸ *Медведко Л.И., Медведко С.Л.* Восток – дело близкое. Иерусалим – святое. М.: Грифон, 2009. 543 с.

с этим периодом. Некоторые из них до сих пор до конца неясны и противоречивы. Так что и в наше время поле для исследований «афганской истории» имеется весьма широкое.

Как справедливо отметил эксперт по афганской тематике, автор многих публикаций и книг по Афганистану, архивист, член-корреспондент РАН, профессор В.С. Христофоров, «сохранение исторической памяти о войне в Афганистане ...требует системной научной работы... так как ветераны этой войны уходят из жизни» [Христофоров 2025, с. 139]. А следовательно, хочется дополнить, что эта работа должна быть достаточно оперативной. И здесь, наверное, ценной будет фиксация любых воспоминаний.

В этом отношении свидетельства и рассказы очевидцев о пережитом, особенно те, которые не были опубликованы и не преданы огласке, возможно, могут иметь не меньшую ценность, чем изданные книги, мемуары или хранящиеся в архивах документы. Задача исследователя – сохранить такие свидетельства во всем многообразии, пусть временами и противоречивом. Но ведь это тоже часть истории нашей родины.

Литература

Христофоров 2025 – *Христофоров В.С.* Военные кампании СССР и США в Афганистане: сравнительный анализ. М.: РГГУ, 2025. 270 с.

References

Khristoforov, V.S. (2025), *Voennye kampanii SSSR i SSHA v Afganistane: sravnitel'nyi analiz* [The military campaigns of the USSR and the USA in Afghanistan: a comparative analysis], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Л. Медведко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; smedvedko@mail.ru

Information about the author

Sergei L. Medvedko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; smedvedko@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 2
2026

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 03.06.2026
Выход в свет 10.06.2026
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 13,2. Усл. печ. л. 14,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2376

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru